

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2017 Том 17 № 1

В номере: Международные организации и западный мир

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал

Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

А.В. Шабига, доктор философских наук, профессор, РУДН, Россия
ir@rudn.university

Заместитель главного редактора

Д.А. Дегтерев, кандидат экономических наук, доцент, РУДН, Россия
degterev_da@rudn.university

Заместитель главного редактора

К.П. Курьлев, доктор исторических наук, доцент, РУДН, Россия
kurylev_kp@rudn.university

Ответственный секретарь

Е.В. Журавлева, ассистент, РУДН, Россия
zhuravleva_ev@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, ректор Дипломатической академии МИД России
Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

Протопопов Анатолий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры ТИМО РУДН
Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге

Фитунни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований

Адилханулы Нурлан Адилханович, заведующий кафедрой региональных исследований Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылайхана, Казахстан

Агрян Ваагн Робертович, заведующий кафедрой факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Армения

Акинер Ширин, профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания

Ван Гуанчжэнь, профессор Школы истории и культуры Шаньдунского университета, Китай

Моханти Арун Кумар, кандидат исторических наук, профессор, руководитель Центра исследований России и Центральной Азии Института международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Индия

Гутьеррес Дель Сид Ана Тереза, профессор международных отношений Столичного автономного университета, Мексика

Кёхлер Ханс, профессор философии Университета Инсбрука, Австрия

Моргунова Оксана, Центр по изучению России, Центральной и Восточной Европы Университета Глазго, Великобритания

Такахаси Мотоки, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, Япония

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям «История», «Политические науки», «Экономика».

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).
Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами «глобального Юга» (Азии, Африки, Латинской Америки), а также международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Журнал является международным по проблематике, составу редколлегии и составу авторов. Будучи включенным в международный академический дискурс, журнал регулярно публикует статьи признанных экспертов-международников из РФ, Европы, Азии и США. Вместе с тем, издание дает возможность перспективным исследователям из Азии, Африки и Латинской Америки представить на страницах журнала свое локальное (национальное, региональное) видение мироустройства, что позволяет вырабатывать более сбалансированные подходы к решению глобальных проблем современности.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в особенности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «История международных отношений», «Прикладной анализ», «Политические портреты», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2017 г. следующий:

№ 2	Этическое измерение и мораль в МО	до 15 марта 2017 г.
№ 3	50 лет АСЕАН. Региональное сотрудничество в ЮВА	до 15 июня 2017 г.
№ 4	Терроризм как глобальный проект и угроза международной безопасности	до 15 сентября 2017 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Редактор *Т.К. Будовская*

Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Подписано в печать 23.03.2017. Выход в свет 30.03.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл.-печ. л. 24,18. Тираж 500 экз. Заказ № 30. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2017 VOLUME 17 N 1

In this issue: International organizations and Non-Western World

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Andrey Shabaga

RUDN University, Russia
ir@rudn.university

DEPUTY EDITOR

PhD Denis Degterev

RUDN University, Russia
degterev_da@rudn.university

DEPUTY EDITOR

Doctor Konstantin Kurylev

RUDN University, Russia
kurylev_kp@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Evgeniya Zhuravleva

RUDN University, Russia
zhuravleva_ev@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Bazhanov Eugene Petrovich, Doctor, Rector of the Diplomatic Academy, MFA of Russia

Larionova Marina Vladimirovna, Doctor, Head of the Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics of the HSE

Mosyakov Dmitry Valentinovich, Doctor, Head of Department of Southeast Asia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Portyakov Vladimir Yakovlevich, Doctor, Deputy Director of the Institute for Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

Protopopov Anatoly Sergeevich, Doctor, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University

Sapronova Marina Anatolievna, Doctor, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO University, MFA of Russia

Heifetz Victor Lazarevich, Doctor, Professor of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

Fituni Leonid Leonidovich, Doctor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Global and International Studies

Adilhanuly Nurlan Adilkhanovich, Head of the Department for Regional Studies of the Kazakh University of International Relations and World Languages named Abylaikhan, Kazakhstan

Aglyan Vahagn Robertovich, Head of the Department of International Relations of Yerevan State University, Armenia

Akiner Shirin, Professor of School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, UK

Wang Guangzhen, Professor of the School of History and Culture in Shandong University, China

Mohanty Arun Kumar, PhD, professor, The Head of the Centre for Russian and Central Asian Studies School of International Studies of Jawaharlal Nehru University, India

Gutierrez Del Cid Ana Teresa, Professor of International Relations at Metropolitan Autonomous University, Mexico

Kochler Hans, Professor of Philosophy at the University of Innsbruck, Austria

Morgunova Oksana, PhD, Centre for Russian, Central and East European Studies, University of Glasgow, UK

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Japan

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>.

Accessible at Academia.Edu and Mendeley.

Aim and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of students body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow to elaborate a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "History of International Relations", "Applied Analysis", "Political Portraits", "International academic cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Research Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN* for 2017 will deal with the following issues:

# 2 2017	The ethical and moral dimension in IR	till 15 March 2017
# 3 2017	50 years of ASEAN. Regional cooperation in South-East Asia	till 15 June 2017
# 4 2017	Terrorism as a global project and a threat to international security	till 15 September 2017

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Editor T.K. Budovskaya

Computer design E.P. Dvoglevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Tel. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Международные организации и незападный мир

- Кузнецов А.В.** Международные финансовые институты и вызовы многополярности 9
- Федорченко С.Н.** МВФ и социально-политические процессы на постсоветском пространстве 22
- Минкова К.В.** «Советская делегация считает целесообразным вступление Советского Союза в состав членов фонда»: СССР и Международный валютный фонд в 1943—1946 гг. 34
- Павлова Е.Б.** Колониальное наследие как проблема и ресурс сотрудничества Юг-Юг: случай Бразилии 48
- Omo-Ogbebor D.O., Sanusi A.H.** Asymmetry of ECOWAS integration process: contribution of regional hegemon and small country (**Омо-Огбебор Д.О., Сануси А.Х.** Асимметрия интеграции в рамках ЭКОВАС: вклад регионального гегемона и малой страны) 59

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Салинг К.** Дисбалансы в развитии Европейской валютной интеграции: проблемы и современные тенденции 74

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

- Suleymanov A.V.** United Nations role in resolution international conflicts (**Сулейманов А.В.** Роль ООН в разрешении международных конфликтов) 86
- Еремин А.А., Еремينا М.С., Абдурашитова Э.А.** Роль резолюции A/RES/S-30/1 в формировании новых подходов ООН к противодействию незаконному обороту наркотиков на глобальном уровне 95

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Ших К.В.** Современное состояние белорусско-израильских отношений: тенденции развития 111

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

- Сафонкина Е.А.** Модели взаимодействия форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) с международными институтами в процессе осуществления многостороннего управления 122

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

- Исследования международных организаций в РФ. Интервью с доктором политических наук, директором Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) РАНХиГС **М.В. Ларионовой** 137

Региональная интеграция развивающихся стран. Интервью с Генеральным секретарем ЛАГ (2001—2011 гг.) Амр Мусой	144
---	-----

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Архангельская А.А. Международные аспекты создания Южно-Африканского Союза в 1910 г.	150
---	-----

Radityo Dharmaputra. De-stalinisation of soviet foreign policy towards Indonesia: reviewing the feasibility of the theory of foreign policy change (Радитио Дармапутра. Десталинизация внешней политики СССР по отношению к Индонезии в рамках теории изменения внешней политики)	162
--	-----

Неженцев И.В., Пономаренко Л.В. Остров Майотта на пути в международное сообщество	175
--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Колдунова Е.В., Лунев С.И. Процессы трансформации системы образования и науки в странах Азии в оценках международных организаций и транснациональных рейтинговых структур	190
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Бокерия С.А., Шабага А.В. Рецензия на монографию: Ситуационные анализы: выпуск 5: Международные институты в современной мировой политике: Кол. монография / [Э.Я. Баталов и др.]; Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО МИД России; 2017. — 481 с.	201
---	-----

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: International organizations and Non-Western World

- Kuznetsov A.V.** International financial institutes and multipolarity challenges ... 9
- Fedorchenko S.N.** IMF and socio-political processes in the post-soviet space 22
- Minkova K.V.** “The Soviet delegation considers USSR joining the International Monetary Fund advisable”: Soviet Union and IMF in 1943—1946 34
- Pavlova E.B.** Colonial legacy as a source and a problem in South-South Cooperation: The Case of Brazil 48
- Omo-Ogbebor Dennis O., Sanusi Ahmed H.** Asymmetry of ECOWAS integration process: contribution of regional hegemon and small country 59

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Sahling C.** Imbalances in the development of European currency integration: key issues and recent trends 74

PEACE AND SECURITY

- Suleymanov A.V.** United Nations role in resolution international conflicts 86
- Eremin A.A., Eremina M.S., Abdurashitova E.A.** The input of resolution A/RES/S-30/1 in the formation of the new global anti-drug approaches 95

BILATERAL RELATIONS

- Shykh K.V.** The current state of Belarusian-Israeli relations: basic trends 111

APPLIED ANALYSIS

- Safonkina E.A.** Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC): Models of Engagement with International Institutions in the Process of Regional Governance 122

SCIENTIFIC SCHOOLS

- Studies of international organizations in the Russian Federation. Interview with Doctor of political sciences, Professor, Director of the Center for International Institutions Research (CIIR) of RANEPА **M.V. Larionova** 137

Regional integration of developing countries. Interview with Amr Moussa , the Secretary General of the League of Arab States (2001—2011)	144
---	-----

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Arkhangelskaya A.A. International aspects of the creation of Union of South Africa in 1910	150
Radityo Dharmaputra. De-stalinisation of soviet foreign policy towards Indonesia: reviewing the feasibility of the theory of foreign policy change	162
Nezhentsev I.V., Ponomarenko L.V. Island of Mayotte on its way to the international community	175

INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION

Koldunova E.V., Lounev S.I. The processes of transformation of the education system and science in Asia in the estimates of international organizations and transnational ranking agencies	190
---	-----

REVIEW

Bokeriya S.A., Shabaga A.V. Review of the book: Situational Analysis: Issue 5: International institutions in the contemporary world's politics	201
---	-----

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Международные организации и незападный мир

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-9-21

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ И ВЫЗОВЫ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

А.В. Кузнецов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Современный мир становится все более многополярным. Однако, несмотря на очевидное перемещение центра экономической тяжести с Запада на Восток, механизмы по разработке правил регулирования в мировой экономике и мировых финансах остаются практически неизменными. Региональные экономические игроки (такие, как группа стран БРИКС) активно включились в систему международного разделения труда. Однако существование институциональных финансовых монополий препятствует перераспределению глобальной добавленной стоимости. Вооружившись новейшими информационными технологиями и финансовыми инновациями, страны-лидеры финансовой глобализации осуществляют перераспределение дефицитных глобальных ресурсов в пользу мир-системного ядра.

Цель статьи — на основе методов сравнительного и системного анализа представить обобщенную характеристику глобальных финансовых институтов. Обоснован тезис, что широко обсуждаемая реформа квот и управления МВФ не привела к существенному усилению роли наиболее динамично развивающихся рыночных экономик в системе принятия решений фонда. Американское доминирование в международных финансовых институтах способствует дальнейшему глобальному продвижению доллара как резервной валюты центральных банков, валюты международных расчетов, депозитов, займов и инвестиций. Показана взаимосвязь между реализацией концепции финансовой глобализации и функционированием модели «центр-периферия» мирового рынка капиталов. Проанализированы особенности современной структуры мирового валютного рынка. Рассмотрены правовые аспекты глобального регулирования, в частности роль англо-американского права в мировой экономике и мировых финансах. Сделан вывод, что для полноценного участия в процессах глобализации странам БРИКС необходимо создание параллельной финансовой системы, направленной на развитие реального сектора экономики и независимой от правил игры, устанавливаемых в системе действующих международных финансовых институтов.

Ключевые слова: мировая финансовая система, МВФ, БРИКС, финансовая глобализация, центр-периферийные отношения, мировой валютный рынок, английское общее право

Многополярность основывается на мировой экономической регионализации, которая не исключает дальнейшего развития процессов глобализации, но повышает значимость государственного регулирования и контроля в целях обеспечения национальных интересов страны [Perskaya, Eskindarov 2015: 6]. В данной связи формирование многополярного мира представляет собой вызов для действующей мировой финансовой системы (МФС). Активное обсуждение этой проблемы началось после мирового финансового кризиса 2008—2009 гг. В качестве основных причин дисфункциональности МФС приводятся, в частности, следующие: стимулирование выдачи дешевых кредитов в условиях растущего социального неравенства [Rajan 2011]; дерегулирование банковского сектора, спровоцировавшее сверхпотребление, опережающее рост реальных доходов [Hankel, Isaak 2011]; массовое освоение высоких технологий и мирового рынка странами с переходной эконо-

микой, поставившее под угрозу парадигму устойчивого экономического роста [King 2011]; наличие неустраняемого противоречия, которое заключается в невозможности одновременно иметь демократию, национальное государство и экономическую глобализацию [Rodrik 2012]; формирование глобальной долговой пирамиды [Rickards 2015], привилегированное положение доллара как фактора образования информационных асимметрий и финансовых кризисов [Eichengreen 2012].

При существующем избытке литературы, посвященной рассмотрению вопроса реформирования МФС [Stiglitz 2011; Sinn 2012; Shiller 2012], зачастую из поля зрения уходит тот факт, что финансовая глобализация XXI в. — это уже не столько объективное следствие финансовой и информационной революций, сколько инструмент централизованного контроля и управления процессами, происходящими в мировом экономическом и финансовом пространстве [Катасонов 2015; Смирнов 2015].

ИНСТИТУТЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ

После Второй мировой войны при непосредственном участии США и Великобритании была создана система институтов (МВФ, МБРР, ГАТТ — впоследствии ВТО), которые и поныне формируют институциональную основу международной торговли и финансов. Посредством данных институтов впервые в мировой истории удалось на практике внедрить модель глобальной макроэкономики [Темин, Вайнс 2015: 173]. Почти тридцатилетнее практическое применение этой модели позволило в значительной степени упорядочить экономические и финансовые отношения между странами и стабилизировать международные потоки товаров и капиталов. Однако кризис Бреттон-Вудской системы фиксированных валютных курсов и два нефтяных шока 1970-х гг. крайне негативно отразились на структуре издержек западных корпораций, что ознаменовало начало перемещения центра создания добавленной стоимости с Запада на Восток [Звонова и др. 2016]. В период 1980—2015 гг. рыночный размер китайской экономики увеличился в 54 раза. Совокупный размер азиатской экономики достиг более 21 трлн долларов США. Такой значительный рост был обусловлен в первую очередь опережающим развитием внутрирегиональной торговли и инвестиций в Азии, на которую в целом сегодня приходится около 35% мирового ВВП и более 6 трлн долларов США международных резервов [Wethington, Manning 2015: 15].

Трансформация однополярного мира стала особо ощутимой после того, как Китай занял лидирующие позиции по размерам ВВП, экспорта и официальных валютных резервов. Эти три показателя являются ключевыми для определения места страны в мировой финансовой иерархии, поскольку включаются в формулу расчета квоты — ключевого механизма во взаимоотношениях стран — членов МВФ. От размера квоты зависят: сумма подписки страны-члена на капитал МВФ, сумма получаемых страной-членом СДР при их очередном распределении; возможности использовать средства фонда, количество голосов страны в МВФ. Несмотря на широкую огласку реформы квот и управления МВФ (длившуюся в период 2010—2015 гг.), по ее завершению не только КНР, но и в целом группа стран БРИКС так и не получили блокирующего пакета голосов (15%), который дает право накладывать вето на наиболее значимые решения фонда, требующие

квалифицированного большинства голосов (85%). При этом США сохранили за собой статус единственной страны — члена МВФ, обладающей таким правом¹ (табл. 1).

Таблица 1

Относительные показатели США, Китая, России, G7 и БРИКС в мировой экономике, 2015 г.
Relative shares of US, China, Russia, the G7 and the BRICS in the world economy, 2015

Доля (Share)	Страна (Country)			Всего G7 / G7	Всего БРИКС / BRICS	
	США / USA	Китай / China	Россия / Russia			
Доля в мировом ВВП (рассчитанном по паритету покупательной способности), % / The share of world GDP (calculated at purchasing power parity), %	15,8	17,3	3,3	31,5	31,0	
Доля в мировом экспорте товаров и услуг, % / Share in global exports of goods and services, %	10,8	11,6	1,9	34,3	17,1	
Доля в официальных международных валютных резервах мира, % * / The share of official foreign exchange reserves of the world, % (09.2016) *	0,4	28,8	2,9	14,0	38,4	
Доля в МВФ / The share of the IMF (01.2017)	в общем объеме квот / in the total amount of quotas	17,46	6,41	2,71	43,51	14,84
	в общем объеме голосов / in the total amount of votes	16,53	6,09	2,59	41,34	14,18

* Без учета золота, СДР и резервной позиции в МВФ (Excluding gold, SDRs and reserve position in the IMF)

Источник: Рассчитано автором по данным МВФ, ВТО

В ноябре 2015 г. члены Исполнительного комитета МВФ большинством голосов включили юань в корзину ключевых международных валют, на основании которой рассчитывается стоимость СДР (международных кредитных, расчетных и платежных средств, выпускаемых МВФ). Решение вступило в силу 1 октября 2016 г. Пересмотр корзины происходит раз в пять лет и требует квалифицированного большинства голосов членов МВФ. На период 2016—2020 гг. доля юаня в корзине установлена на уровне 10,92% (табл. 2). Включение юаня в корзину СДР произошло главным образом за счет уменьшения веса евро (на 6,46%), фунта (на 3,21%) и иены на 1,07%, в то время как относительный вес доллара снизился лишь на 0,17%.

Таблица 2

Динамика состава валютной корзины СДР
The dynamics of the composition of the SDR basket of currencies

Валюта / Currency	Годы / Years				
	1996— 2000	2001— 2005	2006— 2010	2011— 2015	2016— 2020
Доллар США / US dollar	39	45	44	41,9	41,73
Евро / Euro	—	29	34	37,4	30,93
Марка ФРГ / Deutsche mark	21	—	—	—	—
Французский франк / French franc	11	—	—	—	—
Китайский юань / CNY	—	—	—	—	10,92
Иена / Yen	18	15	11	9,4	8,33
Фунт стерлингов / GBP	11	11	11	11,3	8,09

Источник: МВФ

¹ IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors. IMF. January 20, 2017. URL: <http://www.imf.org/external/np/sec/memdir/members.aspx> (accessed 29.01.2017).

Тем не менее за последние 20 лет совокупная доля доллара и фунта в корзине СДР осталась практически неизменной (снижение на 0,18%). Более детальный анализ изменений весовых долей валют в корзине СДР, произошедших с 2000 г. (после введения евро), демонстрирует сохранение англо-американских позиций в мировой финансовой системе (МФС). Во-первых, в 2000 г. суммарная доля немецкой марки и французского франка была на 1,07% больше, чем современная доля общеевропейской денежной единицы, в которую помимо валют Германии и Франции вошли валюты еще 17 стран ЕС. Во-вторых, доля иены снизилась более чем в два раза. В-третьих, доля доллара США в указанный период возросла на 2,73%. В-четвертых, наибольшую стабильность в корзине демонстрировал фунт стерлингов. В-пятых, совокупная доля доллара США и фунта стерлингов, как и в 1996—2000 гг., составляет около половины корзины.

Таким образом, несмотря на трансформацию мировой экономической и финансовой мощи с Запада на Восток, действующая система принятия решений в МВФ — системообразующей институциональной основе МФС — не подвергалась фундаментальным структурным изменениям [Дегтерев 2016а; б].

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КЛАСТЕР

В конце 1990-х гг. американский финансист Дж. Сорос предложил модель построения мирового рынка капиталов «центр—периферия»: «Финансовые рынки «всасывают» большую часть сбережений и прибыли, создаваемых во всем мире, перекачивают их в центр, откуда они затем вновь отправляются на периферию либо непосредственно через финансовые инструменты вроде акций и облигаций, либо опосредованно через транснациональные корпорации» [Сорос 2001]. Наиболее эффективным механизмом перераспределения финансовых ресурсов от «периферии» к «центру» МФС выступает финансовая глобализация. В одном из определений МВФ финансовая глобализация — это степень связи стран через портфель международных финансовых активов, измеряемая как суммарный размер валовых внешних активов и обязательств страны к ВВП².

Исходя из данного определения, США и Великобритания выступают основными бенефициарами функционирования модели «центр—периферия». К примеру, в 2014 г. на США и Великобританию приходилось 49,5% чистого мирового притока капитала³. Кроме того, США и Великобритания являются мировыми лидерами с точки зрения накопленного объема прямых иностранных инвестиций (5,6 трлн и 1,5 трлн долларов в 2015 г. соответственно)⁴. По данным, опубликованным в августе 2016 г. компанией *TheCityUK*, совокупная доля США и Великобритании в отдельных сегментах (секторах) мирового финансового рынка составляла: международная валютная торговля — 60%, внебиржевая торговля процентными деривативами — 72%, мировой рынок финтех-стартапов — 76%, рынок

² Reaping the Benefits of Financial Globalization. IMF, June 2007. P. 2. URL: <https://www.imf.org/external/np/res/docs/2007/0607.pdf> (accessed 29.01.2017).

³ The Global Financial Stability Report Statistical Appendix. IMF, April 2015. 27 P. 3. URL: <https://www.imf.org/External/Pubs/FT/GFSR/2015/01/pdf/statapp.pdf> (accessed 29.01.2017).

⁴ World Investment Report 2016. UNCTAD, 2016. 232 P. 200. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_en.pdf (accessed 29.01.2017).

международных облигаций — 70%, рынок акций — 58%, частный выпуск акций — 75%, активы хедж-фондов — 77%, частные активы под управлением — 63%, инвестиционный банкинг — 44%, рынок межбанковских кредитов — 38%, рынок морского страхования — 35%⁵.

В настоящее время США имеют наибольшую долю капитала в таких влиятельных международных финансовых организациях, как МВФ, Всемирный банк, ЕБРР, Межамериканский банк развития, Азиатский банк развития (одинаковая доля капитала с Японией). Именно эти институты опосредуют продвижение доллара как валюты деноминации международных займов, в том числе путем выпуска облигаций. США подконтрольны три ведущих рейтинговых агентства мира (*Moody's*, *S&P* и *Fitch*), на которые приходится 95% мировых кредитных рейтингов⁶. Благодаря наивысшим кредитным рейтингам доходность ценных бумаг и других финансовых активов США, как правило, ниже доходности соответствующих финансовых инструментов остальных стран. Инвестируя в зарубежные финансовые активы, США существуют за счет данного дифференциала процентных ставок, искусственно создавая спрос на доллары и увеличивая задолженность других стран [Eichengreen 2012].

В свою очередь, в Великобритании располагается наибольшее в мире количество штаб-квартир и филиалов крупнейших транснациональных компаний и транснациональных банков. На лондонских биржах ежедневно устанавливаются мировые цены на нефть, золото, серебро, алюминий, медь, свинец, никель, цинк, олово. В Лондоне ежедневно рассчитывается самая важная в мире процентная ставка — лондонская ставка межбанковских депозитов (ЛИБОР), на которую ориентированы финансовые продукты общей стоимостью около 800 трлн долларов (ЛИБОР служит для них базой условий займа) [Хунбин 2015: 242]. Манипуляции со ставкой ЛИБОР в начале 1980-х гг. стали причиной долгового кризиса в развивающихся странах [Энгдаль 2014: 222—223], а в результате кризиса 2008—2009 гг. привели к перераспределению сверхприбылей в пользу транснациональных банков, оперирующих из Лондона.

В сентябре 2016 г. Лондон в очередной раз был признан главным финансовым центром мира⁷. Кроме того, в британской юрисдикции находится 18 из 42 крупнейших офшорных финансовых центров⁸. Вот уже на протяжении 30 лет Лондон является глобальным лидером в сфере «исламских финансов». Значимость Лондона в МФС подчеркивается также и тем фактом, что основная площадка по урегулированию (реструктуризации) суверенного внешнего долга перед частными банками носит название Лондонского клуба кредиторов. При этом данный процесс никак не формализован. У клуба нет ни штаб-квартиры, которая бы располагалась

⁵ UK Financial and Related Professional Services: Meeting the challenges and delivering opportunities. TheCityUK. August 2016. P. 18. URL: <https://www.thecityuk.com/research/uk-frps-challenges-and-opportunities/> (accessed 29.01.2017).

⁶ Credit Rating Controversy. Council on Foreign Relations. 19.02.2015. URL: <http://www.cfr.org/financial-crises/credit-rating-controversy/p22328> (accessed 29.01.2017).

⁷ The Global Financial Centers Index 20. The Z/Yen Group, September 2016. URL: http://www.longfinance.net/images/gfci/20/GFCI20_26Sep2016.pdf (accessed 29.01.2017).

⁸ Offshore Financial Centers. IMF Background Paper. 23.06.2000. URL: <http://www.imf.org/external/np/mae/oshore/2000/eng/back.htm#table2> (accessed 29.01.2017).

в Лондоне, ни устава, который бы обязывал его членов проводить свои встречи в британской столице [Звонова и др. 2016: 13].

Пребывая вне зоны евро, Великобритания сохранила за собой статус самой привлекательной страны Евросоюза для иностранных инвесторов. Кумулятивный чистый приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Великобританию в течение 2004—2015 гг. составил 269,4 млрд долларов (включая дезинвестиции). Между тем в пяти крупнейших экономиках зоны евро (Германии, Франции, Италии, Испании, Нидерландах) он был ощутимо отрицательным: совокупный чистый отток капитала из этих стран в форме ПИИ за этот период составил свыше 1,7 трлн долларов⁹. Все эти факторы частично стали причиной Брекзита — решения Великобритании о выходе из ЕС, к которому лондонский Сити готовил британскую общественность на протяжении всего периода после введения единой европейской валюты [MacShane 2016: 139—150].

МИРОВОЙ ВАЛЮТНЫЙ РЫНОК

На данный момент денежные единицы крупнейших развивающихся экономик, включая БРИКС, фактически являются внутренними валютами, которые очень незначительно используются в международных финансовых операциях. По данным Банка международных расчетов, совокупная доля валют БРИКС на мировом валютном рынке в апреле 2016 г. составила 8,2% против 153,2%¹⁰ доли валют G4 (доллар США, евро, фунт стерлингов и японская иена). Доля российского рубля в обороте мирового валютного рынка снизилась с 1,6% в апреле 2013 г. до 1,1% в апреле 2016 г. Для сравнения, в 2016 г. доля доллара США равнялась 87,6%, фунта стерлингов — 12,8% (табл. 3)¹¹.

Таблица 3

Доли валют на глобальном валютном рынке, % в среднесуточном обороте
Proportion of currencies in the global foreign exchange market, the average daily turnover, %

Валюта / Currency	Год / Year			
	2001	2007	2013	2016
Доллар США / US dollar	89,9	85,6	87	87,6
Евро / Euro	37,9	37	33,4	31,3
Японская иена / Yen	23,5	17,2	23	21,6
Фунт стерлингов / GBP	13	14,9	11,8	12,8
Индийская рупия / Indian Rupee	0,2	0,7	1	1,1
Российский рубль / Russian ruble	0,3	0,7	1,6	1,1
Китайский юань / CNY	0	0,5	2,2	4
Бразильский реал / Brazilian real	0,5	0,4	1,1	1
Южноафриканский ранд / South African Rand	0,9	0,9	1,1	1
Всего G-4 / G-4	164,3	154,7	155,2	153,3
Всего БРИКС / BRICS	1,9	3,2	7	8,2
Все валюты / All currencies	200	200	200	200

Источник: Банк международных расчетов

⁹ World Investment Report 2007. UNCTAD, 2007. P. 251; World Investment Report 2009. UNCTAD, 2009. P. 247; World Investment Report 2015. UNCTAD, 2015. P. A3; World Investment Report 2016. UNCTAD, 2016. P. 196 URL: <http://unctad.org>.

¹⁰ При определении долей валют исходят из общей суммы сделок покупки и продажи по каждой валюте — 200%.

¹¹ Triennial Central Bank Survey. Foreign exchange turnover in April 2016. Bank for International Settlements. September 2016. P. 10. URL: <http://www.bis.org/publ/rpfx16fx.pdf> (accessed 29.01.2017).

На валютную пару доллар/евро приходится приблизительно две трети от общего количества сделок на международном валютном рынке, среднесуточный объем торгов на котором в апреле 2015 г. составил 5,1 трлн долларов. Международный валютный рынок — самый масштабный, ликвидный и прибыльный финансовый рынок в мире. При этом доля Великобритании на этом рынке составляет 43,1%, тогда как совокупная доля двух других крупнейших международных финансовых центров — США и Японии — лишь 21,6%¹² (табл. 4).

Таблица 4

Среднесуточный оборот и доли основных стран на мировом валютном рынке / Average daily turnover and the shares of the major countries in the foreign exchange market

Оборот, млрд долларов / Turnover, \$ bln		Доли стран / Share of the countries, %			
		Великобритания / Great Britain	США / USA	Япония / Japan	Другие / Others
Апрель / April 2010	3981	36,8	17,9	6,2	39,1
Апрель / April 2011	4487	40,1	16,8	5,6	37,5
Апрель / April 2012	4400	40,3	17,2	5,7	36,8
Апрель / April 2013	5345	40,9	18,9	5,6	34,6
Апрель / April 2014	4898	43,2	14,6	6,5	35,7
Октябрь / October 2014	5667	41,4	17	5,8	35,8
Апрель / April 2015	5068	43,1	15,3	6,3	35,3

Источник: TheCityUK

Международный валютный рынок олигополизирован: в мае 2016 г. 67% торгов осуществлялось при участии всего 10 транснациональных банков, 8 из которых являются англо-американскими (табл. 5)¹³. Менее 2% оборота связано с обслуживанием реальных внешнеторговых соглашений, остальное — это спекулятивные, арбитражные операции и операции по страхованию рисков.

Таблица 5

Ведущие участники мирового валютного рынка, май 2016 г. / Leading players in the foreign exchange market, May 2016

№	Банк / Bank	Страна / Country	Доля в совокупном обороте / The share in the total turnover, %
1	<i>Citi</i>	США / USA	12,9
2	<i>JPMorgan</i>	США / USA	8,8
3	<i>UBS</i>	Швейцария / Switzerland	8,8
4	<i>Deutsche Bank</i>	Германия / Germany	7,9
5	<i>Bank of America Merrill Lynch</i>	США / USA	6,4
6	<i>Barclays</i>	Великобритания / Great Britain	5,7
7	<i>Goldman Sachs</i>	США / USA	4,7
8	<i>HSBC</i>	Великобритания / Great Britain	4,6
9	<i>XTX Markets</i>	Великобритания / Great Britain	3,4
10	<i>Morgan Stanley</i>	США / USA	3,38
	Всего 10 ведущих валютных трейдеров / Total TOP10 forex traders		66,9
	Остальные трейдеры / The rest of the traders		33,1

Источник: Reuters

¹² UK increases lead in global FX trading while global turnover falls. TheCityUK. 30.07.2015. URL: <https://www.thecityuk.com/news/uk-increases-lead-in-global-fx-trading-while-global-turnover-falls/> (accessed 29.01.2017).

¹³ Citi tops Euromoney global FX poll again, but big banks lose grip. Reuters. May 25, 2016. URL: <http://www.reuters.com/article/global-forex-euromoney-idUSL5N18M290> (accessed 29.01.2017).

Сегодня валютный курс фунта стерлингов уже не играет для Британии такой важной роли, как в эпоху классического золотого стандарта, поскольку, контролируя международные финансовые потоки, лондонский Сити также осуществляет косвенный контроль над долларом и евро, в которых осуществляется подавляющая доля международных финансовых операций.

В долларе деноминировано более половины мирового рынка долговых ценных бумаг, международных кредитов и депозитов, а также официальных валютных резервов (табл. 6)¹⁴.

Таблица 6

Доли ключевых валют в крупнейших сегментах мировой финансовой системы, 2015 г., %
Proportion of key currencies in the major segments of the global financial system, 2015, %

Сегмент мировой финансовой системы / Segment of the global financial system	Валюта / Currency				
	Доллар США / US dollar	Евро / Euro	Японская иена / Yen	Фунт стерлингов / GBP	Другие валюты / Other currencies
Международные облигации / International bonds	60,3	22,7	2,7	н.д.	14,2
Международные кредиты / International loans	57,7	21,9	3,9	н.д.	16,5
Международные депозиты / International deposits	56,5	24,8	2,9	н.д.	15,8
Международные валютные резервы / International currency reserves	64,1	19,9	4,1	4,9	7,0

Источник: Европейский центральный банк

Доллар продолжает занимать лидирующие позиции в системе международных торговых расчетов. Так, по данным Сообщества всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций (SWIFT), в декабре 2016 г. доля доллара США как валюты международных платежей составляла 42,09%, британского фунта стерлингов 7,2%. В 2016 г. осуществление платежей в китайских юанях сократилось на 29,5%, его доля снизилась до 1,68% (с 2,31% в декабре 2015 г.). Эксперты SWIFT связывают уменьшение использования юаня в международных платежах с рядом событий: замедлением китайской экономики, волатильностью обменного курса китайского юаня и мерами, предпринимаемыми китайским правительством по регулированию оттока капитала. Среди 20 ведущих валют международных платежей российский рубль занимал последнюю позицию: его доля сократилась с 0,4% (17-е место) в январе 2014 г. до 0,26% в декабре 2016 г.¹⁵

Несмотря на хронический дефицит платежного баланса и продолжительный кризис американской финансовой системы, доллар по-прежнему остается важнейшей валютой цены во внешнеторговых контрактах и основной валютой расчетов в международной торговле. Высокая устойчивость американской валюты связа-

¹⁴ The International Role of the Euro. European Central Bank, June 2016. P. 11, 15, 20, 22. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/euro-international-role-201606.en.pdf> (accessed 29.01.2017).

¹⁵ RMB internationalisation stalls in 2016. SWIFT, 26 January 2017. URL: <https://www.swift.com/news-events/press-releases/rmb-internationalisation-stalls-in-2016> (accessed 29.01.2017).

на с тем, что доллар имеет статус реальных мировых денег, которые обеспечены не только производством в США, но и всей массой товаров и услуг, поступающих на мировой рынок, где происходит их обмен на доллары [Бажан, Федоров 2016: 59].

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Залогом исключительной роли Великобритании и США в мировой экономике и мировых финансах выступает чрезвычайное проникновение английского и американского общего права в сферу международного бизнеса. В 2014 г. шесть из десяти крупнейших в мире (по числу юристов) транснациональных (ТНК) юридических компаний имели британское происхождение (*DLA Piper, Norton Rose Fulbright, Clifford Chance, Allen & Overy, CMS, Linklaters*). С целью защиты своих ТНК США и Великобритания активно практикуют заключение двухсторонних инвестиционных договоров, включающих в себя механизмы урегулирования коммерческих споров, что позволяет ТНК в судебном порядке оспаривать решения правительств принимающих стран. В 2010 г. английское общее право было самым популярным выбором ТНК при решении арбитражных споров, на которое приходилось 40% всех арбитражных дел¹⁶. Англо-американским правом регулируется также 95% выпусков международных облигаций в развивающихся странах и странах с формирующимися рынками [Das, Papaioannou, Trebesch 2012: 41]. Выбор юрисдикции является критически важным в том случае, если правомочные кредиторы выскажут пожелание подать иск на правительство-заемщика в коммерческий суд.

Финансовый кризис, достигший своей кульминации в 2008 г., стал поводом для разработки новых стандартов, призванных закрепить ведущие англо-американские позиции в мировой финансовой системе. Характерно, что именно Великобритании (вместе с Францией) принадлежала инициатива организации в 2008 г. серии антикризисных саммитов «Группы 20» (G20) на высшем уровне, именно США и Великобритания были выбраны местом проведения первых трех «установочных» саммитов, на которых были разработаны механизмы вывода мировой экономики из кризиса и согласованы направления реформирования системы финансового регулирования. По сути, на саммитах были усилены позиции ключевых международных финансовых организаций (МВФ, Всемирного банка, региональных банков развития), способствующих глобальному продвижению доллара как валюты международных займов и расчетов.

Кроме того, на Лондонском саммите G20 была создана новая международная организация с расширенными полномочиями — Совет финансовой стабильности (СФС). СФС обладает большой финансовой автономией, исключительными полномочиями и возможностями для координации работы национальных финансовых управляющих органов и институтов, разработки международных стандартов, а также по обеспечению мониторинга реализации норм по регулированию и над-

¹⁶ UK Legal services 2015: legal excellence, internationally renowned. London: TheCityUK, February 2015. P. 17, 26. URL: <https://www.thecityuk.com/assets/2015/Reports-PDF/UK-Legal-Services-2015.pdf> (accessed 29.01.2017).

зору над финансовым сектором на международном уровне. По мнению американского финансиста Д.Т. Волфа, СФС отныне «контролирует финансы планеты» [Волф 2013: 52]. В данной связи необходимо подчеркнуть, что СФС возник на базе Банка международных расчетов (БМР) — первой международной финансовой организации, созданной в 1931 г. по инициативе М. Нормана (управляющего Банка Англии в 1920—1944 гг.), который пролоббировал идею создания этого финансового учреждения с целью усиления сотрудничества между главными центральными банками планеты. Несмотря на то что Конгресс США запретил формальное членство ФРС США в этой организации, в ее учреждении принял участие Федеральный резервный банк Нью-Йорка, а также делегация американских банков, близких к группе Морганов (исторически тесно связанной с лондонским Сити). Именно группа «Джи Пи Морган энд компани» предоставила БМР значительную часть капитала [Ротбард 2005: 283].

Финансовая глобализация в том виде, в котором она существует, это не создание условий для паритетного участия региональных экономических центров в международной финансовой системе, а скорее их встраивание в уже существующую матрицу глобальных финансовых институтов, находящихся под англо-американским контролем. С учетом данного факта дальнейшая интеграция наиболее динамично развивающихся региональных экономик (в первую очередь, стран группы БРИКС) в глобальную финансовую систему по существующим правилам представляется нецелесообразной. Альтернативой для стран группы БРИКС должно стать наиболее активное включение в создание параллельной финансовой системы, нацеленной на обслуживание стратегических приоритетов развития реального сектора экономики — реиндустриализацию, переход к новому технологическому укладу [Кузнецов 2015].

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-02-00669.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бажан А.И., Федоров В.П.* Роль доллара в глобальном управлении // *Банковское дело*. 2016. № 1. С. 54—61.
- Волф Дж.Т.* Преднамеренный кризис: неизвестная история всемирного финансового переворота, и что вы можете с этим сделать. М.: ИД «Дело» РАНХиГС; Изд-во Института Гайдара; 2013.
- Дегтерев Д.А.* Оценка многополярности международной финансовой системы: политэкономический анализ // *Мировое и национальное хозяйство*. МГИМО (У) МИД России. 2016а. № 2.
- Дегтерев Д.А.* Политическое влияние в международной финансовой системе // *Вестник международных организаций*. 2016б. Т. 11. № 4. С. 77—105. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-04-77.
- Звонова Е.А., Еришов М.В., Кузнецов А.В., Навой А.В., Пиццик В.Я.* Реформирование мировой финансовой архитектуры и российский финансовый рынок / Под ред. Е.А. Звоновой. М.: РУСАЙНС; 2016.

- Катасонов В.Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации; 2015.
- Кузнецов А.В.* Проблемы интеграции России в мировую финансовую систему // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 6. С. 82—90.
- Ротбард М.* История денежного обращения и банковского дела в США: от колониального периода до Второй мировой войны. Челябинск: Социум; 2005.
- Смирнов Ф.А.* Мировая финансово-экономическая архитектура. Деконструкция. М.: ООО «Буки Веди»; 2015.
- Сорос Дж.* Тезисы о глобализации // *Вестник Европы*. 2001. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2001/2/sor.html> (дата обращения: 29.01.2017).
- Темин П., Вайнс Д.* Экономика без лидера. Почему рассыпалась мировая экономическая система и как ее собрать. М.: Изд-во Института Гайдара; 2015.
- Хунбин С.* Война валют. М.: РОО «Русский выбор»; 2015.
- Энгдаль У.Ф.* Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. 3-е изд. М., 2014.
- Das U.S., Papaioannou M.G., Trebesch C.* Sovereign Debt Restructurings 1950—2010: Literature Survey, Data, and Stylized Facts. IMF Working Paper WP/12/203, August 2012.
- Eichengreen B.* Exorbitant Privilege: the Rise and Fall of the Dollar. OUP Oxford, 2012.
- Hankel W., Isaak R.* The Brave New World Economy: Global Finance Threatens Our Future. Hoboken: New Jersey: John Wiley & Sons, 2011.
- King S.D.* Losing Control: The Emerging Threats to Western Prosperity. Yale University Press, 2011.
- MacShane D.* Brexit: How Britain Will Leave Europe. London-New York: I.B. Tauris, 2016.
- Perskaya V., Eskindarov M.* The Competitiveness of the National Economy under Multipolarity: Russia, India, China. Moscow: Economics, 2015.
- Rajan R.G.* Fault Lines: How Hidden Fractures Still Threaten the World Economy. Princeton University Press, 2011.
- Rickards J.* The Death of Money: The Coming Collapse of the International Monetary System. London: Portfolio Penguin, 2015.
- Rodrik D.* The Globalization Paradox. Why Global Markets, States and Democracy Can't Coexist. Oxford University Press, 2012.
- Shiller R.J.* Finance and the Good Society. Princeton University Press, 2012.
- Sinn H.-W.* Casino Capitalism: How the Financial Crisis Came About and what it Needs to be Done now. Oxford University Press, 2012.
- Stiglitz J.E.* The Stiglitz Report. Reforming the International Monetary and Financial System in the Wake of Global Crisis. NY, London: The New Press, 2011.
- Wethington O., Manning R.A.* Shaping the Asia-Pacific Future: Strengthening the Institutional Architecture for an Open, Rules-based Economic Order. Washington: The Atlantic Council; 2015. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/192129/Shaping_AP_Future_Digital.pdf (accessed 29.01.2017).

Дата поступления статьи: 31.01.2017

Для цитирования: *Кузнецов А.В.* Международные финансовые институты и вызовы многополярности // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 9—21.

Сведения об авторе: *Кузнецов Алексей Владимирович* — д-р экон. наук, старший научный сотрудник, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (e-mail: kuznetsov0572@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-9-21

INTERNATIONAL FINANCIAL INSTITUTES AND MULTIPOLARITY CHALLENGES

Aleksei V. Kuznetsov

Financial University under the Government of Russian Federation,
Moscow, Russia

Abstract. The world is changing, moving towards multi-polarity. However, despite the explicit shifting of the center of economic gravity from the West to the East, the dominance of the West in establishing the rules of conduct in the global economy and global finance remain virtually immutable. The author argues that the widely-discussed reform of the IMF quota and governance has not led to a significant strengthening of the role of the most dynamically developing emerging economies in the Fund's decision-making. Regional economic players (such as the BRICS) have been actively involved in the international division of labor. However, the existence of institutional financial monopolies hinders the redistribution of global value added. Armed with the advanced information technologies and financial innovations, the leaders of financial globalization are redirecting scarce global resources in favor of the world-systemic core. The study is based on comparative methods and system analysis and aims to provide a comprehensive view on the way of involvement of global financial institutions in the control of the processes of financial globalization. US dominance in international financial institutions contribute to the further advancement of the global role of dollar as reserve currency of central banks, the currency of international settlements, deposits, loans and investments. It's shown that the implementation of financial globalization is strongly correlated with the concept of the «center-periphery» model, on which the functioning of the global capital market is dependent. The features of the modern structure of the global currency market are summarized. The article reveals some legal aspects of global governance, in particular the role of the Anglo-American law in the global economy and global finance. It is concluded that for full participation of emerging markets, particularly the BRICS countries, in the processes of globalization, it is necessary to create a parallel financial system, aimed at the development of the real sector of the economy, which would be independent of the rules that have been established within existing system of international financial institutions.

Key words: the global financial system, IMF, BRICS, financial globalization, the center-periphery relationship, foreign exchange market, the English common law

Acknowledgements: This study was supported by Russian Humanitarian Science Foundation (project 15-02-00669).

REFERENCES

- Bazhan, A. I., & Fedorov, V. P. (2016) The dollar's role in global governance. *Bankovskoe delo*, 1, 54—61. (In Russ.).
- Das, U. S., Papaioannou, M. G., & Trebesch C. (2012). Sovereign Debt Restructurings 1950—2010: Literature Survey, Data, and Stylized Facts. IMF Working Paper WP/12/203.
- Degterev, D. A. (2016a). Evaluating multipolarity of international financial system: IPE analysis. *Mirovye i natsional'noye khozyaistvo*. MGIMO (U) MID Rossii, 2. (In Russ.).
- Degterev, D. A. (2016b). The political influence in the international financial system. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 11, 4, 77—105. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-04-77. (In Russ.).
- Eichengreen, B. (2012). *Exorbitant Privilege: the Rise and Fall of the Dollar*. OUP Oxford.
- Engdahl, W. F. (2014). *Century of war. Anglo-American oil politics and the New world order*. Moscow. (In Russ.).

- Hankel, W., & Isaak, R. (2011). *The Brave New World Economy: Global Finance Threatens Our Future*. Hoboken: New Jersey: John Wiley & Sons.
- Hongbing, S. (2015) *Currency War*. Moscow: ROO «Russkii vybor». (In Russ.).
- Katasonov, V.Yu. (2015). *Capitalism. History and ideology of “money of civilization”*. Moscow: Institute of Russian civilization. (In Russ.).
- King, S. D. (2011). *Loosing Control: The Emerging Threats to Western Prosperity*. Yale University Press.
- Kuznetsov, A. V. (2015). Problems of Russia’s integration into the global financial system. *MEMO Journal*, 6. (In Russ.).
- MacShane, D. (2016). *Brexit: How Britain Will Leave Europe*. London-New York: I.B. Tauris.
- Perskaya, V., & Eskindarov, M. (2015). *The competitiveness of the national economy under multipolarity: Russia, India, China*. Moscow: Economics.
- Rajan, R. G. (2011). *Fault Lines: How Hidden Fractures Still Threaten the World Economy*. Princeton University Press.
- Rickards, J. (2015). *The Death of Money: The Coming Collapse of the International Monetary System*. London: Porfolio Penguin.
- Rodrik, D. (2012). *The Globalization Paradox. Why Global Markets, States and Devocracy Can’t Coexist*. Oxford University Press.
- Rothbard, M. N. (2005). *A History of Money and Banking in the United States: The Colonial Era to World War II*. Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.).
- Shiller, R. J. (2012). *Finance and the Good Society*. Princeton University Press.
- Sinn, H.-W. (2012). *Casino Capitalism: How the Financial Crisis Came About and what it Needs to be Done now*. Oxford University Press.
- Smirnov, F. A. (2015). The global financial and economic architecture. Deconstruction. Moscow: OOO «Buki Vedi». (In Russ.).
- Soros, Dzh. (2001). *Tezisy o globalizatsii* [Abstracts of globalization]. *Herald of Europe*, 2. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2001/2/sor.html> (accessed: 29.01.2017).
- Stiglitz, J. E. (2011). *The Stiglitz Report. Reforming the International Monetary and Financial System in the Wake of Global Crisis*. NY, London: The New Press.
- Temin P., & Vines D. (2015). *The leaderless economy. Why the world economic system fell apart and how to fix it*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russ.).
- Wethington, O., & Manning, R. A. (2015). *Shaping the Asia-Pacific Future: Strengthening the Institutional Architecture for an Open, Rules-based Economic Order*. Washington: The Atlantic Council. 40 p. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/192129/Shaping_AP_Future_Digital.pdf (accessed: 29.01.2017).
- Wolfe, J. T. (2013). *Crisis by design: the untold story of the global financial coup and what you can do about it*. Moscow: Book House «Delo»; Gaidar Institute Publ. (In Russ.).
- Zvonova, E. A. (ed.), Ershov, M. V., Kuznetsov, A. V., Navoi, A. V., & Pishchik, V. Ya. (2016). *Reforming the global financial architecture and the Russian financial market*. Moscow: RU-SCIENCE. (In Russ.).

Received: 31.01.2017

For citations: Kuznetsov, A. V. (2017). International financial institutes and multipolarity challenges. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 9—21.

About the author: *Kuznetsov Aleksei Vladimirovich* — Doctor of Economics, Professor of the Department of Global Economy and Global Finance of the Financial University under the Government of Russian Federation (e-mail: kuznetsov0572@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-22-33

МВФ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С.Н. Федорченко

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

В статье показано, что практика Международного валютного фонда (МВФ) по предоставлению кредитов нуждающимся странам запускает малоисследованную цепную реакцию изменений социально-политических процессов. В качестве рабочей гипотезы автором предлагается следующее: функционируя в условиях постсоветских обществ, где длительное время ключевую роль в экономике и политике играло государство, МВФ недооценил сильный запрос местного населения на поддержку правительством социальной сферы, что привело к двоякому результату его консультационной деятельности — с одной стороны, рекомендации фонда действительно привели к стабилизации финансовых систем региона, но, с другой стороны, — к непоследовательности модернизации и незавершенности структурных реформ. Граждане критически отнеслись к сокращению дотаций на социальные сегменты своей жизни, поэтому постсоветские элиты постоянно колебались в отношении выполнения полного пакета рекомендаций МВФ.

Автор придерживается мнения, что постсоветские правительства на деле ограничивали маневр фонда, отсюда в отдельных случаях международной организации даже приходилось идти на уступки и послабление своих изначальных требований. Отсутствие единого и долговременного подхода кредитования между постсоветской элитой и МВФ провоцировало разочарование населения в необходимости либерализации, ослабления института государства, а также формировало условия для социальной неустойчивости вплоть до «цветных революций». Исследование опирается на данные социологических опросов населения.

Ключевые слова: МВФ, постсоветское пространство, СНГ, международные организации, международные финансовые институты, геополитика, глобализация

Ограничным элементом современных глобализационных процессов является деятельность международных финансовых организаций, среди которых важное место занимает Международный валютный фонд (МВФ).

После распада Советского Союза МВФ начал взаимодействовать с пятнадцатью новыми постсоветскими странами, элиты которых стремились стабилизировать свои политические режимы посредством финансовых вливаний в экономику. Сложилось несколько подходов к оценке деятельности фонда. К примеру, профессор Рочестерского университета Р. Стоун, проработав несколько лет в МВФ в качестве эксперта, стал придерживаться мнения, что данная международная организация своей деятельностью нацелена не на снижение транзакционных издержек, а на сохранение баланса интересов и власти США и других участников фонда [Stone 2011]. Отдельные отечественные авторы, ссылаясь на работы Р. Стоуна, также пишут, что с помощью фонда США в экстренных случаях могут быстро собрать необходимые средства для помощи дружественным государствам [Бардин 2013]. Однако тот же Стоун оговаривался, что подобная практика вовсе не означает, что МВФ является абсолютным проводником геополитических интересов Соединенных Штатов.

В настоящей статье сделан акцент на связь социально-экономических и малоизученных политических процессов на постсоветском пространстве со специфической пакетом рекомендаций МВФ. В качестве рабочей гипотезы предлагается следующее предположение: функционируя в условиях постсоветских обществ, где длительное время ключевую роль в экономике и политике играло государство, МВФ недооценил сильный запрос местного населения на поддержку правительством социальной сферы, что привело к двоякому результату его консультационной деятельности — с одной стороны, рекомендации фонда действительно привели к стабилизации финансовых систем региона, но, с другой стороны, — граждане критически отнеслись к сокращению дотаций на социальные сегменты своей жизни. Немаловажным фактором являлась и непоследовательная позиция постсоветской политической элиты, с реформаторскими планами которой фонду приходилось считаться. Перейдем к анализу этого постсоветского парадокса.

Таблица 1

Кредитная политика МВФ в постсоветских странах в 1990-х — начале 2000-х гг.*
IMF credit policy in post-Soviet countries in the 1990s — early 2000s

Страна / Country	Годы кредитования / Years of the loan	Сумма, млрд долларов / Total amount, \$ bln
Азербайджан / Azerbaijan	1995—2005	0,6
Армения / Armenia	1994—2008	0,4
Белоруссия / Belorussia	1993—1995	0,3
	2009—2010	3,5
Грузия / Georgia	1994—2007	0,6
Казахстан / Kazakhstan	1993—1998	0,9
Киргизия / Kyrgyzstan	1993—2008	0,4
Латвия / Latvia	1992—1994	1,0
Литва / Lithuania	1992—1995	0,4
Молдавия / Moldavia	1993—2008	0,5
Россия / Russia	1992—1999	24,0
Таджикистан / Tajikistan	1996—2006	0,3
Туркменистан / Turkmenistan	—	—
Узбекистан / Uzbekistan	1995—1996	0,2
Украина / Ukraine	1994—2008	9,2
Эстония / Estonia	1992—1995	0,1

* 1992—2008 гг. — не учитываются суммы резервного транша.

Источник: [Смыслов 2010]

РОССИЯ КАК КРУПНЕЙШИЙ ЗАЕМЩИК

Уже в феврале 1991 г. фонд принял участие в разработке программы российских реформ. Как видно из табл. 1, РФ получила больше всех кредитных ресурсов среди постсоветских стран в 1999-х — начале 2000-х гг. Экс-директор европейского отдела МВФ Дж. Одлинг-Сми анализирует несколько особенностей работы фонда с Россией. Во-первых, по мнению Одлинга-Сми, обусловленность предоставления кредитов не оказала существенного влияния на доходы бюджета страны, реальные суммы которых отставали от запланированных величин [Одлинг-Сми 2005]. Мало того — приостановки выделения кредитов накладывались на уменьшение возможности использовать заемные средства для субъектов хозяйственной деятельности [Архипова 2016]. Это в итоге может спровоцировать фи-

нансовый кризис и социально-политические волнения. Из-за подобных приостановок трансшей перспективы российского бюджета не раз висели на волоске, а группы влияния пытались через помощь фонда решить собственные задачи¹. Несмотря на то что Россия получила от фонда не так много денег, в процессе сотрудничества с ним отечественная элита приобрела некоторые привычки бюджетно-налоговой дисциплины. Да и сам фонд менял стратегию поведения с Москвой — сначала (1991—1992 гг.) организация настаивала на жестком выполнении условий кредитования [Нууген 2011], но после этого режим кредитования стал мягче. В МВФ вынуждены были учитывать мнение российской политической элиты, которая, в свою очередь, знала запрос населения на сохранение дотаций в социальной сфере.

Во-вторых, Одлинг-Сми считает опрометчивой такую рекомендацию фонда для России, как отмена экспортной пошлины на нефть. По его мнению, целесообразнее было бы отложить это до реформирования системы сбора акцизов, тем более что в 1996—1998 гг. страна остро нуждалась в налоговых поступлениях. В-третьих, еще одной ошибкой МВФ стала рекомендация о поддержке либерализации доступа иностранных инвесторов на рынок российских государственных ценных бумаг. Либерализация финансового рынка спровоцировала рост его волатильности и стала одной из причин кризиса 1998 г. Наконец, в-четвертых, Одлинг-Сми уверен, что политика МВФ в отношении курса российской валюты также была некорректной [Одлинг-Сми 2005] — проблемы фиксированного курса решались за счет эмиссии денег, результатом чего стало повышение инфляции.

Но другие авторы подчеркивают, что рецептура реформ от МВФ и его кредиты (за 1992—1999 гг. фонд одобрил кредиты на сумму 36,6 млрд долларов) все же позволили российскому правительству достичь определенной финансовой стабилизации в стране в 1992—1997 гг. и приступить к активной интеграции в мировую экономику [Сидорова, Баранова 2015].

Модель реформирования России была первоначально схожа с польской «шоковой терапией» [Ананьев 2008], которая привела к падению сельскохозяйственного и промышленного производства, нарастанию дисбаланса между богатой и бедной частями населения, росту социального недовольства. Проблема состояла, скорее, не в риске привыкания страны к кредитным ресурсам, а крылась в недостаточно просчитанной фондом социально-политической ситуации и некорректных рекомендациях, которые отчасти и способствовали приближению дефолта 1998 г. в постсоветской России. Данный кризис привел к глубоким изменениям и в политическом сознании россиян. Итоги многолетних исследований Левада-центра свидетельствуют², что 50% россиян разочаровались в рыночной экономике

¹ Буклемишев О. Фонд реформ: почему в России не любят вспоминать о сотрудничестве с МВФ. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/05/10/2016/57f4db519a794719cd52031d> (дата обращения: 07.12.2016).

² Предпочтительные модели экономической и политической систем. URL: <http://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sistem/> (дата обращения: 07.12.2016).

после 1998 г., лишь 13% респондентов на 2016 г. поддерживают модель демократических политических систем по западному образцу, зато большая часть опрошенных (37%) хотели бы жить в советской системе. Максимальное число сторонников (42%) рыночной парадигмы среди россиян фиксировалось лишь в феврале 1992 г. В этом свете неудивительно, что в российском политическом сознании возобладали весьма консервативные ценности.

Следует подчеркнуть, что современная РФ (как и другие страны — члены МВФ с наибольшими квотами — США, Япония, КНР, ФРГ, Франция, Великобритания и Саудовская Аравия) имеет исполнительного директора в Исполнительном совете фонда. Другие же государства, которые объединены в 16 групп, назначают своего официального представителя в этот орган. На первый взгляд для России сама возможность избрания своего исполнительного директора — вопрос несомненного международного престижа страны. Однако при такой схеме Россия «отсечена» от остальных постсоветских стран [Дегтерев 2016], которые присутствуют в разных группах МВФ: под руководством Нидерландов (Армения, Грузия, Молдавия и Украина), Турции (Белоруссия), Швейцарии (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Туркменистан), Австралии (Узбекистан). Прибалтийские республики (Латвия, Литва и Эстония), входящие в НАТО и ЕС и не входящие в СНГ, также включены в отдельную группу под руководством Швеции. Следовательно, РФ рассчитывать на сборку какой-либо коалиции и претендовать на региональное лидерство для продвижения своих интересов в этой ситуации довольно сложно, даже несмотря на тот факт, что в самих группах аналитики отмечают соперничество за пост исполнительного директора [Woods, Lombardi 2006].

МВФ НА УКРАИНЕ И КАЗУС ЕВРОМАЙДАНА

Показателен случай Украины. После подписания в 1994 г. Украиной соглашения с МВФ по настоянию фонда был ослаблен контроль государства над обменным курсом, что вскоре привело к коллапсу денежной системы и снижению заработной платы на 76,1% в 1998 г. по сравнению с 1994 г. Либерализация цен спровоцировала повышение цен на проезд на общественном транспорте на 900%, на электричество на 600%, на хлеб порядка на 300% [Арсенко 2014]. Как и в случае с Россией, маневр консультаций и сотрудничества МВФ с Украиной зависел от настроенности на последовательность реформ самой политической элиты страны. Очевидно, что такой последовательности не было — сначала украинские политики выступали за выполнение пакета рекомендаций фонда, но, к примеру, уже в 2010 г. президент наложил вето на проведение запланированной налоговой реформы [Бардин 2014], в 2011 г. вето распространилось и на непопулярную среди населения пенсионную реформу (предусматривающую увеличение срока страховых отчислений на накопительную часть на 10 лет и повышение пенсионного возраста). В итоге отношение верхней наиболее богатой децили доли украинского населения к нижней самой бедной децили составило 40 : 1 (хотя выход за пределы 10 : 1 уже в социологии считается критическим) и подготовило благоприятную социальную почву для нескольких политических переворотов — «оранжевой революции» в 2004 г. и Евромайдана 2013 г.

Специалисты признают, что получение Киевом трех траншей МВФ в 2008—2009 гг. позволило (как и России в 1992—1997 гг.) отчасти стабилизировать ситуацию на валютно-финансовом рынке [Вардомский, Пылин 2010]. Между тем (как, кстати, и в случае с РФ) отсрочка фондом четвертого транша негативно повлияла на финансовое положение страны (снизила доверие зарубежных инвесторов). Колебания элиты, опасавшейся обострения социально-политической ситуации, в свою очередь, тоже влияли на уступчивость МВФ (как и в России после 1992 г.). Так, в 2014 г., несмотря на сокращение субсидий для государственного сектора, фонд не потребовал от Украины снижения зарплат бюджетникам, в отличие от Греции.

Особенность ситуации взаимоотношений МВФ с современной Украиной заключается также и в том, что, принимая решение о выделении средств властям, легитимность которых до запуска избирательных процедур была крайне сомнительна, фонд все равно осуществлял международное признание *de facto* сил, занявших политический олимп в ходе Евромайдана. При этом важно понимать, что государства, признающие новые власти Украины до официальных выборов, на деле распространяют это признание и на МВФ, голосуя в нем за выделение Украине кредита через собственные квоты [Коннов 2014]. Примечательно, что прежние украинские власти еще в 2010 г. подписали с фондом Меморандум о сотрудничестве и начали получать финансирование на заранее оговоренных условиях. Однако новому правительству, возникшему после Евромайдана и не успевшему легитимировать свое положение посредством выборов, также было обещано финансирование фондом. Получается, что МВФ также соприкоснулся с политической сферой и политическим признанием новых украинских властей, приравняв их обязательства к обязательствам, данных ему прежним легитимным правительством страны. Нельзя игнорировать и тот факт, что в число последних условий предоставления кредита фондом вошло требование отмены льгот для агропромышленного сегмента (хотя он является важной составляющей местной экономики, дающей рабочие места). Любопытно, что, согласно сведениям Центра социальных исследований «София»³, порядка 77,3% жителей Украины выступают против реформ Киева, проводящихся с 2016 г. в рамках рекомендаций МВФ и направленных на сокращение социальных льгот и государственных расходов.

БЕЛОРУССКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ И РЕЦЕПТЫ ОТ МВФ

Белоруссия, в отличие от России и Украины, долгое время пыталась сохранить значение государственного сектора в экономике, ориентируясь на поддержку социальной сферы. Она оформила членство в МВФ в 1992 г. До 2009 г. страна трижды обращалась за финансовой помощью фонда. Так, в 2009—2010 гг. Минск получил 3,4 млрд долларов [Толочко 2012]. Для получения этих денег белорусскому правительству пришлось пойти на некоторые условия: повысить тарифы

³ Рильский В. Украинцы разочаровались в работе правительства. Российская газета. 3 марта 2016. URL: <https://rg.ru/2016/03/03/boleev-77-percentov-ukrainceev-vystupili-protiv-reform-mvf.html> (дата обращения: 07.12.2016).

на пассажирские городские перевозки (как и на Украине), отменить решение о повышении заработной платы в государственном секторе. МВФ потребовал радикально снизить вмешательство белорусского государства в экономику страны, а также выступил с рекомендациями по сокращению контроля правительства над ценами и либерализации зарплат с целью стимулирования переходов работников на другие места, где они могли более продуктивно себя реализовать. Вместе с тем помощь МВФ способствовала смягчению остроты белорусского кризиса.

В 2016 г. возобновились переговоры фонда с Белоруссией о возможности нового кредитования. МВФ одним из условий предоставления транша поставил требование о передаче в 2017 г. всех госпредприятий под управление только одного Госкомимущества. Такая предложенная реформа может серьезно затронуть систему государственного управления Белоруссии, при которой госпредприятия страны напрямую подчиняются госорганам. Сейчас чиновники доводят до предприятий целевые показатели и несут с их директорами общую ответственность. Руководителя госоргана белорусские власти могут привлечь к дисциплинарной ответственности за несвоевременную выплату зарплаты работникам подведомственных учреждений [Dabrowski 2016]. По данным опроса Независимого института социально-экономических и политических исследований, в 2010 г. для 48% респондентов этой страны демократия подразумевала систему государственного управления при равном доступе к ней всех граждан⁴.

Кардинально изменить модель госуправления — означает заложить для нынешнего белорусского политического режима некоторые риски, так как уже нельзя будет использовать рассчитанную на электорат риторику сильного, справедливого и ответственного государства. Рекомендации МВФ о необходимости нового витка институциональных реформ, нацеленных на распространение рыночных отношений, также не пользуются однозначной поддержкой в высших эшелонах власти. Отдельные авторы напрямую увязывают подобную непоследовательность и колебания в отношении фонда с потенциалом обращения Минска за финансовой помощью к Москве [Barisitz 2016]. Мало того, местные политики еще хорошо помнят, что отсутствие экономических потрясений оградило страну от рисков сценария «цветных революций» в 2006 г. и 2011 г. Ввиду этого можно прогнозировать, что на немедленные системные сдвиги белорусская элита пойти не может, скорее, разумно предположить новые двухсторонние переговоры с Россией, заинтересованной не усугублять отношения со своим соседом накануне президентских выборов 2018 г.

МВФ В СТРАНАХ ЗАКАВКАЗЬЯ

Первоначальные кредиты МВФ Грузии позволили улучшить экономическую ситуацию в стране — основные займы были направлены правительством на стабилизацию финансов. Но фондом была допущена определенная недооценка социально-политической и экономической ситуации в этом закавказском государстве.

⁴ Как белорусы понимают демократию. URL: <http://www.dw.com/ru/как-белорусы-понимают-демократию/a-5117681> (дата обращения: 07.12.2016).

В свое время по его рекомендации страна перестала субсидировать сельское хозяйство (подобная рецептура сейчас предлагается фондом Украине), что серьезно ударило по виноградарству и фермерам, выращивающим цитрусовые. В результате, чтобы выбраться из нищеты, крестьяне стали заниматься незаконными лесозаготовками, что, в свою очередь, привело к деградации местных экосистем, оползням и затоплениям. Кроме того, по требованию МВФ с середины 1990-х гг., налог на добавленную стоимость достиг 20%, что непосредственно увеличило нагрузку на грузинских предпринимателей. Представители фонда обосновывали это условие тем, что в стране еще на тот период не было прочной политической и правовой базы [Чантуридзе 2005]. Но подобная поспешная политика введения большого налога привела к замедленному накоплению капитала, ухудшению распределения сбережений и повышению социальной напряженности в стране. Отчасти подобные причины сформировали социально-политические условия для такого политического переворота как «революция роз» в 2003 г.

Высокая ставка НДС сделала деятельность малого бизнеса в рамках закона просто невыгодной, отсюда возник теневой сегмент, в котором коррумпированные чиновники и предприниматели предпочитали договариваться о взаимных уступках, ища лазейки в законодательстве. Ставки грузинских банков по займам достигали в 2005 г. 25% годовых. Высокие процентные ставки и налоги не позволяли малому и среднему бизнесу создавать серьезное количество рабочих мест, провоцируя воспроизводство «челночной торговли». Согласно данным опроса National Democratic Institute (NDI) в 2015 г., наиболее значимым для жителей страны фактором являлась проблема безработицы — 67%⁵.

Между тем пример Армении хорошо показывает, что рецептура МВФ (при условии выработки единого подхода между местной элитой и фондом) на деле оказывала и стабилизирующее воздействие на финансовую систему государства [Хачатрян 2009]. Когда американская государственная корпорация «Вызовы тысячелетия» мотивировала частичное свертывание своих программ нарушением армянскими властями уровня демократических свобод в период местных президентских выборов 2008 г., страна лишилась 75 млн долларов США обещанной помощи. В то время как раз и пригодились кредиты МВФ (порядка 800 млн долларов США, из которых 400 млн долларов были получены государством до мая 2009 г.), а также межгосударственные кредиты от России (порядка 500 млн долларов США). Эту причину, наряду с другими (зависимость местных массмедиа от власти, меньшее распространение социальных сетей Интернета и др.), можно причислить к тем условиям, которые не дали реализоваться в Ереване сценарию «цветной революции», подобно Украине, Грузии и Киргизии.

ПОЛИТИКА ФОНДА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

МВФ давал изначально излишне радужные перспективы и для постсоветской Киргизии. Неолиберальные рекомендации подобных международных организаций в итоге и привели к социальному кризису и «революции тюльпанов» [Чанту-

⁵ Опрос ребром. Что хотят грузины. URL: <http://onkavkaz.com/articles/1233-opros-rebrom-cto-hotjat-gruziny.html> (дата обращения: 07.12.2016).

ридзе 2006]. По требованию фонда прошла ускоренная приватизация государственных предприятий, но отсутствие рыночной конкуренции сосредоточило эту собственность в руках ограниченного круга лиц. К драматическим политическим последствиям привели и рекомендации фонда по ликвидации субсидий сельскому хозяйству (как и в Грузии), транспорту и приватизации земель сельскохозяйственного назначения. Следовательно, не стоит считать случайным совпадением тот факт, что первая киргизская «цветная революция» началась на аграрном юге Кыргызстана — в Оше и Джалал-Абаде. Отмена субсидий увеличила неравенство между городским и сельским населением, привела к росту безработицы.

Никаких открытых дебатов по поводу политических и экономических реформ, рекомендуемых МВФ, в стране инициировано не было, общественность не была проинформирована о потенциальных рисках и последствиях. И все же острая общественная полемика о присоединении страны к инициативе «Heavily Indebted Poor Countries» (предусматривающей списание части долгов в обмен на жесткий контроль реформ со стороны МВФ и ВБ) в 2006 г. оказала давление на местную элиту, отказавшуюся от подобного предложения. Другими словами, в Киргизии наблюдалась в чем-то схожая ситуация с той, которая имела место на Украине, в России, Белоруссии и других постсоветских странах, — конечный эффект взаимодействия с фондом зависел от готовности самой элиты на последовательные структурные изменения, на что, в свою очередь, влиял сильный запрос населения на поддержание государством социального сектора.

Рывки в реформах создали благоприятный фон для роста социально-политической напряженности и активизации таких радикальных организаций как «Хизб ут-Тахрир» и исламского движения Узбекистана. Согласно данным опроса SIAR Research and Consulting⁶, проведенного в 2016 г. по заказу Международного республиканского института, крупнейшими проблемами своей страны жители Киргизии считают безработицу (49%) и коррупцию (31%), при этом для 42% респондентов благосостояние более важно, чем демократия, которая предпочтительна лишь для 8%. С другой стороны, по оценке ряда исследователей [Игамбердиев, Тегизбекова 2014], консультационная и финансовая помощь МВФ вначале стабилизировала местные цены и снизила дефицит бюджета посредством введения новой валюты.

Старт некоторых реформ в постсоветском Таджикистане также находился под наблюдением МВФ. Прислушиваясь к советам экспертов фонда, Национальный банк страны не считал нужным увеличивать денежную массу на фоне роста макроэкономических показателей, поэтому экономика государства приобрела демонетизированный облик. Несмотря на все теоретические предположения, даже с увеличением ВВП на 7,5% монетизация в 2015 г. все равно снижалась [Алиджанов 2016], характеризуя дефицит денежной массы, экспансию иностранной валюты и приводя к дестабилизации деловой активности населения и, соответственно, к фактору социально-политического риска — безработице. Согласно опросу

⁶ Результаты опроса жителей Кыргызстана 2016. URL: <http://siar-consult.com/wp-content/uploads/IRI-Poll-Presentation-Kyrgyzstan-March-2016-RUS-1-20.pdf> (дата обращения: 07.12.2016).

2016 г. аналитического центра «Шарк» в Таджикистане⁷, из каждых 10 респондентов в среднем 5—6 человек признались в ностальгии по бывшему Советскому Союзу, в том числе и по причине резкого ухудшения уровня жизни.

Подводя итоги, важно подчеркнуть, что предлагаемая автором рабочая гипотеза отчасти подтвердилась: функционируя в условиях постсоветских обществ, где длительное время ключевую роль в экономике и политике играло государство, МВФ недооценил сильный запрос местного населения на поддержку правительством социальной сферы, что привело к двоякому результату его консультационной деятельности — с одной стороны, рекомендации фонда действительно привели к стабилизации финансовых систем региона (особенно в начале этого сотрудничества), но, с другой стороны, — к непоследовательности модернизации и незавершенности структурных реформ.

Постсоветские элиты постоянно колебались в отношении выбора и выполнения пакета рекомендаций МВФ по причине неготовности основной части населения к структурным реформам, влияющим на социальную сферу (пенсии, налоги, наука, сокращение государственных субсидий на образование, сельское хозяйство, государственные предприятия и собственность, культуру и т.п.). Данные социологических опросов доказывают ориентацию респондентов постсоветских стран на сильное и справедливое государство (Россия, Белоруссия, Таджикистан), а также их обеспокоенность социальными проблемами, которые должно решать государство (Украина, Грузия, Киргизия).

Правительства постсоветских стран на деле ограничивали маневр фонда, поэтому в отдельных случаях международной организации даже приходилось идти на уступки и послабление своих изначальных требований. Отсутствие единого и долговременного подхода кредитования между постсоветской элитой и МВФ провоцировало разочарование населения в необходимости либерализации, ослабления института государства, а также формировало условия для социальной неустойчивости вплоть до «цветных революций».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алиджанов Д.А. Денежно-кредитные механизмы стимулирования импортозамещающего экономического роста в республике Таджикистан // *Экономический журнал*. 2016. № 3 (43). С. 12—29.
- Ананьев А.С. Сравнительный анализ МВФ в странах с трансформируемой экономикой: Автореферат дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. М.: Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации. 2008. С. 18—19.
- Арсеенко А.Г. Антисоциальные инновации ВБ и МВФ на постсоветском пространстве (на примере Украины) // *Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке* / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород: НИСОЦ; 2014. С. 117—121.

⁷ Ностальгия по СССР. Таджикистанцы тоскуют по «потерянному раю». URL: <http://rus.ozodi.org/a/28163916.html> (дата обращения: 07.12.2016).

- Архипова В.В. Влияние «внезапных остановок» потоков капитала на национальную экономику // Вестник Финансового университета. 2016. № 5. С. 115—125.
- Бардин А.Л. Принципы глобального управления на основе международных финансовых институтов // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 168—172.
- Бардин А.Л. Политические аспекты деятельности МВФ и Всемирного банка в Украине // Власть. 2014. № 10. С. 220—224.
- Вардомский Л.Б., Пылин А.Г. Глобальный кризис в Украине: причины глубокого спада и противоречия экономической политики // Белорусский экономический журнал. 2010. № 1. С. 4—16.
- Дегтерев Д.А. Политическое влияние в международной финансовой системе // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 4. С. 77—105. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-04-77.
- Игамбердиев Б.А., Тегизбекова Ж.Ч. История Кыргызстана как процесс реализации индивидуального интереса в свете неэффективного экономического управления // Вестник КРСУ. 2014. № 6. С. 118—122.
- Коннов В.А. К вопросу о юридических особенностях выделения Международным валютным фондом финансовой помощи Украине // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 159—161.
- Одлинг-Сми Дж. Взаимоотношения МВФ и России в 1990-е годы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. 2005. № 3. С. 79—88.
- Сидорова Е.А., Баранова М.С. Проблема глобального управления и роль Международного валютного фонда // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2015. Т. 15. Выпуск 2. С. 15—22.
- Смыслов Д.В. История отношений России с международными финансовыми организациями. URL: <http://www.ru-90.ru/node/1215> (дата обращения: 07.12.2016).
- Толочко О.Н. Реализация норм международного экономического права посредством участия в международных экономических организациях (на примере Республики Беларусь) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 1. С. 170—176.
- Хачатрян А. Армения: кризис и фундаментальные проблемы экономики // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 6 (66). С. 50—59.
- Чантуридзе Л. Рекомендации МВФ для Грузии: дорога в «храм изобилия» или путь к проращиванию нищеты? // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 6 (42). С. 140—151.
- Чантуридзе Л. Кыргызстан на перепутье: экономические причины «революции тюльпанов» // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 4 (46). С. 74—84.
- Barisitz St. Belarus in recession, banking sector in difficulties — Russia to the rescue // Focus on European economic integration. 2016. № 3. P. 41—49.
- Dabrowski M. Belarus at a crossroads // Bruegel Policy Contribution. 2016. № 2. P. 1—10.
- Huygen Ch. One Step Forward, Two Steps Back: Boris Yeltsin and the Failure of Shock Therapy // Constellations. 2011. Vol. 3. № 1. P. 63—73.
- Stone R.W. Controlling Institutions: International Organizations and the Global Economy. Cambridge: University Press, 2011.
- Woods N., Lombardi D. Uneven Patterns of Governance: How Developing Countries are Represented in the IMF // Review of International Political Economy. 2006. Vol. 13 (03). P. 480—515.

Дата поступления статьи: 26.01.2017

Для цитирования: Федорченко С.Н. МВФ и социально-политические процессы на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 22—33.

Сведения об авторе: Федорченко Сергей Николаевич — канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-22-33

IMF AND SOCIO-POLITICAL PROCESSES IN THE POST-SOVIET SPACE

S.N. Fedorchenko

Moscow State Regional University, Moscow, Russia

Abstract. The article shows that the practice of the International Monetary Fund to provide loans to countries in need starts an unexplored chain reaction of changes in the socio-political processes. As a working hypothesis, the author proposes the following assumption: functioning in the conditions of post-Soviet societies, where for a long time a key role in the economy and politics was played by the state, the IMF had underestimated the strong request of the local population to support the social sector by the government, which led to two consequences of his consulting activities — fund recommendations actually led to the stabilization of financial systems in the region, but on the other hand — to the inconsistency and incompleteness of the modernization of the structural reforms. Citizens criticized the reduction of subsidies for social segments, so the post-Soviet elites constantly fluctuated in relation to the full implementation of the recommendations of the IMF package.

The author is of the opinion that the post-Soviet government in fact limited the maneuver of the fund, hence in some cases, even an international organization had to make concessions and indulgence of their original demands. The lack of a unified approach and long-term lending between the post-Soviet elite and the IMF provoked disappointment of the population of the need for liberalization and weakening of the state institution, as well as create conditions for social instability up to the “color revolutions”. The study is based on data of sociological surveys of the population.

Key words: IMF, the post-Soviet space, CIS, international organizations, international financial institutions, geopolitics, globalization

REFERENCES

- Alidzhanov, D. A. (2016). Monetary and credit mechanisms of import substitution economic growth stimulation in the Republic of Tajikistan. *Ekonomicheskiy zhurnal*, 3(43), 12—29 (In Russ.).
- Anan'yev, A. S. (2008). Comparative analysis of the IMF in countries with transformed economy [dissertation thesis]. M.: Finansovaya akademiya pri Pravitel'stve Ros. Federatsii (In Russ.).
- Arseenko, A. G. (2014). Antisocial innovation the World Bank and the IMF in the post-soviet region (on an example of Ukraine). In: *Sotsial'nye innovatsii v razvitiy trudovykh otnosheniy i zanyatosti v XXI veke*. Pod obsh. red. Z. Kh. Saralievoy. Nizhniy Novgorod: NISOTs, p. 117—121 (In Russ.).
- Arkhipova, V. V. (2016). The influence of “sudden stops” in capital flows on the national economy. *Vestnik Finansovogo universiteta*, 5, 115—125 (In Russ.).
- Bardin, A. L. (2013). Principles of the global governance on the basis of international financial institutions. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, 168—172 (In Russ.).
- Bardin, A. L. (2014). Political aspects of the IMF and the World Bank in Ukraine. *Vlast'*, 10, 220—224 (In Russ.).
- Barisitz, St. (2016). Belarus in recession, banking sector in difficulties — Russia to the rescue. *Focus on European economic integration*, 3, 41—49.

- Chanturidze, L. (2006). Kyrgyzstan at a crossroads: the economic causes of the “Tulip Revolution”. *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz*, 4 (46), 74—84 (In Russ.).
- Chanturidze, L. (2005). IMF recommendations to Georgia: the road to the “Temple of plenty” or a path to the germination of poverty? *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz*, 6 (42), 140—151 (In Russ.).
- Degterev, D. A. (2016). The Political Influence in the International Financial System. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. 11 (4), 77—105 (In Russ). DOI: 10.17323/1996-7845-2016-04-77.
- Dabrowski, M. (2016). Belarus at a crossroads. *Bruegel Policy Contribution*, 2, 1—10.
- Hachaturyan, A. (2009). Armenia crisis and the fundamental problems of the economy. *Central'naya Aziya i Kavkaz*. 6 (66), 50—59 (In Russ.).
- Huygen, Ch. (2011). One Step Forward, Two Steps Back: Boris Yeltsin and the Failure of Shock Therapy. *Constellations*, 3 (1), 63—73.
- Igamberdiev, B. A., & Tegizbekova, Zh. Ch. (2014). History of Kyrgyzstan as a process of realization of an individual interest in light of inefficient economic management. *Vestnik KRSU*, 6, 118—122 (In Russ.).
- Konnov, V. A. (2014). On the question of the legal features of allocation by the International Monetary Fund for financial assistance to Ukraine. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 4, 159—161 (In Russ.).
- Odling-Smee, Dzh. (2005). Relations between the IMF and Russia in 1990. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 2: Ekonomika. Referativnyy zhurnal*, 3, 79—88 (In Russ.).
- Sidorova, E. A., & Baranova, M. S. (2015). The problem of global governance and the role of the International Monetary Fund. *Vestnik NGU. Seriya: Social'no-ehkonomicheskie nauki*, 15, 2, 15—22 (In Russ.).
- Smyslov, D. V. (2010). The history of Russia's relations with international financial organizations. URL: <http://www.ru-90.ru/node/1215> (In Russ.) (accessed: 07.12.2016).
- Stone, R. W. (2011). *Controlling Institutions: International Organizations and the Global Economy*. Cambridge: University Press.
- Tolochko, O. N. (2012). Implementation of the rules of international economic law through participation in international economic organizations (Case of the Republic of Belarus). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 1, 170—176 (In Russ.).
- Vardomskij, L. B., & Pylin, A. G. (2010). Global Crisis in Ukraine: Causes of deep recession and contradictions of economic policy. *Belorusskij ehkonomicheskij zhurnal*, 1, 4—16.
- Woods, N., & Lombardi, D. (2006). Uneven Patterns of Governance: How Developing Countries are Represented in the IMF. *Review of International Political Economy*, 13 (03), 480—515.

Received: 26.01.2017

For citations: Fedorchenko, S. N. (2017). IMF And Socio-Political Processes In The Post-Soviet Space. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 22—33.

About the author: *Fedorchenko Sergey Nikolaevich* — Associate Professor, PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-34-47

«СОВЕТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ СЧИТАЕТ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ ВСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В СОСТАВ ЧЛЕНОВ ФОНДА»: СССР И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД В 1943—1946 ГГ.

К.В. Минкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

В статье на основе неопубликованных и ранее не введенных в научный оборот советских документов, а также малоизвестных американских документов рассматривается эволюция позиции советского правительства по вопросу участия СССР в деятельности Международного валютного фонда (МВФ) в 1943—1946 гг. Настоящая работа проясняет отношение советского правительства к международному экономическому сотрудничеству (существенно искаженное в 1950—1980-х гг. как советской, так и западной пропагандой), тем самым закрывая значительную лауну в отечественной и зарубежной историографии.

Основываясь на принципах историзма и научной объективности, тщательно проработав советские документы и сравнив их с американскими, автор делает вывод о том, что на начальном этапе послевоенного международного сотрудничества в области торговой и валютной политики советское руководство придавало большое значение участию Советского Союза в выработке принципов этого сотрудничества и готово было пойти на определенные уступки союзникам ради возможности воздействовать на формирование послевоенного международного экономического порядка и поддерживать образ влиятельного игрока на международной арене. Однако с осени 1945 г. позиция советского правительства начала существенно меняться по ряду причин исключительно политического характера. В частности, СССР оказался втянут в большую экономическую и политическую игру между США и Великобританией, всех тонкостей которой советское руководство не могло знать. В результате многие представления и, соответственно, решения Москвы о возможных принципах участия СССР в международном экономическом сотрудничестве осенью 1945 — весной 1946 г. основывались на ложной или недостаточной информации. Этим во многом и объясняется отказ СССР от вступления в МВФ в указанный период.

Ключевые слова: Международный валютный фонд, СССР, США, Рузвельт, Сталин, Бреттон-Вудс, экономическое сотрудничество

Во время Второй мировой войны вопросы будущего международного экономического сотрудничества затрагивались уже в Атлантической хартии и Соглашении о ленд-лизе, однако более пристальное внимание им было впервые уделено осенью 1943 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ «БОЛЬШОЙ ТРОЙКИ»

7 сентября 1943 г. через посольство США в Москве Наркомат иностранных дел (НКВД) получил предложение принять участие в неофициальных конфиденциальных переговорах по ряду экономических проблем, в том числе по координации

вопросов торговли и занятости, а также стабилизации валюты и стимулированию международных капиталовложений¹.

1 ноября 1943 г. в ходе московской конференции министры иностранных дел США, СССР и Великобритании подписали секретный протокол, содержащий 10 приложений, предпоследнее из которых называлось «Основа нашей программы по вопросам международного экономического сотрудничества»². Эта программа представляла собой перечень тех вопросов, решение которых «Большая тройка» считала наиболее важным не только для нормализации международного экономического сотрудничества, но и для успешного функционирования послевоенной системы международных отношений в целом. Первое место среди этих вопросов занимали расширение международной торговли на недискриминационной основе и регулирование тарифных и нетарифных ограничений в торговле товарами, а также установление твердых международных валютных курсов и организация обмена валют.

Основными разработчиками предложений по наиболее важным из перечисленных вопросов стали американцы и, в меньшей степени, англичане, однако наркоматы финансов и внешней торговли в сотрудничестве с НКВД также прорабатывали свою позицию относительно участия СССР в послевоенных международных экономических отношениях.

Предложения американской стороны о развитии международной торговли привели к подготовке проекта устава Международной торговой организации (МТО), подписанного 53 странами в ходе Конференции ООН по торговле и занятости 24 марта 1948 г., но так и не ратифицированного США и, вследствие этого, большинством других стран-подписантов. Впрочем, еще до этого, 30 октября 1947 г., 23 государства подписали Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), содержание которого соответствовало первой главе устава МТО [Минкова 2006: 107—122].

КОНКУРИРУЮЩИЕ ПРОЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ФИНАНСОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Что касается установления твердых валютных курсов и организации свободного обмена валют, то по этому вопросу в 1943—1944 гг. велась активная работа американских и британских экономистов, представивших в апреле 1943 г. министрам финансов Объединенных наций два конкурирующих проекта. Американский план создания международного стабилизационного фонда, который разрабатывался экономическим советником министра финансов США Г.Д. Уайтом, увидел свет 7 апреля 1943 г.³

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 624. Л. 1—2.

² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945. Т. I. М., 1984. С. 330—333.

³ Parliamentary Draft Outline of a Proposal for an International Stabilization Fund of the United and Associated Nations. Washington, 1943.

По замыслу Уайта, американский проект должен был решить следующие задачи: стабилизация валютных курсов; восстановление платежных балансов стран-членов; создание условий для нормального развития внешней торговли; устранение валютной дискриминации; эффективное использование блокированных иностранных счетов, образовавшихся в ряде стран в результате войны. Для решения этих и других важнейших проблем в области международных расчетов предлагаемый Уайтом стабилизационный фонд должен был сотрудничать с правительствами стран-членов и их финансовыми органами. Капитал фонда должен был формироваться из взносов стран-членов, каждой из которых определялась соответствующая *квота*, пропорциональная ее золотому запасу или величине национального дохода. Соответственно этот капитал мог расходоваться на краткосрочные выплаты членам для оперативной реанимации их платежного баланса. Все расчеты привязывались к *золоту* как основному стабилизирующему фактору.

На следующий день после опубликования американского проекта, 8 апреля 1943 г., был обнародован план Международного клирингового союза, разработанный известным британским экономистом, директором Английского банка Дж. М. Кейнсом⁴. Имея целью решение практически тех же задач, план Кейнса носил более технический характер и был более либеральным по своей сути. Так, работа предлагаемого им союза должна была быть приемлемой для государства с любой экономической политикой, не создавать преимуществ для одной страны или группы стран, а его решения должны были носить обязательный характер и строго выполняться. При этом Кейнс планировал создание единой *международной валюты* для расчетов, устойчивость которой должна была обеспечиваться не золотом, а *соглашением* между странами — участниками союза [Международный валютный фонд 1964: 25—37].

БРИТАНСКО-АМЕРИКАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

Существование двух параллельных проектов международного валютного института было обусловлено не только различиями американской и британской позиций по данному вопросу. Оно стало отражением эволюции политических и экономических отношений между США и Великобританией в годы войны. С одной стороны, из экономически развитого государства, равного Соединенным Штатам Америки по политическому влиянию, уже в первые годы войны Великобритания начала стремительно превращаться в банкрота, остро нуждавшегося во внешней помощи. С другой стороны, сформировавшиеся в 1930-е гг. стерлинговая зона и система имперских преференций в какой-то степени снижали зависимость Лондона от долларовых вливаний, поскольку позволяли ему совершать двусторонние торговые операции внутри замкнутой системы: страны стерлингового блока в международных расчетах пользовались исключительно британскими фунтами стер-

⁴ Proposals for an International Clearing Union. Presented by the Chancellor of the Exchequer to Parliament by the Command of His Majesty. London, 1943.

лингов. По существовавшему порядку, при продаже своих товаров США они обязаны были передать полученные доллары Великобритании. Соответственно и покупать американские товары они могли только на те доллары, которые давала им Великобритания.

Еще одним преимуществом была, как ни странно, задолженность Великобритании ее колониям и зависимым странам. Не имея возможности покрыть эту задолженность, составлявшую на конец войны свыше полутора миллиардов фунтов стерлингов, британское правительство дало обещание компенсировать ее за 10 лет поставками промышленных товаров. Соответственно эти страны-кредиторы были вынуждены согласиться на поставки британских товаров и не могли ничего покупать в США, поскольку не имели необходимых для этого долларов [Варга 1946: 8—9].

Уже в первые месяцы активных военных действий стало очевидно, что Великобритания не сможет успешно участвовать в войне без внешней помощи (прежде всего, со стороны США — единственного не втянутого в войну крупного производителя промышленных товаров и вооружения). В зависимости Великобритании от поставок американских товаров и вооружения Соединенные Штаты увидели возможность разрушить систему имперских преференций. В западной историографии существуют различные точки зрения на мотивы, которыми руководствовался Вашингтон в своей британской политике. Не умаляя его стремления поддерживать Лондон в борьбе против нацизма, все же не будем отрицать того, что вопрос отказа от системы имперских преференций и ослабления стерлингового блока неизменно присутствовал абсолютно во всех англо-американских экономических переговорах, начиная с весны 1941 г. (подписание англо-американского соглашения по ленд-лизу) и до осени 1947 г. (выработка устава МТО и подписание ГАТТ) [Woods 1990].

Естественное нежелание британцев подчиниться требованиям США и тщательная проработка английского и американского проектов в различных ведомствах СССР привели к тому, что переговоры между союзниками в отношении принципов послевоенного сотрудничества в области экономики и торговли шли чрезвычайно медленно. В телеграмме американскому послу в Лондоне Дж. Уайнанту от 1 марта 1944 г. заместитель госсекретаря США Э. Стеттиниус упоминает о том, что ни британское, ни советское правительства пока никак не отреагировали на предложения, сделанные в ходе московской конференции госсекретарем К. Хэллом (имеются в виду «Основы нашей программы по вопросам международного экономического сотрудничества»). В связи с этим Стеттиниус предложил немедленное создание небольшой комиссии по первоначальному планированию, состоявшей из представителей семи стран — четырех великих держав, Канады, Нидерландов и Бразилии⁵.

⁵ Telegram 840.50/3559a. The Acting Secretary of State to the Ambassador in the United Kingdom. Washington, March 1, 1944 // Foreign Relations of the United States (FRUS). 1944. Vol. II. Washington, 1944. P. 17—18.

ПОЗИЦИЯ СССР ПО ПРИНЦИПАМ РАБОТЫ ФОНДА

Еще в середине января 1944 г. советские эксперты, работавшие над формулировками основных положений деятельности ООН, сообщили в Москву о вручении им согласованного американо-британского проекта совместного заявления о принципах работы Международного валютного фонда⁶. Этот проект в значительной степени отражал сущность американских предложений и сохранял его основные положения: систему квот, использование золота как основного стабилизирующего фактора, ежегодные взносы стран-членов.

Этот документ немедленно начал рассматриваться в Наркомфине, наркомвнешторге и НКИДе, каждый из которых в итоге выступил за внесение в текст заявления ряда поправок, весьма значимых для Советского Союза как с экономической, так и с политической точки зрения. В записке В.М. Молотову от Наркома финансов А.Г. Зверева и и.о. председателя правления Госбанка В.Н. Емченко, занимавшихся разработкой советской позиции в отношении МВФ, от 18 февраля 1944 г. содержатся указания для советских экспертов, принимавших участие в переговорах по МВФ. С рядом положений проекта, ранее вызвавших недовольство СССР (например, об обязательном внесении взноса золотом, эквивалентного 25% квоты государства или 10% его золотого запаса), Наркомфин и Госбанк полагали целесообразным согласиться в случае невозможности удовлетворить предпочтения Советского Союза; на ряде других рекомендовали настаивать. В частности, большое значение придавалось возможности снижения взноса в золоте на 50% для стран, подвергшихся оккупации, а также освобождению стран, осуществлявших государственную торговлю, от необходимости согласования с фондом паритета своей валюты. Кроме того, нужно было добиться для СССР максимально возможного увеличения квоты при минимальном увеличении взноса.

Советские эксперты должны были настаивать и на том, чтобы сведения об экономическом положении страны-члена предоставлялись фонду по согласованной с представительством соответствующей страны форме. Это положение имело для советского руководства особую важность: необходимость раскрывать сведения о золотом запасе, добыче золота, уровне внутренних цен, объеме внешней торговли и величине национального дохода была для него чрезвычайно болезненной⁷. Удовлетворение последнего требования давало бы правительству Советского Союза возможность скрыть некоторые реальные экономические показатели (например, сообщить «данные ниже фактического золотого запаса СССР») и получить гарантии того, что от него не потребуется раскрывать никакие другие данные кроме заранее оговоренных⁸.

17 марта 1944 г. советские эксперты сообщили, что практически все предложенные ими поправки к проекту совместного заявления о принципах работы Меж-

⁶ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 19. Д. 194. Л. 16.

⁷ Например, в 1944 г. ВВП СССР было в 4 раза ниже, чем ВВП США — 362 и 1499 млрд долларов соответственно [Harrison 1998: 27].

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 17. Д. 171. Л. 1—2.

дународного валютного фонда были отклонены американской стороной⁹. Впрочем, на тот момент почти по каждой из отклоненных поправок было предложено решение, хотя бы частично удовлетворявшее интересы Советского Союза. Так, американцы не полностью отвергли скидку в 50% для стран, подвергшихся оккупации, а лишь снизили ее до 25%; в отношении установления паритета для советского рубля СССР было предложено самостоятельно установить этот паритет; значительная роль СССР в МВФ должна была обеспечиваться большой квотой и происходившим из нее вхождением представителя Советского Союза в Исполнительный комитет фонда. Относительно согласования со странами-членами объема информации, предоставляемой фонду, американские эксперты предложили включить требуемые показатели (запасы, добыча и движение золота, запасы иностранной валюты, внешнеторговый оборот, движение капиталов, некоторые другие статьи платежного баланса, движение валютных курсов) в устав, дабы избежать последующих разногласий в этом вопросе. Кроме того, советским представителям было еще раз разъяснено, что правительства государств — членов фонда не обязаны реализовывать рекомендуемые фондом мероприятия, если они не считают их необходимыми¹⁰.

Подводя итог этому этапу переговоров с американскими коллегами, советские эксперты заключили, что при таком положении участие СССР в фонде не может принести ему существенных экономических выгод и будет иметь преимущественно политическое значение — в частности, обеспечение влияния на международной арене и участие в разрешении международных финансовых вопросов¹¹.

Доклад советских экспертов был тщательно проработан в Наркомфине и Госбанке, которые вынесли 4 апреля 1944 г. следующее заключение: поскольку американская сторона заявила, что ее позиция определена окончательно и не подлежит изменению, советской делегации следует выделить те условия, без выполнения которых она не сможет присоединиться к совместному заявлению экспертов. В случае нежелания американской стороны пойти на уступки, делегации следовало заявить о «неизменном желании Советского Союза принять участие в организации и работе фонда, которое затрудняет возникшая необходимость в проведении дополнительных консультаций с соответствующими ведомствами СССР»¹².

В перечень вопросов, особо чувствительных для советского руководства, по-прежнему входил вопрос о паритете советской валюты; о сохранении особого положения государств, осуществляющих государственную торговлю; об увеличении скидки от взноса золотом для стран, пострадавших от оккупации; о нераспространении на местную добычу обязательства членов фонда сдавать по его требованию половину прироста золота за год; об отсрочке на 5 лет выполнения обязательства об оплате золотом половины покупаемой у фонда иностранной валюты; о повышении квоты СССР не за счет резерва фонда, а за счет уточнения показа-

⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 17. Д. 171. Л. 8.

¹⁰ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 17. Д. 171. Л. 8—10.

¹¹ Там же. Л. 10; АВПРФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 17. Д. 174. Л. 12—14.

¹² Там же. Л. 11.

телей по общей формуле для исчисления квот. Следовало настоять на том, чтобы часть золота фонда хранилась в Москве; уточнить неясные формулировки в перечне экономических показателей, сведения по которым должны передаваться фонду¹³. Эти рекомендации в тот же день были переданы по телеграфу советской делегации экспертов через полпредство СССР в США¹⁴.

В это же время Наркомфин получил конфиденциальную информацию о том, что между американскими и британскими экспертами также существуют принципиальные разногласия (в частности, по вопросу установления квот, органов управления МВФ, нормы использования кредитов по квотам и т.д.). Из предложений англичан единственный интерес для СССР представляло предложение об исчислении квот «по общим соображениям», т.е. с учетом веса конкретной страны в международной торговле, поскольку позволяло избежать привязки к статистическим показателям. Впрочем, и оно не играло существенной роли, поскольку в тот период СССР не входил в число ключевых торговых держав, так что несогласованность позиций Вашингтона и Лондона в той ситуации не могла принести Москве никакой выгоды. В то же время, если бы СССР не сумел своевременно согласовать свою позицию с американцами и британцами, они могли опубликовать совместное заявление без его участия и без учета его пожеланий¹⁵.

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ

19 апреля 1944 г. посол США в СССР У.А. Гарриман в ноте на имя В.М. Молотова сообщил, что англичане заявили о «согласии опубликовать совместное заявление технических экспертов Объединенных и присоединившихся наций, рекомендуемое учреждение Международного валютного фонда». И британская, и американская стороны подчеркивали «желательность присоединения Советского Союза... к предложенному заявлению», которое должно было быть опубликовано 21 апреля 1944 г. в 20:00 по вашингтонскому времени в Вашингтоне, Лондоне, Чунцине, Москве и ряде других столиц. В ноте У.А. Гарримана содержались некоторые уточнения, внесенные в текст соглашения по результатам переговоров с британскими экспертами. Эти уточнения придавали первоначальным формулировкам более расплывчатый характер, так что на тот момент и советская, и британская делегации фактически утратили повод для дальнейших дискуссий по этому документу¹⁶.

23 апреля 1944 г. текст «Совместного заявления экспертов Объединенных и присоединившихся наций об организации Международного валютного фонда» был опубликован на 4-й полосе газеты «Известия»¹⁷.

После принятия соглашения продолжилась работа экспертов стран-союзниц по дальнейшему уточнению формулировок основных принципов работы фонда в рамках специального комитета. Продолжая настаивать на внесении в эти прин-

¹³ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 17. Д. 171. Л. 12—13.

¹⁴ Там же. Л. 14—15.

¹⁵ Там же. Л. 16—18.

¹⁶ АВПРФ. Ф. 0129. Оп. 28. П. 160. Д. 45. Л. 10.

¹⁷ Известия. 23 апреля, 1944. № 8399.

ципы ряда поправок, в чем-то Москва шла на весьма важные, с точки зрения советского руководства, уступки. Например, в записке сотрудников экономического отдела НКВД С.К. Царапкина, А.О. Арутюняна и А.М. Барановского на имя А.Я. Вышинского говорилось о том, что советским экспертам разрешается заявить о готовности СССР предоставлять фонду сведения об объеме золотых резервов СССР и движении золота, наличности иностранной валюты, движении капиталов, показателях внешней торговли и движении валютных курсов. Данные о добыче золота обнародовать не предполагалось¹⁸.

Поскольку на тот момент считалось, что Международная финансовая конференция начнет работу в мае, Вышинскому рекомендовалось включить советских экспертов, которые должны были работать в комитете, в состав советской делегации на конференцию. Ее должен был возглавлять нарком финансов А.Г. Зверев при поддержке заместителя наркома внешторга М.С. Степанова и заместителя председателя правления Госбанка СССР Н.Ф. Чечулина¹⁹.

Важно отметить, что к середине апреля 1944 г., несмотря на достаточно оживленный диалог и искреннее желание СССР и США сотрудничать, разногласия между ними по ряду принципиальных вопросов функционирования МВФ оставались неразрешенными. Тем не менее Москва согласилась взять за основу на предстоящей Международной валютной конференции полученный 22 мая предварительный проект «Предложений по международному стабилизационному фонду Объединенных и присоединившихся к ним наций»²⁰. В начале июня была согласована дата начала конференции — 1 июля 1944 г., о чем Советскому Союзу было сообщено прежде, чем другим странам [Ikenberry 1993: 196]: соответствующая записка посла США У.А. Гарримана была получена заведующим отделом американских стран НКВД С.К. Царапкиным 5 июня²¹.

БРЕТТОН-ВУДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В ходе Бреттон-Вудской конференции советская делегация пошла еще на ряд уступок относительно своей более ранней позиции. И если ранее СССР настаивал на предоставлении оккупированным странам скидки на взнос золотом в размере 50%, то в июле 1944 г. Наркомфин и Госбанк посчитали целесообразным «отстаивать размер скидки не в 25%, а до 25%». Кроме того, советская делегация отказалась от весьма важного для Советского Союза предложения об освобождении стран, пострадавших от оккупации, от обязанности оплачивать золотом половину покупаемой у фонда иностранной валюты и о нераспространении на золото «местной добычи» обязательства сдавать фонду половину прироста золота за год. Несмотря на это, в американской историографии прочно укоренилось убеждение в том, что на уступки пошла именно американская сторона [Van Dormael 1978: 193—197; Нехнер 1946: 638—639].

¹⁸ АВПРФ. Ф. 0129. Оп. 28. П. 160. Д. 45. Л. 38

¹⁹ Там же. Л. 39. Несмотря на эти рекомендации, главой советской делегации был назначен М.С. Степанов.

²⁰ Там же. Л. 15—26.

²¹ Там же. Л. 45—46.

22 июля 1944 г. глава советской делегации М.С. Степанов вместе с руководителями делегаций других стран подписали заключительный акт Бреттон-Вудской конференции.

На протяжении всего 1945 г. вопрос о подписании соглашения об МВФ постоянно муссировался как в НКВД, так и в НКВТ.

В архиве внешней политики Российской Федерации сохранились документы, позволяющие утверждать, что СССР собирался вступить в обе организации до 31 декабря 1945 г. В частности, имеется проект постановления Политбюро ЦК КПСС «О вступлении СССР в Международный валютный фонд и Международный банк для реконструкции и развития»²² и заключение комиссии, выделенной постановлением СНК СССР от 5 марта 1945 г. для разработки предложений в связи с вопросом о возможном участии СССР в Международном валютном фонде и Международном банке для реконструкции и развития, от 27 ноября 1945 г. с рекомендацией о вступлении до 31 декабря 1945 г., поскольку условия вступления после этого срока будут определяться самим фондом²³. На протяжении всего декабря 1945 г. и сотрудники экономического отдела НКВД, и советский поверенный в делах в США Н.В. Новиков просили Молотова поторопиться с решением этого вопроса²⁴. С такой же просьбой 27 сентября 1945 г. к Вышинскому обратился Дж. Кеннан²⁵, а 7 декабря она вновь прозвучала в устном заявлении посла У. Смита заместителю заведующего отделом США НКВД В.И. Базыкину²⁶. 20 декабря Гарриман еще раз обратился к Вышинскому с просьбой ускорить подписание соглашений²⁷.

27 декабря 1945 г. после торжественной церемонии ратификации соглашения Соединенными Штатами и рядом других стран оно вступило в силу, поскольку набрало необходимые для его реализации 65% общих квот (ст. XX, п. 1)²⁸.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТКАЗ СССР

Наконец, 29 декабря Молотов сообщил Гарриману, что «Советское правительство не считает возможным в настоящее время подписать проекты соглашений, составленные в Бреттон-Вудсе», поскольку «находит необходимым подвергнуть вопросы, затронутые этими проектами, дальнейшему изучению в свете тех новых условий экономического развития мира, которые складываются в послевоенный период»²⁹.

Отказ СССР подписать соглашение о вступлении в МВФ вызвал на Западе и, в частности, в США очень неоднозначную реакцию. Противники Москвы усматривали в этом еще одно подтверждение диктаторских устремлений советско-

²² АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 19. Д. 194. Л. 196—197.

²³ Там же. Л. 197а—202.

²⁴ Там же. Л. 203—205.

²⁵ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 45. Д. 704. Л. 1—3.

²⁶ Там же. Л. 4—5.

²⁷ Там же. Л. 6—7.

²⁸ Статьи соглашения Международного валютного фонда. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/aa/rus/index.pdf> (accessed: February 1, 2017).

²⁹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 45. Д. 704. Л. 8.

го руководства, не желавшего идти ни на какие компромиссы с бывшими союзниками. Приверженцы более либеральной позиции указывали, что СССР был не единственной страной, не ратифицировавшей на 31 декабря 1945 г. соглашение об МВФ. В число таких стран входили, например, также Австралия и Новая Зеландия.

Сообщение Молотова не было пустой отговоркой и действительно не означало окончательного отказа СССР от членства в МВФ и МБРР. В противном случае весьма сомнительно, чтобы Москва допустила вступление в МВФ Чехословакии и, в особенности, Польши [Lavigne 1990: 25]. Кроме того, в марте 1946 г. СССР в статусе наблюдателя принял участие в первом заседании Совета управляющих фонда [Brabant 1991: 48]. Ввиду предполагавшегося вступления Советского Союза в МВФ в 1946 г. на этом заседании было принято решение продлить срок для принятия в организацию новых членов на исходных условиях до 31 декабря 1946 г. [Hexner 1946: 640].

Однако в 1946 г. и для СССР, и для США членство Советского Союза в МВФ уже не было отдельным вопросом; оно стало частью целого комплекса экономических проблем как многостороннего, так и двустороннего характера, которые Вашингтон соглашался рассматривать исключительно в совокупности. Москва же в этом вопросе заняла достаточно жесткую позицию, поскольку (вполне справедливо) не видела связи между урегулированием поставок по ленд-лизу, удовлетворением претензий к правительству СССР отдельных американских граждан [Harold 1996: 70] и участием в международном экономическом сотрудничестве³⁰.

Таким образом, в конце 1945 — начале 1946 г. вопрос о членстве СССР в МВФ стал одним из принципиальных разногласий между Советским Союзом и США. В 1943—1944 гг. основой для любых переговоров служили дружественные отношения между двумя нашими странами и личное взаимное уважение, которое питали друг к другу Сталин и Рузвельт. Ради поддержания этого сотрудничества, а также во имя создания стабильной послевоенной системы международных отношений обе стороны были готовы идти на значительные уступки [Helleiner 2014: 41]. Экономическая заинтересованность СССР в участии в МВФ резко снизилась после осознания того, что его надежды получить у фонда большой кредит на послевоенное восстановление экономики не оправдались [Mikesell 1951: 106]³¹. После этого в экономическом отношении фонд интересовал Москву исключительно как гарант установления такого фиксированного курса золота как базы для международных расчетов, который не мог быть изменен без согласия Советского Союза [Halm 1945: 153].

³⁰ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 28.

³¹ Первоначально советское руководство было уверено в том, что кредиты будет выдавать непосредственно МВФ, и его заинтересованность в участии в работе Фонда была в большой степени вызвана именно этим. Впоследствии она определялась уже тем, что членство в Международном банке реконструкции и развития невозможно без членства в МВФ. Наконец, в ходе переговоров об условиях предоставления кредитов МБРР стало понятно, что эти условия могут оказаться менее выгодными, чем, например, условия, о которых можно было договориться с США.

В то же время политические резоны участия СССР в МВФ были чрезвычайно важными, и советское руководство хорошо это осознавало. Именно поэтому в 1944 — первой половине 1945 г. Москва по-прежнему была готова идти на существенные уступки. Однако во второй половине 1945 г. помимо ухудшения отношений между СССР и США, изменившихся со смертью Рузвельта, усугублением польского, иранского, корейского, турецкого и других вопросов, Советский Союз невольно оказался жертвой большой экономической и политической игры между Соединенными Штатами и Великобританией [Hawtreay 1946: 1]. Когда в Москве стало известно, что Лондон подписал Бреттон-Вудские соглашения только после того, как получил от Вашингтона гарантии предоставления крупного кредита [Pollard 1985: 67—68] и ряд других уступок³², советское руководство решило последовать примеру англичан. К концу декабря 1945 г. вопрос с кредитом оставался по-прежнему нерешенным [Van Dormael 1978: 192], а попытки советских экспертов провести свои поправки также закончились практически безрезультатно. Таким образом, СССР фактически оказался в заложниках собственной позиции — вступление в МВФ на общих основаниях, без гарантий получения кредита и других уступок могло быть расценено и США, и Великобританией как свидетельство политической и экономической слабости Советского Союза [Gaddis 1972: 23].

Выжидательная позиция советского руководства в отношении вступления в МВФ, пусть и невольно, сослужила стране плохую службу: знаменитая «длинная телеграмма» Кеннана стала результатом запроса Госдепартамента и министерства финансов США в посольство США в Москве о причинах отказа СССР ратифицировать Бреттон-Вудские соглашения [James, James 1994: 615]. Впрочем, тщательный анализ событий конца 1945 — начала 1946 г. историкам еще предстоит завершить, поскольку не все советские и американские документы, раскрывающие перипетии двусторонних отношений в этот период, на сегодняшний день рассекречены.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Варга Е.С. Англо-американские экономические отношения: Стенограмма публичной лекции, прочитанной 24 января 1946 г. в Ленинском зале в Москве. М.: Правда; 1946.
- Международный валютный фонд / Под ред. Г.С. Лопатина. М.: Международные отношения; 1964.
- Минкова К.В. Международная многосторонняя торговля: от античности до ВТО. СПб.: изд-во С.-Петербургского университета; 2006.
- Brabant J.M. The Planned Economies and International Economic Organizations. Cambridge: Cambridge University Press; 1991.
- Gaddis J.L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947. N.Y., Columbia University Press; 1972.
- Halm G.N. International Monetary Cooperation. Chapel Hill: The University of North Carolina Press; 1945.
- Harold J. International Monetary Co-operation Since Bretton Woods. IMF: Oxford University Press; 1996.

³² АВПРФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 17. Д. 174. Л. 5.

- Harrison M.* The Economics of World War II: An Overview. In: Harrison M., editor. *The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison*. Cambridge: Cambridge University Press; 1998. P. 1—42.
- Hawtrey R.G.* Bretton Woods: For Better or For Worse. London: Longmans, Green and Co.; 1946.
- Helleiner E.* Forgotten Foundations of Bretton Woods. Ithaca: Cornell University Press; 2014.
- Hexner E.* The Soviet Union and the International Monetary Fund // *The American Journal of International Law*. 1946. Vol. 40. N 3. P. 637—640.
- Ikenberry G.J.* The Political Origins of Bretton Woods. In: Bordo M.D., Eichengreen D., editors. *A Retrospective on the Bretton Woods System: Lessons for International Monetary Reform*. Chicago: University of Chicago Press; 1993. P. 155—198.
- James H., James M.* The Origins of the Cold War: Some New Documents // *The Historical Journal*. 1994. Vol. 37. N 3. P. 615—622.
- Lavigne M.* Organized International Economic Cooperation After World War II // *Soviet and Eastern European Foreign Trade*. 1990. Vol. 26. N 1. P. 4—35.
- Mikesell R.F.* Negotiating at Bretton Woods, 1944. In: Dennett R., Johnson J.E., editors. *Negotiating with the Russians*. Boston: World Peace Foundation; 1951. P. 101—116.
- Pollard R.* Economic Security and the Origins of the Cold War, 1945—1950. New York: Columbia University Press; 1985.
- Van Dornael A.* Bretton Woods: Birth of a Monetary System. New York: Holmes&Meier; 1978.
- Woods R.B.* A Changing of the Guard: Anglo-American Relations, 1941—1946. Chapel Hill: University of North Carolina Press; 1990.

Дата поступления статьи: 07.02.2017

Для цитирования: Минкова К.В. «Советская делегация считает целесообразным вступление Советского Союза в состав членов фонда»: СССР и Международный валютный фонд в 1943—1946 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 34—47.

Сведения об авторе: Минкова Кристина Владимировна — канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры американских исследований факультета международных отношений СПбГУ (e-mail: kristina_minkova@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-34-47

“THE SOVIET DELEGATION CONSIDERS USSR JOINING THE INTERNATIONAL MONETARY FUND ADVISABLE”: SOVIET UNION AND IMF IN 1943—1946

K.V. Minkova

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The paper based on the Soviet documents previously not included in scientific circulation and little-known American documents focuses on the evolution of the Soviet Government's position in relation to USSR participation in the International Monetary Fund in 1943—1946. The present study is intended not only to close the significant gap in the domestic and foreign historiography, but also to reveal the true attitude of the Soviet government to international economic cooperation, greatly distorted in the 1950s—1980s by both Soviet and Western propaganda.

Stemming from principles of historicism and scientific objectivity, having carefully analyzed Soviet documents and compared them with those of the U.S., the author concludes that in the initial phase of post-war international economic and trade cooperation the Soviet government attached great importance to the participation of the Soviet Union in the formulation of the principles of this cooperation and was ready to make significant concessions for the opportunity to work on the formation of international economic policy and maintain the image of an influential actor in the international arena. However, in the autumn of 1945 the Soviet government's position began to change due to the multiplicity of reasons of exclusively political nature. In particular, the Soviet Union was drawn into a big economic and political game between Washington and London, which resulted in false premises for all Soviet representations of participation in international economic cooperation in late 1945 and early 1946 and, consequently, all decision taken by the Soviet leadership. This fact has become one of the key reasons for the refusal of the USSR to join the IMF in that period.

Key words: International Monetary Fund, USSR, USA, Roosevelt, Stalin, Bretton-Woods, economic co-operation

REFERENCES

- Brabant, J. M. (1991). *The Planned Economies and International Economic Organizations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gaddis, J. L. (1972). *The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947*. New York: Columbia University Press.
- Halm, G. N. (1945). *International Monetary Cooperation*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.
- Harold, J. (1996). *International Monetary Co-operation Since Bretton Woods*. IMF: Oxford University Press.
- Harrison, M. (1998). *The Economics of World War II: An Overview*. In: Harrison M., ed. *The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1—42.
- Hawtrey, R. G. (1946). *Bretton Woods: For Better or For Worse*. London: Longmans, Green and Co.
- Helleiner, E. (2014). *Forgotten Foundations of Bretton Woods*. Ithaca: Cornell University Press.
- Hexner, E. (1946). The Soviet Union and the International Monetary Fund. *The American Journal of International Law*, 40(3), 637—640.
- Ikenberry, G. J. (1993). *The Political Origins of Bretton Woods*. In: Bordo M.D., Eichengreen D., eds. *A Retrospective on the Bretton Woods System: Lessons for International Monetary Reform*. Chicago: University of Chicago Press. P. 155—198.
- James, H., & James, M. (1994). The Origins of the Cold War: Some New Documents. *The Historical Journal*, 37(3), 615—622.
- Lavigne, M. (1990). Organized International Economic Cooperation After World War II. *Soviet and Eastern European Foreign Trade*, 26(1), 4—35.
- Lopatin, G. S. (Ed.) (1964). *International Monetary Fund*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).
- Minkova, K. V. (2006). *International Multilateral Trade: From Antiquity to WTO*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russ.).
- Mikesell, R. F. (1951). *Negotiating at Bretton Woods, 1944*. In: Dennett R., Johnson J. E., editors. *Negotiating with the Russians*. Boston: World Peace Foundation. P. 101—116.
- Pollard, R. (1985). *Economic Security and the Origins of the Cold War, 1945—1950*. New York, Columbia University Press.
- Van Dormael, A. (1978). *Bretton Woods: Birth of a Monetary System*. New York: Holmes&Meier.

Varga, E. S. (1946). *British-American economic relations*. Verbatim of a public lecture given in the Lenin Hall, Moscow, on January 24, 1946. Moscow. (In Russ.).

Woods, R. B. (1990). *A Changing of the Guard: Anglo-American Relations, 1941—1946*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Received: 07.02.2017

For citations: Minkova, K. V. (2017). “The Soviet delegation considers USSR joining The International Monetary Fund advisable”: Soviet Union and IMF in 1943—1946. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 34—47.

About the author: *Minkova Kristina Vladimirovna* — PhD of History, Senior lecturer of the Department of American Studies of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (e-mail: kristina_minkova@mail.ru)

© Минкова К.В., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-48-58

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ПРОБЛЕМА И РЕСУРС СОТРУДНИЧЕСТВА ЮГ-ЮГ: СЛУЧАЙ БРАЗИЛИИ

Е.Б. Павлова

Тартуский университет, Тарту, Эстония

Целью данной статьи является обозначение ключевых нарративов колониального наследия как узловых точек формирования бразильской внешнеполитической повестки дня в русле сотрудничества Юг-Юг. Стремление Бразилии к региональному лидерству и ее попытки повысить свой международный престиж будут проанализированы на основе конструктивистской методологии, прежде всего, в рамках теории взаимодействия агента и структуры, предложенной А. Вендтом в 1987 г.

Подобный подход, во-первых, позволит прояснить основные затруднения, с которыми сталкивается Бразилия в собственном регионе, а также проанализировать ее усилия по устранению проблем колониального наследия в осуществлении одной из важнейших целей политики — достижения регионального лидерства. Во-вторых, позволит увидеть колониальное наследие как безусловный ресурс Бразилии для расширения географического охвата ее влияния и роста количества ее союзников по линии Юг-Юг. В-третьих, мы продемонстрируем чрезвычайно сложную взаимосвязь одного из наиболее интересных современных международных объединений, такого как БРИКС, с проблемой колониального наследия на структурном уровне.

На примере Бразилии как страны, с одной стороны, не преодолевшей пока комплекса бывшей колонии, а с другой, как государства, активно осуществляющего политические ритуалы, демонстрирующие его возрастающую мощь, мы сможем проследить за теми возможностями и ограничениями, которые существуют в современной структуре международных отношений. Наконец, исследование поможет прояснить, почему БРИКС, организация во многом претендующая на роль агента артикулирования нового миропорядка, более благоприятного для стран оси Юг-Юг, имеет мало шансов достичь этой цели.

Ключевые слова: Бразилия, Латинская Америка, сотрудничество Юг-Юг, лидерство, колониализм, БРИКС, развивающиеся страны, конструктивизм, политический ритуал

Претензии Бразилии как на повышение своего статуса в мировой структуре, так и на лидерство в регионе не являются секретом. Уже не одно десятилетие бразильские политические элиты работают в этих двух направлениях, но в обоих случаях до успеха еще весьма далеко. Кроме того, при анализе внешней политики Бразилии возникает вопрос: какой именно уровень лидерства здесь является приоритетным, а какой более достижимым. Казалось бы, логика здесь проста — региональное лидерство может дать Бразилии шанс стать одним из лидеров и в системе международных отношений. Однако, как указывают многие исследователи, пока ситуация совершенно иная [Sorj, Fausto 2013]. Региональное первенство для Бразилии остается пока весьма далекой от осуществления целью, в то время как повышение ее статуса в системе международных отношений явно имеет место [Malamud 2011]. Теме лидерства Бразилии на различных уровнях структуры ми-

ровой политики посвящено немало работ. Данная же статья отнюдь не претендует на раскрытие всех деталей успехов и неудач латиноамериканского государства, и будет фокусироваться лишь на одном аспекте, серьезно влияющем как на региональное, так и на международное сотрудничество — колониальном наследии.

Ключевым методом раскрытия основной проблематики нам послужит теория о взаимосвязи «агента» и «структуры», разработанная Александром Вендтом (1987). С одной стороны, подобный подход позволит нам проследить изменения повестки дня Бразилии как «агента» международных отношений, чье поведение во многом зависит от структурного восприятия «колониального наследия» на разных уровнях сотрудничества. С другой стороны, идеи, предложенные Вендтом, позволяют нам говорить о структурах как о социальных феноменах. Таким образом, мы получаем возможность сопоставления колониального наследия как части идентичности Бразилии, определяющей ее поведение как агента в международных отношениях, со структурным колониальным наследием как предтечей современной системы. Для улучшения схемы анализа работа поделена на три соответствующие части, что позволит обозначить важные нарративы колониального наследия как узловые точки формирования бразильской внешнеполитической повестки дня при сотрудничестве Юг-Юг.

КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ПРОБЛЕМА ЛИДЕРСТВА БРАЗИЛИИ В РЕГИОНЕ

Итак, преимущества Бразилии среди стран Латинской Америки кажутся, на первый взгляд, несомненными. Крупнейшая по размерам, более или менее успешно развивающаяся экономически, страна, благосклонно воспринимаемая не только на Западе, но и в других уголках планеты — все эти данные заставляют нас видеть в Бразилии лидера региона. Тем не менее, первое впечатление не всегда соответствует реальной ситуации. Потенциал Бразилии безусловен. Амбиции Бразилии очевидны. Однако ситуация развивается далеко не так успешно, как хотелось бы политическим элитам этой страны. Провал Бразилии стать постоянным членом Совета Безопасности ООН от Латинской Америки — этому явное подтверждение. Статус Бразилии в регионе хотя и очень высок, но далеко не так однозначен.

Лидерство страны может быть поставлено под сомнение как согласно западным критериям, так и локальным нормативным установкам. Например, с точки зрения экономических показателей, представленных в отчетах Всемирного банка, Уругвай и Чили более успешны¹. Обратившись к ранжированию стран по уровню демократии, также можно проследить, что Бразилия будет далеко не первая в рейтинге, те же самые Уругвай и Чили опережают ее примерно на 20 мест².

¹ The World Bank. Washington. Gross national income per capita 2015, Atlas method and PPP. URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/GNIPC.pdf> (дата обращения: 05.02.2017).

² Campbell, D. F. J., Pözlbauer, P., Barth, T., Pözlbauer, G. Democracy Ranking 2015 (Scores). Vienna: 2015. URL: http://democracyranking.org/ranking/2015/data/Scores_of_the_Democracy_Ranking_2015_A4.pdf (дата обращения: 05.02.2017).

Таким образом, количественные показатели, активно продвигаемые западными политическими элитами, скорее могут быть контраргументом для лидерства Бразилии. Однако, и это хотелось бы особо подчеркнуть, ключевые проблемы государства Латинской Америки как потенциального лидера региона связаны не столько с количественным, сколько с качественным отличием бразильского идентификационного дискурса от регионального. И именно это, как подчеркивается в разных исследованиях, становится серьезной преградой на пути к региональной гегемонии [Malamud 2011, Gehre Galvão 2009].

Бразилия — единственная страна Латинской Америки, которая была частью не испанской, а португальской колониальной системы, и этот факт на сегодняшний момент серьезно мешает лидерству страны в регионе. Чем это обусловлено? Во-первых, это иной язык. Конечно, португальский язык принадлежит к той же группе, что и испанский, и представить себе картину, когда бразилец совершенно не может понять мексиканца или аргентинца, достаточно сложно. Тем не менее, подобная языковая ситуация является скорее аргументом «против», нежели «за» при обсуждении статуса Бразилии как безусловного регионального лидера.

Вторым фактором является особая социальная структура. Если в испанских колониях все выстраивалось по схеме «испанские захватчики/индейское автохтонное население», то в Бразилии ситуация осложнялась наличием третьей группы — рабов, вывезенных из африканских колоний. Таким образом, процесс деколонизации, который в бывших испанских колониях до сих пор тесно связан с преодолением дихотомии «колонизаторы/колонируемые» и наследием колониальных отношений, в Бразилии почти вытеснен на второй план проблемами расовой дискриминации. Это не значит, что в стране дискурс деколонизации отсутствует. Совсем напротив, но подробнее об этом ниже. Однако формирование внутренней повестки дня здесь основывается на других тенденциях, и это влияет на восприятие Бразилии остальными странами Латинской Америки.

Третьим, менее важным, но не менее интересным расхождением в историческом наследии Бразилии и других государств континента, является сам процесс освобождения от метрополий, который сопровождался серьезными военными действиями на территории испанских владений, а на землях португальской империи, скорее, может быть охарактеризован как вооруженное противостояние [Sorj, Fausto 2013]. Значимость событий тех времен сложно переоценить сегодня, когда отсылки к героическому прошлому и к героям тех времен стали одним из ключевых пунктов идеи формирования общей латиноамериканской идентичности. То есть, если с точки зрения географического положения, Бразилия является частью Латинской Америки, то с позиций общей латиноамериканской дискурсивной практики идентичности, основывающейся на отсылках к общей колониальной истории, ее позиции в качестве нормативного лидера весьма туманны.

ИДЕЯ «ЮЖНОЙ АМЕРИКИ» ВМЕСТО «ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ»

Именно поэтому на сегодняшний момент Бразилия стремится выстроить отношения с соседями по континенту, задавая иное направление регионального дискурса. Основой данного направления стала идея «Южной Америки», где не общее

историческое наследие, а совместные усилия по включению отдельных стран и региона в целом в мировую экономическую структуру, а также совместные усилия по формированию благосостояния государства ставились во главу угла. Примером может являться МЕРКОСУР (Южный рынок), созданный в 1991 г. во многом по инициативе и при активной поддержке именно Бразилии [Gomes Saraiva 2012].

Однако экономические проблемы в Латинской Америке привели бразильскую элиту к постепенному осознанию того, что объединения региона на основе экономического взаимодействия, где Бразилия могла занимать ключевую роль, недостаточно. Возникновение таких идеологических блоков, как АЛБА сделало еще более очевидным необходимость более активной политики Бразилии.

Тем не менее, маргинальность положения Бразилии при артикуляции латиноамериканского дискурса идентичности была очевидна, что и привело политические элиты страны к новому использованию концепта «Южная Америка». По сути дела, Бразилия попыталась вытеснить существующий идентификационный дискурс новым, заменяя «латиноамериканскость» на «южноамериканскость».

УНАСУР (Союз южноамериканских наций), созданный в 2011 г., стал важным этапом на этом пути. Как указано на официальной странице организации, помимо классических задач любого современного политического и экономического объединения, в цели УНАСУР входит «*Консолидация южноамериканской идентичности, ..., чтобы в результате достичь южноамериканского гражданства*»³. В ноябре 2016 г. концепт «южноамериканского гражданства» был одобрен на саммите УНАСУР, хотя реальные возможности его применения пока остаются под вопросом⁴. На сегодняшний момент Бразилия прикладывает серьезные усилия, чтобы «Южная Америка» стала «операционализированным», по выражению Тьяго Гальвао, концептом внешней политики стран Латинской Америки [Gehre Galvão 2009: 77]. Подобная рокировка позволила бы Бразилии минимизировать проблемность колониального наследия в погоне за лидерством, создавая обновленный дискурс региональной структуры, где она стала бы ключевым агентом.

КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ИСТОЧНИК ЛИДЕРСТВА БРАЗИЛИИ ПО ЛИНИИ ЮГ-ЮГ

Португальское наследие, причиняющее столько проблем Бразилии в своем собственном регионе, приобретает уже совсем другие коннотации за пределами Латинской Америки. И если для сотрудничества с соседями по континенту португальский язык становится препятствием, то для взаимодействия с бывшими португальскими колониями это один из важнейших ресурсов. Однако и в данном направлении имеются недостатки.

³ UNASUR. Objetivos específicos. URL: <http://www.unasursg.org/es/objetivos-especificos> (дата обращения: 05.02.2017).

⁴ Armirola Ricaurte D. Unasur aprueba “ciudadanía suramericana” // El Colombiano. 25 ноября, 2016. URL: <http://www.elcolombiano.com/internacional/unasur-aprueba-ciudadania-suramericana-HE5431867> (дата обращения: 05.02.2017).

Бразилия сотрудничала со своей бывшей метрополией, а тяжелые войны, которые Португалия вела с колониями, существенно затрудняли отношения Бразилии со странами ПАЛОП (акроним, использующийся для обозначения африканских стран с официальным португальским языком). Если для Португалии сотрудничество с Бразилией было крайне выгодно, как доказательство, что даже бывшая колония поддерживает ее политику, то для Бразилии эти связи с Лиссабоном вели лишь к негативным эффектам в ее отношениях с ПАЛОП.

Не последнюю роль здесь сыграла колониальная, расистская идеология «лузотропикализма», которая была выдвинута бразильским социологом Жилберту Фрейры и чрезвычайно нравилась португальскому президенту Антониу Салазару, как явное оправдание колониальной политики страны. «Лузотропикализм»⁵ предполагал, что именно португальцы как этническая группа наиболее приспособлены к смешению с другими расами и этносами, и в результате этого смешения возникает нация, обладающая абсолютно новой культурой. Таким образом, политическое, экономическое и, как видим, идеологическое взаимодействие Бразилии с Португалией наносило серьезный ущерб бразильско-африканским отношениям.

Ситуация изменилась лишь после падения режима португальской диктатуры, когда новые африканские страны начали постепенное сближение с остальным миром. Важным шагом институционализации сотрудничества отношений между Бразилией и бывшими колониями стало Содружество португалоязычных стран (СПС), созданное в 1996 г. Одним из инициаторов этого объединения стал бразильский посол Жузе Апаресидо ди Оливейра, который определял СПС следующим образом: «В своих мыслях мы один народ, просто в разных конфигурациях, где каждая из наций имеет свою идентичность, однако мы объединены обязательствами одной и той же крови, этноса, языка, истории и ответственности за одну и ту же культуру»⁶.

Содружество португалоязычных стран нельзя назвать очень влиятельным объединением, тем не менее, оно сыграло серьезную роль в борьбе за независимость Восточного Тимора, чем увеличило географический охват влияния как организации в целом, так и ее участников, в том числе и Бразилии. Итак, данное содружество продолжает оставаться одним из важных инструментов внешней политики Бразилии по схеме Юг-Юг наравне с такими формами диалога, как ЗОПАКАС (Зона мира и сотрудничества Южной Атлантики) или поздними образованиями, такими как саммит «Африка — Южная Америка».

Итак, в постколониальной трансграничной структуре колониальное наследие Бразилии сыграло позитивную роль, хотя и не стало залогом ее лидерства. Тем не менее участие в подобных структурах нельзя недооценивать, так как именно поддержки развивающихся стран добивается Бразилия в своем стремлении получения нового статуса на мировой арене.

⁵ Лузитания — римское название Португалии.

⁶ Martins P.M.A. Morreu Embaixador José Aparecido de Oliveira**Cultura e CPLP ficam mais pobres* // Centro de mídia independente. 20 октября, 2007. URL: <http://www.brazil.indymedia.org/pt/red/2007/10/399279.shtml?comment=on> (дата обращения: 05.02.2017).

УЧАСТИЕ БРАЗИЛИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРИКС

Анализ сотрудничества по линии Юг-Юг невозможен без упоминания одной из инициатив нашего времени — группы БРИКС, где Бразилия принимает самое непосредственное участие. И именно на примере этой организации мы сможем проследить не только наследие португальской империи и роль этого наследия во внешней политике Бразилии, как было сделано в предыдущих частях, а обратить внимание на саму структуру современных международных отношений, наследницу колониальной системы, а также на возможности, которые она предоставляет развивающимся государствам.

Кратко описывая позиции государств — участников БРИКС в международных отношениях, можно отметить, что это не периферия, и даже уже не полупериферия, если пользоваться терминологией И. Валлерстайна, но пока и не центр. Стремление стран — участников БРИКС повысить свой статус в системе международных отношений стало явным еще до институционализации этого акронима. Политика государств-участников к этому времени уже имела четкие контуры переходного периода.

Политические элиты стали активно заявлять о своем будущем возвышении, и, что особенно важно, страны активно включились в осуществление *политических ритуалов*, т.е. признанных существующей системой символических действий по повышению авторитета страны, как индивидуальных, так и коллективных. Важным отличием ритуальных действий от обычных является их символический характер в дополнение к другим элементам [Kertzer 1983].

Подобным символизмом может обладать, например, следующая политическая деятельность: попытка регионального лидерства, наращивание военной силы или модная в последнее время спортивная дипломатия. В изучаемом случае, под ритуальными политическими действиями мы понимаем такую повестку дня политического актора, которая бы ярко свидетельствовала о его растущей мощи, позволяющей ему претендовать на более высокий статус в международной системе. Именно ритуалы, как указывает К. Бэлл «конструируют мощь» [Bell 2009: 129], которая должна быть признана другими агентами. Подобное признание позволяет стране занять более высокое положение в системе мировой политики.

Как пример подобного современного ритуала по демонстрации растущей государственной мощи странами БРИКС можно привести спортивную дипломатию. И РФ, и Китай, и наконец, Бразилия активно проводят у себя крупные спортивные мероприятия. В 2014 г. в Бразилии был проведен Чемпионат мира по футболу, а в 2016 г. были организованы Летние Олимпийские игры в Рио.

Здесь мы снова становимся свидетелями особой ситуации апеллирования к преодолению колониального наследия. Одним из аргументов о необходимости спортивных мега-событий стали ссылки на преодоление внутреннего комплекса — комплекса «дворняжки» (португ. *vira-lata*)⁷. Бывший президент Бразилии Дилма

⁷ Ощущение национальной неполноценности. Идея сформулирована известным бразильским публицистом Нельсоном Родригесом в 1950 г., после разгрома бразильской футбольной команды на Чемпионате мира по футболу.

Руссеф доказывала важность данных расходов, напрямую ссылаясь на необходимость преодолеть этот комплекс «дворняжки» и делом доказать свой высокий уровень развития⁸. Подобные отсылки не новость в бразильском официальном дискурсе. Например, бывший министр иностранных дел Селсу Аморим, комментируя доклад группы аналитиков США по отношениям с Бразилией, подчеркнул, что его беспокоит не столько видение североамериканскими экспертами Бразилии как страны маленькой, максимум средней, неспособной противостоять супердержавам, сколько поддержка такой позиции местной элитой⁹. Таким образом, преодоление ощущения национальной неполноценности как наследия колониального, периферийного сознания видится задачей как внутренней, так и внешней повестки дня. И соответственно только активная деятельность сразу по двум направлениям сможет предоставить Бразилии желаемое повышение статуса.

Однако страны — участницы БРИКС имели изначально разные позиции для осуществления данных ритуалов, поэтому даже официальная аргументация необходимости проведения тех или иных действий на международной арене разнится. В свою очередь, параллель между Россией и Бразилией, хоть и возможна в этом смысле, тем не менее, требует очень серьезных допущений. Ведь если Россия стремится скорее к возврату своего статуса времен холодной войны, то для Бразилии речь идет об этой задаче.

Здесь речь должна идти о действительном сломе структур, когда развивающиеся государства, бывшие колонии начинают восприниматься как равные партнеры на мировой арене. Конечно, если рассматривать ситуацию с точки зрения существующих международных институтов, такой проблемы вроде бы и нет. Современное международное право базируется на признании равенства всех государств. Существует ООН и другие международные организации, которые активно продвигают эти идеи. Тем не менее, определенное доминирование западной схемы развития общества остается неоспоримым элементом.

Для Бразилии, которая выстраивает свою международную идентичность как идентичность развивающейся страны [Mielniczuk 2013], подобная ситуация является одновременно и ресурсом, и вызовом. Активное продвижение государства как лидера развивающихся стран Бразилия вела уже давно, но с 2003 г., когда президентом стал Лула да Силва, подобное позиционирование государства стало постоянным элементом внешнеполитического дискурса. Причем да Силва активно подчеркивал, что помимо регионального партнерства будет искать альтернативы для сотрудничества с Россией, Китаем, Индией, Южной Африкой и арабским миром.

⁸ Discurso da Presidenta da República, Dilma Rousseff, na cerimônia de anúncio de investimentos do pacote mobilidade urbana. (2013). URL: <http://www2.planalto.gov.br/acompanhe-o-planalto/discursos/discursos-da-presidenta/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-na-cerimonia-de-anuncio-de-investimentos-do-pac-mobilidade-urbana-e-entrega-de-57-maquinas-motoniveladoras> (accessed: 05.02.2017).

⁹ Amorim C. O complexo de vira lata // Carta Capital. 25 июля, 2011. URL: <http://www.cartacapital.com.br/politica/a-obsessao-e-o-complexo-de-vira-lata> (accessed: 05.02.2017).

Именно в этот период происходит институционализация форума ИБСА (Индия, Бразилия, Южная Америка), который, несмотря на свои достаточно скромные заявленные цели, также может служить площадкой для формирования идей относительно будущих изменений международной структуры [Flemes 2011]. Общая политическая идентичность активно подчеркивается лидерами стран-участниц. Исторически эта общность коренится в общем опыте колониализма и империализма [Vieira, Alden 2011], что и ведет к современному восприятию сложившейся западной системы как неокOLONIALной [Olivier, Fioramonti 2011].

Сам акроним БРИКС, появление которого не несло под собой никакого дополнительного смысла, кроме признания растущей мощи данных стран, стал новым символом не только возможности повышения статуса государств участников, но и возможности построения нового миропорядка. Государства БРИКС, на первый взгляд, объединяет общая риторика относительно современной системы международных отношений как несправедливой по отношению к развивающимся странам. Как указывают Э. Купер и Д. Флемес, БРИКС является успешным объединением, помогающим участникам разделить свой частный опыт развития, по сути дела, так называемый рессентимент по отношению к Европе и США. «Они (БРИКС) относятся к глобальной системе с взаимно усиливаемым чувством исторического недовольства и претензиями представлять интересы всех развивающихся стран» [Flemes, Cooper 2013: 952].

Таким образом, опираясь на заявления государств БРИКС, можно выделить основную идею существования БРИКС как идею о несправедливости системы международных отношений в целом и их положения в частности.

Тем не менее, возникает вопрос, насколько исполнение ритуалов, задаваемых самой структурой, способно привести к задуманной цели — повышению статуса государства на международной арене. Заложена ли в самой системе эта возможность? При более внимательном рассмотрении ответ на этот вопрос представляется скорее отрицательным. Да, действительно, логика западной гегемонии настаивает на стремлении к равноправию всех субъектов международных отношений, но при этом основным агентом здесь остается сам Запад, определяющий ритуалы повышения статуса. По сути, только разрыв этой связи может привести к серьезным изменениям в самой структуре и придать статус агента новым участникам.

Деятельность БРИКС не свидетельствует о таких тенденциях. Регулярное проведение саммитов, совместные экономические, политические и культурные программы, образование общего финансового института — все это повторяет классическую для современного мира схему интеграции, с тем только условием, что сами эти программы являются скорее дополнением к основной цели их артикуляции — повышению престижа отдельных стран.

Таким образом, представить себе, что БРИКС, как единое целое, серьезно изменит структуру международных отношений, достаточно сложно. Осуществляя ритуалы, задаваемые системой, сами участники эту систему и поддерживают, что ведет к определенному увеличению их влияния на мировой арене, но не способствует коренным изменениям. Западная гегемония, эволюционировавшая из структуры западного колониального господства, по-прежнему будет оставлять Бразилию на вторых ролях. При этом многие указывают, что и саму Бразилию такое

положение дел вполне устраивает, и никакой задачи по изменению международной структуры реально не стоит.

Ее цели скромнее — это активизация экономического сотрудничества по линии Юг-Юг, где Бразилия может серьезно лидировать, и последующее региональное лидерство [Borges 2007, Sorj, Fausto 2013]. С одной стороны, можно отметить, что колониальное наследие Бразилии задает особую схему направления внешней политики страны, где внутреннее преодоление колониального сознания сочетается с усилиями найти соратников по этой борьбе. С другой — Бразилия не стремится к изменению существующей системы международных отношений, которые могли бы привести ее к действительному положению глобального лидера. Осуществление политических ритуалов в рамках системы для признания ее растущей мощи Западом и участие в БРИКС — это лишь способ заявить о себе.

Кратко резюмируя вышесказанное, следует отметить, что колониальное наследие играет весьма заметную роль во внешней политике Бразилии, связанной с сотрудничеством по схеме Юг-Юг. Однако ее стремление выступить в качестве ключевого агента Латинской Америки сталкивается с уже сложившейся структурой регионального идентификационного дискурса, по отношению к которому позиции южноамериканского государства явно маргинальны. Бразилия эту проблему полностью осознает и пытается обновить существующую структуру, делая основной акцент не на общем культурном и историческом наследии, а на идее общего экономического процветания. И если «латиноамериканскость» — это прежде всего ощущение совместного опыта преодоления последствий колонизации, то «южноамериканскость» — попытка отбросить современный неокOLONIALИЗМ глобализации. Таким образом, колониальное наследие, являющееся проблемным пунктом бразильской программы регионального первенства, может быть отодвинуто на второй план.

Совсем иная ситуация связана с сотрудничеством Бразилии в рамках СПС, где именно языковая и историческая общность создают благоприятную для нее структуру. Что же касается глобального лидерства, то здесь наблюдается весьма неоднозначное влияние колониального наследия. Собственный опыт Бразилии пересекается с современной структурой мировой политики, где сохраняется западная гегемония, как следствие европейского колониализма. Стремление Бразилии повысить свой международный авторитет путем участия в ИБСА или в БРИКС поддерживается Западом, так как эти претензии на лидерство демонстрируются посредством ритуалов, заданных самой структурой, и способствуют скорее ее процветанию, нежели ревизии.

Благодарность: Данная статья была подготовлена при поддержке Эстонского научно-исследовательского совета (PUT 260).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Bell, C. (2009). *Ritual: perspectives and dimensions*. Oxford: Oxford University Press.
- Borges, S. (2007). Building a Global Southern Coalition: The Competing Approaches of Brazil's Lula and Venezuela's Chávez. *Third World Quarterly*, 28(7), 1343—1358. DOI: 10.1080/01436590701591911

- Flemes, D. (2011). India, Brazil and South Africa (IBSA) in the New Global Order: Interests, Strategies and Values of the Emerging Coalition. *International Studies*, 46(3), 401—421. DOI: 10.1177/002088171004600402.
- Flemes, D., & Cooper, A. (2013). Foreign Policy Strategies of Emerging Powers in a Multipolar World: an Introductory Review. *Third World Quarterly*, 34(6), 943—962. DOI: 10.1080/01436597.2013.802501.
- Gehre Galvão, T. (2009). América do Sul: construção pela reinvenção (2000—2008). *Revista Brasileira de Política Internacional*, 52 (2), 63—80. DOI: 10.1590/S0034-73292009000200004.
- Gomes Saraiva, M. (2012). Procesos de integración de América del Sur y el papel de Brasil: los casos del Mercosur y la Unasur. *Revista CIDOB d'afers internacionals*, 97—98, 87—100.
- Kertzer, D. (1983). *The role of ritual in political change*. In: Aronoff M. J., editor. *Culture Political Change*. New Brunswick: Transaction. P. 71—53.
- Malamud, A. (2011). A Leader Without Followers? The Growing Divergence between the Regional and Global Performance of Brazilian Foreign Policy. *Latin American Politics and Society*, 53(3), 1—24. DOI: 10.1111/j.1548-2456.2011.00123.x.
- Mielniczuk, F. (2013). BRICS in the Contemporary World: changing identities, converging interests. *Third World Quarterly*, 34(6), 1079—1080. DOI: 10.1080/01436597.2013.802506.
- Olivier, G., & Fioramonti, L. (2011). *The emerging 'global south': the EU in the eyes of India, Brazil and South Africa*. In: Fioramonti, L., Luccarelli, S., editors. *External Perceptions of the European Union as a Global Actor*. London and New York: Routledge. P. 105—119.
- Sorj, B., & Fausto, S. (Eds.). (2013). *O Brasil e a Governança da América Latina: Que Tipo de Liderança é Possível?* Rio de Janeiro: Fundação Instituto Fernando Henrique Cardoso; IFHC.
- Vieira, M. A., & Alden, Ch. (2011) India, Brazil, and South Africa (IBSA): South-South cooperation and the paradox of regional leadership. *Global Governance*, 17(4), 507—528.
- Wendt, A. E. (1987). The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization*, 41(3), 335—370. DOI: 10.1017/S002081830002751X.

Дата поступления статьи: 08.02.2017

Для цитирования: Павлова Е.Б. Колониальное наследие как проблема и ресурс при сотрудничестве Юг-Юг: случай Бразилии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 48—58.

Сведения об авторе: Павлова Елена Борисовна — канд. полит. наук, старший научный сотрудник Института политических исследований им. Й. Шютте, Тартуский университет, Эстония (e-mail: elena.pavlova@ut.ee).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-48-58

COLONIAL LEGACY AS A SOURCE AND A PROBLEM IN SOUTH-SOUTH COOPERATION: THE CASE OF BRAZIL

E.B. Pavlova

University of Tartu, Tartu, Estonia

Abstract. The aim of this article is to identify the key narratives of colonial legacy as nodal points in the articulation of the Brazilian agenda in the South-South cooperation. Brazil's aspirations for regional leadership and attempts to increase its international prestige are analyzed in a constructivist framework.

Most importantly, our theoretical reasoning departs from the constructivist take on the agent-structure debate, proposed by A. Wendt in 1987. This approach, firstly, helps to clarify the main difficulties which Brazil faced in Latin America and to examine Brazilian efforts to overcome colonial legacy in order to secure regional leadership, one of the principal goals of its foreign policy. Secondly, colonial legacy can be seen as an unconditional source for the geographical expansion of Brazil's influence and the increasing the number of its allies by means of the South-South cooperation. Thirdly, we demonstrate the very complex relationship on the structural level between the BRICS project and the problem of colonial legacy. Using the example of Brazil as a state which, on the one hand, has not been able to overcome the postcolonial complex, and on the other, is actively performing political rituals aimed at demonstrating its increasing power, we can more clearly outline the possibilities and limitations inherent in the structure of contemporary international system.

Finally, this research suggests that BRICS, a group that claims to articulate the principles of the new world order, more beneficial for the states of the South, has limited chances to succeed with that mission.

Key words: Brazil, Latin America, South-South cooperation, leadership, colonialism, BRICS, developing countries, constructivism, political ritual

Received: 08.02.2017

Acknowledgments: This article was prepared with the support of Estonian Research Council (PUT 260).

For citations: Pavlova, E. B. (2017). Colonial legacy as a source and a problem in South-South Cooperation: The Case of Brazil. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 48—58.

About the author: *Pavlova Elena Borisovna* — PhD of Political Science, Senior Researcher at Johan Skytte Institute of Political Studies, University of Tartu, Estonia (e-mail: elena.pavlova@ut.ee).

© Павлова Е.Б., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-59-73

ASYMMETRY OF ECOWAS INTEGRATION PROCESS: CONTRIBUTION OF REGIONAL HEGEMON AND SMALL COUNTRY

Omo-Ogbebor O. Dennis, Hajj Ahmed Sanusi

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. This article deals with the role of Nigeria and Ghana in ECOWAS specific fields of integration since its creation in 1975. It showed the relevance of Nigeria as a regional leader and the importance of Ghana as a key factor in ECOWAS integration process, and their respective foreign policy stand towards West African integration process in the present century.

In order to evaluate and present the role of Nigeria and Ghana in ECOWAS integration process, the authors set out three main tasks to actualize it. The first task is to identify the main areas of ECOWAS integration process, namely: economic integration, security formation and political reformation using qualitative methodological analysis to achieve this task. The second task is the review of ECOWAS operational structure, which explained how Nigeria was able to exert its hegemony status in ECOWAS, and how Ghana is able to remain useful in ECOWAS despite the overwhelming influence of Nigeria. The third task is using historical analytical method to present facts and explain the various contributions by Nigeria and Ghana in ECOWAS economic liberation process, peacekeeping operations, and political interventions in ECOWAS member states which have brought relative peace and security to the region.

The authors draw conclusion based on the result of the research analysis that, in spite of ECOWAS compositions which include the Francophone countries in the region and its leadership structure, Nigeria and Ghana have led by example, by devoting much attention and commitment to the ECOWAS integration process through mediations, peacekeeping, political intervention and economic cooperation.

Key words: Nigeria, Ghana, integration, ECOWAS, ECOMOG, Africa, foreign policy, economic, peacekeeping, political reforms

Various sub-regional organizations in Africa and individual states have assumed increasing security, political reformation and economic liberation policies. Unlike the early days of independence, where ruling elites were less willing to hand over power to others and democracy was rarely identified, various states in recent decades have exercised democratic governance in various ways. Series of coups, ethnic, geographical, and religious conflicts ravaged significant sections of the continent. This posture painted a picture of a continent trapped in perpetual crisis. Political ideology of most West African leaders today is to integrate the region with ideals of Pan-Africanism and to sustain one territorial jurisdiction through the regional organization ECOWAS. S. Radelet contends that, "There surely has been much failure, conflict, and stagnation. Deep challenges continue. But the image of an entire continent mired in failure and hopelessness is increasingly out of date" [Radelet 2010]. The treaty of Lagos aimed at socio-economic and other developmental activities of the region, since the success of integration is essential for Africa. F. Herrera argues that, "economic integration is a response to political challenge, a political response that is also a political process" [Herrera 1963].

Although the initial purpose of ECOWAS was to promote economic integration for its members, the organization expanded its mission to deploy military forces into Li-

beria, Sierra Leone, and Guinea Bissau in 1990, 1997, and 1998, respectively, and then to Cote d'Ivoire and Liberia in 2003, and recent political interventions which is always precursor to conflicts in the region. These interventions opened up new avenues for the maintenance of international peace and security.

Nigeria as a hegemon in ECOWAS has played the role of regional stabilizer based on its leadership ability in enforcing ECOWAS programs and policies while Ghana remains a shining light in ECOWAS due to its steady democratic process which started from 1992 election, guided by a new Constitution (the 1992 Constitution), the 1996 peaceful election, the peaceful transition of powers from one party to another in 2001, 2009 and 2017 attest to improve aspect of regional integration process.

ECOWAS BETWEEN ANGLOPHONES AND FRANCOPHONES

The Economic Community of West African States has undergone various transformations to meet contemporary challenges since the signing of the treaty of establishment in 1975 by member states more than four decades ago in Lagos. The major changes in ECOWAS during this period of existence is the ECOWAS Revised Treaty signed in Cotonou in July 1993, while the Treaty of Cotonou is divided into 22 chapters and 93 articles, each chapter dealing with specific issues. ECOWAS Institutions are saddle with the responsibilities of running the organization and decision making, and it is loosely patterned after the European Union. The Institutions includes; the Authority of Heads of State and Government; the Executive Secretariat; the Council of Ministers, the Fund for Cooperation Compensation and Development; ECOWAS Parliament; an Economic and Social Council; the Court of Justice and the Specialized Technical Commissions. Each institution is tasked with certain duties and delegated a specified degree of power in order to effectively carried out it programs, policies and objectives to the length and breadth of the region¹.

Authority of Heads of State and Government is the supreme institution and the highest decision making body in ECOWAS and is composed of Heads of State and or Government of Member States. The Authority is responsible for the general direction and control of the Community and takes all measures to ensure its progressive development and the realization of its objectives. The office of the Chairman is held every year by a Member State elected by the Authority. The voting procedure is one member, one vote to give the smaller countries in the organization sense of belonging, and to respect their sovereign right as a nation thereby eliminating the fear of domination by bigger nations in the organization.

Despite this arrangement, there was still division along colonial ties among ECOWAS member states, leading to two major blocs within the organization which are the Anglophone bloc made of up English speaking countries colonized by Great Britain, and the Francophone bloc comprises of French speaking countries colonized by France. Nigeria has been able to douse the presumption of fear of domination always express by its West Africa neighbors concerning the “big brother” tag. Though, “Nigeria

¹ ECOWAS Revised Treaty 1993. URL: <http://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2015/01/Revised-treaty.pdf> (accessed: 13.03.2016).

overshadows every other country in the region in terms of population, gross domestic product, and natural resource endowment. An effort has been made to counterbalance this by placing ECOWAS member states on an equal footing in all things except in the area of financial contributions to the Community which is another big achievement for Nigeria, bearing the burden when it comes to carrying out political assignment in the region” [Nwoke 2005: 111]. And Nigeria handling of French political influence in the region without open confrontation which tend to provoke and sustain this fear of domination, as they strive to maintain their sphere of influence commendable, making the interests of the Community a top priority, that issues be carefully dealt with to dispel any remaining fears and promote greater commitment to the regional integration process.

Nigeria and Ghana are dependable allies even before the formation of ECOWAS. Right from the days of colonial struggle, both countries were colonized by Great Britain, and surrounded by their Francophone neighbors, have always being on the same side when it comes to major decision making in ECOWAS. Hence the threat posed by Francophone countries in ECOWAS is minimized as in the case of Liberian crisis and Sierra Leone. Although, ECOWAS member has equal voting power at the highest level of decision making but Nigeria has a way of using diplomatic maneuvering among smaller member states in ECOWAS to exercise its hegemonic status in the region because of its overwhelming contributions to the organization. This is why many view all regional organizations regardless of their purpose, be it economic well-being or monetary cooperation as political in nature. Not only do political objectives motivate the establishment of these organizations; political actions also bring them into being and it is politics that characterizes their functioning too. As entities, these organizations are marked by conflict among participant actors, over goals and over the distribution of costs and benefits just as is politics at the national level. As buttressed by J. Cochrane that; “It is not going too far then to say that regional organizations are in reality political systems” [Cochrane 1969: 7].

It is only in ECOWAS institution of Parliament, Nigeria has superior votes to other member states because of its population size but the ECOWAS Parliament plays an essentially consultative role which is not binding on the authority of heads of state and government: it provides advisory opinion on issues covering a wide range of areas that are of crucial importance for the integration process. These include respect for human rights, the interconnection of communication and telecommunication links, health, education, and revisions of basic community texts. The ECOWAS Parliament has 115 seats, which are distributed among the 15 ECOWAS Member States on the basis of their population. Nigeria, which has by far the largest population, has 35 seats; Togo, Liberia, Cape Verde, Guinea Conakry, Guinea Bissau, Republic of Benin, the Gambia, and Sierra Leone have 5 Parliamentarians each; Burkina Faso, Mali, Niger and Senegal have 6 Parliamentarians each; Cote d’Ivoire is entitled to 7 representatives; Ghana has 8.

ENSURING PEACEFUL AND STABLE WEST AFRICA

The basis for Nigeria and Ghana’s commitment and involvement in ECOWAS security formation through peacekeeping missions in member states is to ensure a peaceful and stabilize region derived from their foreign policy direction which over the years

helped defined their role in regional affairs. Nigeria's Afrocentric principles of its foreign policy which has evolved over the years to meet contemporary challenges confronting the region from the African Centre-piece perspective, which is cooperation with immediate neighbors, cooperation with other ECOWAS member states and Promotion of peace. This is why O. Adedeji stresses that, "the idea of an Africa as the center piece of Nigeria foreign policy is premised on the understanding that Nigeria's engagement in the international system will be looked at through the binoculars of Africa" [Adedeji 1975: 67]. While, Aja Wachuku, argues that: "Nigerian foreign policy has been characterized by a focus on Africa as a regional power and by attachment to several fundamental principles: African unity and independence; capability to exercise hegemonic influence in the region: peaceful settlement of disputes; non-alignment and non-interference in internal affairs of other nations; and regional economic cooperation and development" [Wachukwu 1961: 20].

Ghana on the other hand pays attention to treaty obligations and settlement of international disputes by peaceful means. Through ECOWAS for instance, Ghana has been able to engage in numerous peacekeeping missions, which earns it international respect as a partner for global stability and a moral leader in African affairs. Unlike bigger economy such as Nigeria, Ghana's involvement in international peacekeeping functions sometimes aim at raising funds for its military due to scarce resources. Aside the training assistance it gets from these organizations, law enforcement officers' lifestyles are enhanced and they attain a broader perspective on areas such as human rights, different peacekeeping methods, and the image of Ghana on the international front. Ghana devote much attention to this type of foreign policy and also consider it to be an internal issue, since regional conflicts could potentially move into its territory and affect internal security [Birikorang 2007].

The Constitution of Ghana is clear in its dealings with other nations. The Directive Principles of State Policy, state its commitment to the principles and objectives upon which ECOWAS policies are based. Policies such as participation in regional peacekeeping are considered important to national well-being and the security of the country. H. Howe, for instance, argued that, "States often lack adequate military and police forces to control many of these conflicts", and adds that, "Western nations, often hesitate to help police conflicts which do not threaten their own vital interests, and the West and the United Nations have argued that sub-regional organizations and individual states should assume increasing security responsibilities" [Howe 1996—1997]. Based on Nigeria and Ghana's foreign policies ideological stand, both countries are member of the African Union (AU), the Economic Community of West African States (ECOWAS), the Non-Aligned Movement, the Commonwealth of Nations, and the United Nations.

Nigeria and Ghana's activities in ECOWAS peacekeeping operations started in the 1990s when then President Ibrahim Babagida of Nigeria and his counterpart President Jerry Rawlings of Ghana pushed for the formation of Economic Community of West African States Monitoring Group (ECOMOG) in 1990 as a result of the prevailing security situation in the region which originated from the Liberia civil war. Although, many still argue that, it lacked the legal framework of establishment. Nigerian scholar Adekeye Adebajo wrote in 2002 that "there was merit in the argument that the establishment of

ECOMOG did not conform to the constitutional legal requirements of ECOWAS". Adebajo also contends that the arguments used to establish ECOMOG had more solid grounds in politics than in law. The Defense Protocol guidelines were not followed and ECOMOG was justified largely on humanitarian grounds.

While others argue that peace and security challenges in West Africa are primarily about responding to the various violent conflicts or the threat of violent conflicts, as well as building a sustainable peace with human security for all. Even, in the second half of the 20th Century, the African Continent has suffered enormously from violent conflicts within and between states than any part of the world [African Development Report 2008/2009...]. Again, Nigeria and Ghana recognized the fact that their respective internal security network is tied to regional security, this prompts the view that an injury to one is an injury to all. They also acknowledged the concept of peacekeeping which entails certain principles in undertaking any peacekeeping operation in ECOWAS member states. According to James, "the consent of the parties to the conflict; the use of force only in self-defense and more importantly, claims to impartiality. It is well documented that these principles which constitute the basic elements of classical peacekeeping have become problematic in many intra-state conflict situations" [James 1990].

ECOMOG PEACEKEEPING OPERATIONS

The ECOWAS nations assigned a non-aggression protocol in 1990 along with the earlier Protocol agreement on Mutual Defense Assistance signed in Freetown, Sierra Leone in May 1981, which provided for the establishment of an Allied Armed Force of the Community, ECOMOG². ECOMOG, is the military arm of ECOWAS empowered to carry out Peacekeeping Operations among member states when call upon, the Peace Monitoring Group is backed by Article 58 of the Economic Community of West African States (ECOWAS) Charter. However, Article 58 of the revised treaty, which provides for regional security, contains the undertaking of member states to work to safeguard and consolidate relations, conducive to the maintenance of peace, stability and security within the region. The methodology of ECOMOG peacekeeping operations is within ECOWAS treaty in which member states reaffirm their commitment to the principles contained in the Charters of the United Nations Organization (UNO) and the Organization of African Unity (OAU) and to the Universal Declaration of Human Rights, as well as to the African Charter on Human and People's Rights³. This methodology could be classified into three, namely, intervention, peacekeeping and peace enforcement. These methods have been applied at various stages of conflicts in West Africa.

Many commentators argue that, the year 1990—2000 constituted a moment of truth for the hitherto little known sub regional organization, the Economic Community of West African States (ECOWAS). From being an economic community at its inception

² ECOWAS Convention on Small Arms and Light Weapons, their Ammunition and other Related Materials. ECOWAS Executive Secretariat. Abuja, 14 June, 2006, P. 5.

³ Protocol relating to the Mechanism for Conflict Prevention, Management, Resolution, Peacekeeping and Security. ECOWAS, 2007, P. 2.

in 1975, ECOWAS literally reinvented its will in August 1990 to become, not only a collective security organization, but also a pacesetter in the development of regional collective security systems ingrained in the Chapter VIII of the United Nations Charter. In 1993, ECOWAS became the first regional alliance to undertake a joint 'peacekeeping' operation with the UN in the entire history of collective security. It matched this record in 1997 when it forcefully restored a democratically elected government in Sierra Leone, becoming the first regional organization to reinstate an overthrown government in Africa. James A. points that, "a peacekeeping body is a traditional-looking military force, composed of a number of battalions and the authority of a commander. The battalions will have been detached from or supplied by various national armies and the commander is appointed by, and it's responsible to the international authority which has arranged the operation" [James 1990].

It could be said that the alliance closed a decade of momentous events in its evolutionary history in December 1999 when it adopted a new protocol, which not only codified the controversial rights of humanitarian intervention and the use of force to restore democratic governments, but also empowered it to undertake enforcement action without the authorization of the Security Council. Former President Abubakar Abdulsalami of Nigeria argued that, "in the face of total neglect and ambivalence on the part of the international community, and faced with devastating humanitarian catastrophe, ECOWAS was compelled to intervene in Liberia" [Abubakar 2001:19]. Obviously, Nigeria is the backbone of ECOWAS security formation but not without the moral and logistical support of Ghana in reference to ECOMOG peace keeping and peace enforcement operations in Liberia (1990—1997), Sierra Leone (1996—1999), and Guinea Bissau (1998—1999) and the tremendous contribution of Nigeria and Ghana toward these peacekeeping operations is well documented. Obviously, Nigeria and Ghana's commitment and support base in promoting ECOWAS policies toward maintenance of peace in the region cannot be faulted.

Nigeria bears the larger cost of implementation of peacekeeping operations in West Africa and others peace related assignments. Aside, its armed forces, the largest and most equipped in the region, created a contingent of rapid deployment forces intended for operations in conflict zones. This was even adjudged by the United Nations in terms of military capability, which ranks the country as the fifth largest contributor to UN peacekeeping missions⁴. Stephen Ryan noted that, "When ethnic groups are engaged in violent conflicts, peacekeeping are often the most urgent and necessary of all peace strategies since it is the only one which deals directly with the warriors on all sides who are engaged in mutual destruction. Until this violent behavior is stopped, any attempt at resolution will be an exercise in futility. Peacekeeping is therefore seen as a temporary relief, in fact, a palliative, and not a cure" [Ryan 1995: 106] While Kehinde argues, "the role of regional organizations and their influence contributed to the decline of the Cold War, and ECOWAS duly took advantage of these changes in international politics" [Kehinde 2011].

⁴ Economic Commission for Africa. UN. *Fragile States and Development in West Africa*, February, 2012.

The highpoint of Nigeria and Ghana's activities in ECOWAS peacekeeping operations was when it's spearheaded ECOMOG peacekeeping operations under the mandate of ECOMOG Cease-Fire Peace Monitoring Forces to intervene in Liberia (1990—1998). Although, many see Ghana's participation in the operation was initially been motivated by national interest, it later led to stabilizing peace and security in Liberia. However, some accounts suggest that, Ghana initially encouraged the idea of intervention, with a plan to rescue Ghanaians trapped at the embassy in Monrovia. It is therefore true to state that, Jerry Rawlings' decision to intervene in Liberia was mainly to rescue Ghanaians whose lives were under serious threat, than on peacemaking concerns. Rawlings also thought the importance to include the regional leader (Nigeria) to generate international approval.

Nigeria contributed the bulk of troop and finance to the operation in Liberia while Ghana contributed little in term of military personnel and finance but played a vital role by opening its border for fleeing refugees and establishing humanitarian settlement in its territory. ECOMOG's operation in Liberia succeeded in containing the conflict, at least for a short period, preventing the situation from degenerating into genocidal proportions like the type of all-out slaughter witnessed between April and July 1994 in Rwanda. The presence of a force of any nature in Rwanda would have at least prevented the all-out slaughter, even if in the long run it did not succeed in resolving the conflict. While in Liberia, ECOMOG were involved in various types of missions; peace-keeping, peace enforcement, mediation, disarming of rebel groups, and the protection of humanitarian aids. ECOMOG peacekeeping operation ended in February 1998 but contingents of 5000 troops comprises of mostly Nigerians remained behind in capacity building roles. The conflict in Sierra Leone saw ECOMOG troops with contingents from Ghana, Guinea, Mali and Nigeria restored constitutional legality and reinstated the government of the democratically elected president⁵. The operations at its peak had 13 000 troops in the country which conducted both peacekeeping and peace enforcement operations. All the warring factions and the government later signed a peace agreement in Lome in September 1999 ending the Sierra Leonean crises. In 2000, the United Nations Peace keeping force UNAMSIL replaced ECOMOG.

Nigeria and Ghana strategic partnership in ECOWAS and ECOMOG in Liberia, Sierra Leone and other crises in the region is not without political bickering between the French and English speaking countries in the region, each bloc trying to protect their interests, due to the weak ECOWAS then existing protocols which were not totally favorable to intervene in security affairs of member states. Besides, Nigeria takes the larger burden of financing, training and equipping the ECOWAS military missions. Though, the intervention in the reference cases helped to stem the escalation of the conflicts but didn't totally solve the long run implications of post conflicts scenario. In view of the above peacekeeping operations none of the three interventions can be seen as a pure success but can be given a pass mark for allowing sequences peace negotiations to strive.

⁵ Lessons Learned From United Nations Peacekeeping Experiences In Sierra Leone. Peacekeeping Best Practices Unit Department Of Peacekeeping Operations. UN. September, 2003, P. 7.

PERSPECTIVES OF ECONOMIC INTEGRATION

Nigeria-Ghana carries out their actions within the legal framework of the ECOWAS Revised Treaty. For instance, Article 59: which state “Citizens of the community shall have the right of entry, residence and establishment and member states undertake to recognize these rights of Community citizens in their territories in accordance with the provisions of the Protocols relating thereto”⁶, and the United Nations General Assembly Resolution No. 60/277 on International Migration⁷. These countries position and common understanding is that, free movement within the region has contributed to the reduction in the migratory pressures even beyond ECOWAS borders and that, mobility within the ECOWAS zone is also a vital component of regional integration, which is itself a prerequisite for the West African economy’s successful integration into the globalization process. “It should be taken under consideration that countries are always located in a particular geographical region, and they are forced to have relations with their neighbors which varies” [Pejic 2016: 494]. While such initiatives aim at the welfare of citizens of the ECOWAS, people in smaller countries such as Ghana consider this to be a threat to its local businesses.

The same constitution of Ghana which adheres to ECOWAS protocols has another act [Ghana Investment Promotion Centre (GIPC) act 2013 (Act 865)] that protects local businesses⁸. The act, among other things, bars foreigners from engaging in petty trading and retailing, especially in areas designated as markets. Since the adoption of this act, government of Ghana has closed down several foreign businesses in the country. A development that triggered Nigerian Traders to drag Ghana to the ECOWAS Court in 2016, since the protocol on free movement of goods and people allows them to trade in any member country without hindrance. This questions Ghana’s commitment to ECOWAS treaties when national interests are at stake. It again raises concern on whether the protocols itself have equally sensitized and mobilized support for the ECOWAS citizens, or they are only marginalized to the advantages of bigger countries such as Nigeria. Others also believed that, the perceived “advantages” informs Nigeria’s commitment to the ECOWAS. The notion that, member states commitments are largely influenced by national interest is not farfetched proposition. Although part of Ghana’s constitution pays attention to treaty obligations and “adhere to the principles enshrined in the ECOWAS Treaty”. The above mentioned notwithstanding, reveals how a smaller country such as Ghana has used the organization to serve its national interest.

The core objective of ECOWAS is to integrate West African countries into an economic bloc with a single market organized around an economic and monetary union but this objective is far from reality. This concern was borne out of the realization that

⁶ Ecowas Common Approach On Migration. 33rd Ordinary Session of the Head of State and Government Ouagadougou, 18 January 2008. URL: <http://www.unhcr.org/49e47c8f11.pdf> (accessed: 13.05.2016).

⁷ The United Nations General Assembly Resolution No. 60/277 on International Migration and Development of 7 April 2006.

⁸ The Ghana Investment Promotion Centre (GIPC) is a Government Agency established under the GIPC Act 2013 (Act 865) to create an enhanced, transparent and responsive environment for investment by promoting, coordinating and facilitating investment in the Ghanaian economy.

the domestic markets of the member States taken individually as a result of their smallness, far from being competitive in a world environment marked by the existence of larger trade blocs. In the height of global economic meltdown of early 2000's experts still believe West Africa via Africa needs economic integration as way out of economic crisis. The views by experts on West Africa economic the smaller countries in ECOWAS disagreed with, ECOWAS economic intention is beyond individual member's market rather global competition. Although the economic potential of ECOWAS member states is positive, Nigeria, one of the ECOWAS member states has the biggest economy in Africa with her population of over 180 mln people couple with abundance natural resources can provide a market base for other countries in the region.

As a regional leader, Nigeria is conscious of its own market potential to expand independently, rather persuade ECOWAS to implement actions such as: the suppression of custom duties and equivalent taxes; the establishment of a common external tariff; the harmonization of economic and financial policies; and the creation of a monetary zone, with the notion that it will promote economic progression in the region and beyond. This approach of Nigeria, Agyei et al, believed necessitated the need for economic integration which includes free flow of persons, goods and services, and the right of residence and establishment of businesses" [Agyei, Clottey 2007]. This gesture from Nigeria is with a strong resistance from ECOWAS member states; therefore the conclusion of some economists is that trade blocs have proved easier to form than common markets or full economic unions among sovereign nations because it is less bureaucratic and cumbersome. The same reasons responsible for the delay in ECOWAS full pledge on economic union. According to Kuffour, "inadequacy of the legal framework, failure to meet objectives of the community such as the Trade Liberalization Scheme (TLS), non-ratification of community protocols and a general sense of distrust towards the intentions of the regional hegemon, Nigeria" [Kuffour 2006: 127].

Considering the noble objectives of ECOWAS, economic union requires some degree of harmonization of national economic policies since it would be counterproductive to operate divergent policies, because all countries would share the same economic space. Total economic integration presupposes the unification of monetary, fiscal, social and countercyclical policies and requires the setting up of a supranational authority, the decisions of which are binding on member countries. The various economic policies initiated by ECOWAS require strong political will power to function, and the support of member countries in the region to comply rather than coercion. One of the major contributions of Nigeria and Ghana toward economic reform in the West African region was the introduction of ECOWAS Trade Liberalization Scheme in 1990. The protocol agreement signed by Nigeria and Ghana with five other ECOWAS states (Benin, Cote d'Ivoire, Mali, Burkina Faso and Niger) with the aim to establish a Free Trade Zone, the policy scheme is important to regional integration.

ECOWAS POLITICAL REFORM

The campaign and quest for political reform among ECOWAS member states through its protocol framework on sustainable democracy and good governance in the West African region is considered a priority agenda of ECOWAS, in order to safeguard the political stability in the region which is a precursor to peace and security, and also

to give the region a positive image in the eyes of the international community. The adoption of ECOWAS revised treaty has put forward a lot of reforms currently sweeping the region in favor of political pluralism which will help to narrow political and ideological differences among member states. This tendency was reinforced by the Community's adoption in 1991 of the Abuja Declaration of Political Principles, which enshrines a minimum set of democratic principles as guidance to member states in their quest for a well-established democratic society. This is a modest beginning of political cooperation, but constitutes a vital step nonetheless. The revised Treaty also envisages the establishment of a West African parliament to promote grassroots involvement and popular participation in regional integration and cooperation.

This is also the core objective of Nigeria's foreign policy approach in the West African region because of the widely held opinion by international political commentators on African affairs that, political instability is one of the bane hindering the growth and developmental process in the continent, which has also slowed down the regional integration process. The frequent change of government through unconstitutional means attested to this widely held view by international community. According to Nwauwa, "it became the most prevalent political phenomenon between 1960 and 1970 and slightly beyond which was generally called the "decade of coups" in Africa" [Nwauwa 2009].

The political impasse in the region circles around the Francophone states in particular, and other states in the sub-region in general viewed Nigeria with suspicion. The sharp ideological differences between the Anglophone countries and their Francophone counterparts created a rift in the regional integration process with no recognized official leader in the region. The development prompts Danjuma, to states that "the unacceptable of Nigeria leadership role in the region provides them alternative form of security arrangement for their self-pride and protection"⁹. The adventurism of military into politics in West Africa citing several reasons, such as; political squabbling, whereby the civilian leaders have been unable to resolve their differences in the interest of the nation, has led to series of military coups, internal political problems within the ruling elite have had the outward effect of leading the masses into disappointment, disillusion and loss of faith in the government. Nigeria is a frontline state in the promotion of democracy and good governance within ECOWAS.

The relatively political stability experienced among ECOWAS member states is largely traced to Nigeria's leadership capability and Ghana consistence in its political system which is serving as a reference case to other ECOWAS member states. The various ECOWAS Protocol mechanisms in resolving political crisis in the region has proved effective although not totally agreed to by opposing views. Nigeria and Ghana identify the fact that, there is no meaningful economic growth in atmosphere of political instability, and they also agreed that the key to realistic sub-regional peace and political stability was the establishment of strong democratic institutions in the region according to the constitution, and the will of the people of ECOWAS member states to sustain enduring democratic culture in the West African region. Based on the above factor,

⁹ Danjuma, T.Y. (2012). Nigeria's Security Role in West Africa. <http://www.onlinenigeri.com/finance/?blurb=44accessedon06/01/2012> (accessed: 13.06.2016).

Danjuma, Y. argues that, “when Nigeria carries out political and military gestures to individual states or groups of states in West Africa, it is also addressing the problems of the sub-region”¹⁰.

The solidarity ECOWAS is receiving from Nigeria and Ghana is to ensure total compliance by member states with ECOWAS political reform which aims at restructuring the old existing political structure that has caused the region political instability for decades and reposition it into modern political space. For instance, the recent elections conducted in various countries in ECOWAS attest to the political reformation going on in the West African region which have gradually helped to remove the primary obstacles to integration. The abolition of military rule and unconstitutional change of government, and insistence on multi-party and enduring democracy in most ECOWAS countries, particularly Nigeria which is the dominant country in West Africa. This has helped to stabilize the political arena which is prelude to total integration. The anticipation of political instability in the region resulting from internal rivalry among stakeholders prompted the enforcement of ECOWAS 2001 Protocol on good governance and unconstitutional change of government initiated by Nigeria which has the full backing of Ghana.

The protocol agreement makes provision for sanctions to be imposed where domestic or regional norms of constitutional provisions are breached, at least in cases of unconstitutional change of government. The key protocol provisions are contained in Articles 2 and 45. According to Article 2 (1), “no substantial modification shall be made to the electoral laws in the last six (6) months before the elections, except with the consent of a majority of political actors”¹¹ (ECOWAS, 2001). Where it appears that this norm may be breached, ECOWAS could resort to the good offices of the Mediation and Security Council and the Panel of the Wise (Council of the Elders) to engage political actors and remind them of their legal commitment to regional norms. The ultimate aim is to return democracy to the country in question, upon recommendation of the Mediation and Security Council; sanctions may be imposed by the Authority of Heads of State and Government.

The uninterrupted democratic system in Nigeria since 1999 and that of Ghana since 1992 reawakened the call for sustainable political reformation and stability agreed on by ECOWAS leaders. In reaffirmation of its commitment to this course, Nigeria and Ghana together with other ECOWAS Heads of State and Government came up with a resolution “ECOWAS Vision 2020”. It envisions that by 2020, ECOWAS will be “A boarder less, peaceful, prosperous and cohesive ECOWAS sub-region built on good governance where all the people have the capacity to access and harness the region’s abundant resources through the creation of equal opportunities for sustainable development and environmental preservation”¹².

¹⁰ Danjuma, T.Y. (2012). Nigeria’s Security Role in West Africa. <http://www.onlinenigeri.com/finance/?blurb=44> accessed on 06/01/2012 (accessed: 13.06.2016).

¹¹ 2001 protocol on governance and unconstitutional change of government. ECOWAS. Abuja, Nigeria.

¹² Hart, K. (2013). West African political economy: a regional history. The Memory Bank URL: <http://thememorybank.co.uk/2013/07/31/west-african-political-economy-a-regional-history> (accessed: 13.06.2016).

The activities of Nigeria and Ghana in West African regional political integration process through the mechanism of ECOWAS has brought positive changes to the region quest to ensure the establishment of democratic culture in ECOWAS member states. Their exemplary political transformation in their respective countries through ECOWAS protocol has intervened in countries where there were military coup d'états and political crises to restore legitimate governments. Starting with Liberia in 2003, as part of the solution to find amicable settlement to the repeated Liberia political crisis after prolong political dispute, the Nigerian government offered President Charles Taylors's asylum before the arrival of the UN troops in Monrovia in August 2003 which paved way for presidential election. Before this offer, Nigeria, Ghana and Guinea had already deployed their troops in the country, in the buildup to the formation of the Interim Government in Liberia, between September 2003 and January 2004.

Again, the mission of Nigeria in Sierra Leone through ECOWAS legal framework was defined, to restore democracy to the country after the unconstitutional change of government by the military in 1998. Nigerian troops through the mandate of ECOWAS were instrumental in the reinstatement of the democratically elected government of Ahmed Tejjan Kabbah in Sierra Leone after the military coup d'état led by Major John Koroma in 1998. Many political analysts see the development as an offshoot of Liberia crisis. George contends that, "the Sierra Leone Conflict was an overflow of the Liberian Civil War". President Ahmed Tejjan Kabbah, invited ECOWAS to help restore him to power after the military overthrew his government. The urgent request was taken by Nigeria, bearing in mind the country just came out of civil war and the region could not afford to witness another outbreak of civil war because of its devastating effects.

After this noble act, Nigeria proposed the motion on the ECOWAS Protocol on 'Unconstitutional Change of Government' which was adopted in 2000 and eventually led to the resolution by ECOWAS to reject any unconstitutional change of government, which became a key part of the Protocol on Good Governance and more elaborately developed in the ECPF of 2008. Nigeria in 2001, showed its commitment to the peace accord signed in Lome, by donating one million dollars and a contingent of police officers to help restore order in Sierra Leone, while additional five hundred thousand dollars was donated in support of the January/May 2002 general elections. The role played by Nigeria helped to stabilize the volatile political situation in Sierra Leone which by extension West African region. The resources Nigeria channeled into West Africa project cannot be quantified, this made Bamali N. to state that, "Nigeria has borne the greatest burden in terms of peacekeeping in West Africa. By 1999, it was estimated that Nigeria had committed 13 billion US dollars to peacekeeping operations in West Africa" [Bamali 2007].

Other subsequent political interventions by ECOWAS in which Nigeria and Ghana played prominent role are: Cote d'Ivoire: fallout from presidential election (2010), Mali: Military coup (2012), Guinea: Military coup (2007), Guinea Bissau: Military coup (1998), Niger: Constitutional crisis (2009), Togo: Constitutional crisis (2004), Burkina Faso: Constitutional crisis (2014). The climax of Nigeria and Ghana's role in ECOWAS political intervention is the amicable settlement of the recent Gambia's political crisis without military confrontation. The crisis started in December 2016 as a result of dis-

puted presidential election result which was not accepted by the incumbent president Yaya Jammah though he initially consent defeat to his rival Adama Barrow but later made a volte face thereby attracting the intervention of ECOWAS through its protocol on sustainable democracy and good government. ECOWAS Summit held on December 17, 2016 in Abuja took the decision to designate President Muhammadu Buhari as the Mediator for The Gambia with John Mahama, the former President of Ghana as Co-Mediator. The Summit also gave the terms of reference to include, “ensuring the safety of the President-Elect, Adama Barrow, the political leaders and the entire population; upholding the result of the Presidential election held on December 1, 2016 and ensuring that the President-elect is sworn into office on January 19, 2017, in conformity with the constitution of the country”¹³. The prompt action of ECOWAS mediate committee led to the swearing of the winner of the disputed presidential election Adama Barrow after so much resistant from the incumbent president.

The main reason ECOWAS is strict in enforcing its protocol of sustainable democracy and good governance among member states, is to ends tyranny, dictatorship, autocratic and military regimes which had hindered the progress of the region. Hence, ECOWAS insists the will and the constitution of member states must be allowed to prevail by political stakeholders, therefore good governance is necessary not the yardstick for ECOWAS intervention in the political crisis of member states, but rather to ensure the preservation of the will of the people and the constitution of member states. Based on this fact, the intervention of ECOWAS in the Gambia and other ECOWAS member states is justified because there is no parameter to measure good governance in ECOWAS treaty and there is no standard gauge to evaluate democracy except the constitutional provisions of each member states.

One identical feature which plays an important role in both Nigeria and Ghana’s foreign policy is maintaining good relations and co-operations with any country that may be interested in that co-operations and ideologies within the West Africa context and beyond. Nigeria uses its capability to exercise hegemonic influence in the region, through peaceful settlement of disputes by contributing larger resource within the ECOWAS bloc. These kinds of involvements provide an opportunity for a country like Ghana to use its scarce resources for other internal development. While Nigeria sees it as an opportunity to test its military might which helps to maintain its hegemonic influence in the region. Ghana on the other hand, uses international organizations such as ECOWAS to get its voice heard on the international stage. In spite of the ideological position and leadership style, the two countries devote much attention to this type of foreign policy and also consider it to be an internal issue, since regional conflicts could potentially move into its territory and affect internal security. One is therefore challenged to see how democratic credentials of the two countries, efforts and concrete events cohere and advance the author’s argument as well as lend assertions and evidence to the fact that, Ghana and Nigeria indeed, is indeed a committed member and key factor in the ECOWAS integration process.

¹³ ECOWAS Mandate, December 31, 2016, Press Release. Nigeria.

REFERENCES

- Abubakar, Abdulsalami A. (2001). *Regional Integration and Conflict Management: ECOWAS and the Challenges of the Twenty-first Century*. Annual Distinguished Lecture. Institute of Governance and Social Research.
- Adedeji, O. (1975). *Nigeria Foreign Policy Formation Stage*. Ibadan: University Press.
- Adekeye, Adebajo. (2002). *Liberia's Civil War: Nigeria, ECOMOG and Regional Security in West Africa*. Lynne Rienner / International Peace Academy.
- Ageyi, J., & Clottey, E. (2007). *Operationalizing ECOWAS Protocol on Free Movement of People among the Member States: Issues of Convergence, Divergence and Prospects for Sub-Regional Integration*. URL: <https://www.imi.ox.ac.uk/events/ghana-african-migrations-workshop/papers/clottey.pdf> (accessed: 13.05.2016).
- African Development Report 2008 / 2009*. African Development Bank. Oxford: Oxford University Press. URL: <https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/African%20Development%20Report%202008-2009.pdf> (accesses: 13.05.2016).
- Bamali, Nuhu. (2007). *Redefining Nigeria's interest and Commitments in Peace Support Operations*. In: Akinterinwa Bola, editor, *Nigeria's National Interests in a Globalising World: Further Reflections on Constructive and Beneficial Concentricism (Volume Three: Nigeria's National Interests Beyond Nigeria)*. Ibadan: Bolytag International Publishers. p. 68—109.
- Birikorang, E. (2007). *Ghana's Regional Security Policy: Cost, benefits and consistency*. Kofi Annan International Peacekeeping and Training Centre (KAIPTC). Accra, Paper N 20. 2.
- Cochrane, J. (1969). *The Politics of Regional Integration: The Central American Case*. Tulane University: Tulane Studies in Political Science.
- Herrera, F. (1963). *Economic Integration and Political Re-integration*. In: *Latin America: Evolution or Explosion*. New York: Doad Meed and Co. P. 94—95.
- Howe, H. (1996—1997). Lessons of Liberia and Regional Peacekeeping. *International Security*, 21 (3), 145—179.
- James, A. (1990). *Peace Keeping in International Politics*. London: Macmillan.
- Kehinde, A. Bolaji. (2011). Adapting traditional principles: The ECOWAS Conflict Prevention Framework. *African Conflict & Peacebuilding Review*, 1 (2), 183—204.
- Kuffour, K. O. (2006). *The Institutional Transformation of the Economic Community of West African States*. Accra: Ashgate Publishing.
- Nwauwa, A. (2009). *Concepts of Democracy and Democratization in Africa Revisited*. In: Charles Nieman, editor, *Democracy and Globalization*. Kent State University Press.
- Nwoke, C. N. (2005). *Nigeria and ECOWAS*. In: Ogwu U. J., editor. *New Horizons for Nigeria in World Affairs*. Lagos: NIIA. p. 111—156.
- Pejic, I. (2016). Western Balkans in the light of regional security complex theory. *Vestnik RUDN. International relations*, 16 (3), 494—504.
- Radelet, S. (2010). Success stories from “Emerging Africa”. *Journal of Democracy*, 21 (4), 87—101.
- Ryan, S. (1995). *Ethnic Conflict and International Relations*. Hants: Dartmouth.
- Wachukwu, A. (1961). *Establishing Nigeria's Foreign Policy Identity*. Federal Ministry of Foreign Affairs. Lagos.

Received: 13.02.2016

For citations: Omo-Ogbebor, Dennis O., Sanusi, Ahmed H. (2017). Asymmetry of ECOWAS integration process: contribution of regional hegemon and small country. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 59—73.

About the authors:

Omo-Ogbebor Dennis O. — postgraduate student of the Department of the Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: samsuyi2002@yahoo.co.uk).

Sanusi Ahmed H. — postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: hajjsanusi@yahoo.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-59-73

АСИММЕТРИЯ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ ЭКОВАС: ВКЛАД РЕГИОНАЛЬНОГО ГЕГЕМОНА И МАЛОЙ СТРАНЫ

Деннис О. Омо-Огбебор, Ахмед Х. Сануси

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В статье анализируется роль Нигерии и Ганы в интеграционных процессах в рамках ЭКОВАС с момента создания организации в 1975 г. Данное исследование демонстрирует основные параметры участия Нигерии как регионального лидера и ключевую роль Ганы в процессе интеграции ЭКОВАС в контексте внешней политики этих стран в XXI в.

Для оценки роли Нигерии и Ганы в процессе региональной интеграции авторы должны были решить три основные задачи. Первая — определение ключевых направлений интеграционного процесса в рамках ЭКОВАС (экономическая интеграция, региональная безопасность и политические реформы) с помощью качественного методологического анализа. Вторая — анализ организационной структуры ЭКОВАС. Решение этой задачи позволяет выявить особый статус Нигерии в ЭКОВАС и степень влияния малой страны (на примере Ганы). И третья задача заключается в оценке деятельности Нигерии и Ганы в рамках ЭКОВАС в области экономической либерализации, операций по поддержанию мира, а также политических реформ в контексте внешней политики данных стран в регионе Западной Африки.

В заключение авторы приходят к выводу, что, несмотря на асимметрию структуры ЭКОВАС, которая также включает в себя и франкоязычные страны региона, Нигерия и Гана вносят важный вклад в деятельность организации, поскольку уделяют особое внимание интеграционным инициативам ЭКОВАС посредством медиации, поддержания мира, политических реформ и экономического сотрудничества.

Ключевые слова: Нигерия, Гана, интеграции, ЭКОВАС, ЭКОМОГ, Африка, внешняя политика, экономическое сотрудничество, поддержание мира, политические реформы

Дата поступления статьи: 13.02.2016

Для цитирования: *Omo-Ogbebor Dennis O., Sanusi Ahmed H.* Asymmetry of ECOWAS integration process: contribution of regional hegemon and small country // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 59—73.

Сведения об авторах:

Омо-Огбебор Деннис О. — аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: samsuyi2002@yahoo.co.uk).

Сануси Ахмед Х. — аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: hajjsanusi@yahoo.com)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-74-85

ДИСБАЛАНСЫ В РАЗВИТИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВАЛЮТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

К. Салинг

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

После мирового финансового и долгового кризисов (2008—2009 гг.) разрыв между центром и периферией усилил проблемы еврозоны. В статье анализируется развитие внешних и внутренних диспропорций зоны евро. По итогам проведенного анализа выявлено, что данная проблема остается нерешенной. Высокие уровни безработицы и государственной задолженности в периферийных странах Европы отражают внутренние дисбалансы. Во многих североевропейских странах отмечается тенденция к увеличению задолженности. Существенные диспропорции текущего платежного баланса между странами свидетельствуют о наличии внешних дисбалансов. Большие профициты текущего счета платежного баланса Германии и Нидерландов при одновременном дефиците Греции препятствуют дальнейшему углублению европейской интеграции. Проведенный анализ показал уменьшение внешних дисбалансов за счет улучшения платежного баланса периферии.

Решение проблемы потребует большей координации макроэкономических политик между национальными органами и европейскими институтами. Подчеркивается ограниченность европейских институтов в проведении общей экономической политики. Автор акцентирует внимание на необходимости повышения конкурентоспособности с помощью структурных реформ, так как политика фискальной дисциплины не будет достаточной для достижения внутреннего равновесия. Также необходимо внедрение европейских инвестиционных проектов для обеспечения устойчивого экономического роста. Автор приходит к выводу, что усиление экономического роста нужно использовать для сокращения уровней государственного долга. При отсутствии возможности регулирования валютного курса внутри зоны евро необходима дальнейшая конвергенция текущих счетов платежного баланса.

Ключевые слова: зона евро, европейская интеграция, центр и периферия, конкурентоспособность, государственная задолженность, текущий платежный баланс

Развитие финансово-экономического кризиса в 2007—2009 гг. породило существенные сомнения относительно дальнейшего развития интеграционных процессов в Европе. Позже данный кризис переходил в кризис суверенных долгов, острая фаза которого наблюдалась на протяжении 2010—2012 гг. в странах зоны евро. Развитие масштабного кризиса привело к резкому ухудшению макроэкономических показателей в южноевропейских странах и к нарастанию внешних и внутренних дисбалансов между государствами зоны евро.

Исторически дисбалансы в зоне евро сложились уже при введении единой валюты на фоне неполного выполнения критериев конвергенции, а также упущения принятия действенных мер для консолидации бюджетно-налоговой политики стран — участниц еврозоны [Хмельницкий 2013: 135]. Весьма неоднозначным и неочевидным при этом является вопрос о причинах усиления дисбалансов стран. Некоторые исследователи акцентируют внимание на национальной конкурентоспособности стран [Sinn 2014a; Blundell-Wignall 2011]. После введения евро в юноевропейских странах имелись проблемы из-за ухудшения конкурентоспособности

сти. Такое явление связывали с более высокой инфляцией и более сильным ростом заработных плат, который отставал от увеличения производительности труда [Thimann 2015: 145—146]. Снижение конкурентоспособности не способствовало увеличению экспорта, а доступность кредитов и прямых иностранных инвестиций привели к увеличению импорта в южноевропейских странах [Серегина, Ларионова 2012: 70—71].

Другие исследователи в качестве основной причины возникновения неравномерного экономического развития и дисбалансов текущего платежного баланса стран зоны евро выделяют значимость изменения процентных ставок и экономического роста, а также внутреннего спроса. Введение единой европейской валюты было сопряжено с конвергенцией процентных ставок участвующих стран, что означало для Южной Европы снижение ставок и стимулировало наращивание частной и государственной задолженности. Доступность кредитов привела к увеличению внутреннего спроса.

Оптимистические ожидания относительно дальнейшего развития в периферийных странах способствовали росту потребления и буму как кредитования, так и сделок с недвижимостью (последнее в первую очередь в Испании и в Ирландии) на фоне весьма благоприятных кредитных условий¹. При этом уровень сбережений в периферии заметно отставал от показателей центра после введения евро [Sanchez, Varoudakis 2014]. Приверженцы данного подхода к вопросу дивергенции считают, что большой вклад в дисбалансы текущего платежного баланса внесли колебания экономического роста и процентных ставок [Там же]. Все названное отразилось на макроэкономических показателях стран — участниц валютной зоны.

На фоне вышесказанного научную значимость приобретает вопрос о тенденциях развития дисбалансов зоны евро. Целью данной статьи является выявление направления развития стран зоны евро (усиление дивергенции или конвергенции), а также разработка рекомендаций по проведению экономической политики для снижения дисбалансов между странами. В данной статье проводится сравнительный анализ показателей внутреннего и внешнего дисбалансов на примере некоторых стран для предкризисного, кризисного и посткризисного времени.

РАСХОЖДЕНИЕ ТРАЕКТОРИЙ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК СТРАН ЗОНЫ ЕВРО

Явные дисбалансы развития национальных экономик зоны евро наблюдаются в различных уровнях таких показателей, как ВВП и ВВП на душу населения. По данным на 2015 г. наибольшими показателями ВВП (в постоянных ценах) отличаются Германия (2774 млрд евро), Франция (2084 млрд евро), Италия (1547 млрд евро) и Испания (1072 млрд евро), а наименьшими — Мальта (7,9 млрд евро), Кипр (15,2 млрд евро) и Эстония (17,6 млрд евро)². По размеру

¹ International Monetary Fund (2012): Euro area imbalances. Annex to umbrella report for G-20 mutual assessment process. URL: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/map2012/annex2.pdf> (accessed 14.05.2016). P. 4.

² International Monetary Fund: World Economic Outlook Database. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/weoselgr.aspx> (accessed 14.05.2016).

ВВП на душу населения в 2014 г. лидировали Люксембург (79 403 евро), Ирландия (40 953 евро) и Нидерланды (37 862 евро)³.

Исходя из названных выше показателей, а также из уровня безработицы, размеров дефицитов/профицитов государственных бюджетов, государственного долга, состояния счета текущих операций платежного баланса во время последнего кризиса и посткризисного времени можно сделать выводы об отнесении стран к центру или периферии. На основании таких показателей можно ФРГ, Францию, Австрию, Финляндию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург отнести к центру, а южноевропейские страны (Грецию, Португалию, Испанию, Италию, Кипр) и Ирландию — к периферийным.

Применительно к зоне евро деление государств на северные и южные будет в некоторой степени условным. Это связано, с одной стороны, с тем, что по классификации Международного валютного фонда (МВФ) все страны валютной зоны причислены к экономически развитым⁴. С другой стороны, некоторые южноевропейские страны отличаются весьма хорошими показателями. Например, Италия и Испания занимают третье и четвертое места по абсолютному размеру ВВП в зоне евро. Страны Восточной Европы, которые позже ввели евро, нельзя однозначно отнести к одной из этих двух категорий. Эти страны составляют промежуточную категорию. У них низкие (по сравнению с южноевропейскими странами) показатели государственной задолженности. При этом данные страны не отличаются высоким ВВП или ВВП на душу населения, что не позволяет их отнести к одной группе с северными странами.

Деление государств на северные и южные или на страны центра и периферию объясняет различия в течении, глубине и скорости выхода из кризиса в научной литературе. Более сильная подверженность кризису периферийных стран выражалась в принятии большого числа антикризисных мер. К таким мерам относятся и денежно-кредитная политика Европейского центрального банка (ЕЦБ). При этом ЕЦБ воспользовался нестандартными мерами для поддержания финансовой устойчивости в зоне евро. В их числе оказалось постепенное снижение ставки рефинансирования с 4,0% в июне 2007 г. до 1,5% в марте 2009 г., а в марте 2016 г. ставка была снижена до 0%⁵.

Далее была смягчена политика рефинансирования ЕЦБ. Регулятор перешел к удовлетворению всех заявок банков, участвующих в аукционах ЕЦБ; были снижены требования к залогам и были увеличены сроки долгосрочных операций рефинансирования. ЕЦБ стал принимать в качестве залога гарантированные государством облигации [Sinn 2014b: 155]. Также для периферийных стран были инициированы совместные кредитные соглашения МВФ и европейских органов (с 2010 г. до 2013 г. это был Европейский фонд финансовой стабильности и с 2012 г. по настоящее время — Европейский стабилизационный механизм). Из стран валютной

³ International Monetary Fund: World Economic Outlook Database. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/weoselgr.aspx> (accessed 14.05.2016).

⁴ International Monetary Fund: Country Composition of WEO Groups. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/groups.htm> (accessed 16.05.2016).

⁵ European Central Bank: Key ECB interest rates. URL: <https://www.ecb.europa.eu/stats/monetary/rates/html/index.en.html> (accessed 16.05.2016).

зоны такие кредиты получили Греция (в 2010, 2012 и 2015 гг.), Ирландия (в 2010 г.), Португалия (в 2011 г.) и Кипр (в 2013 г.).

Для стран зоны евро можно выделить факторы внешнего и внутреннего дисбаланса. Показателями внутреннего дисбаланса можно считать в первую очередь уровень безработицы и государственной задолженности, а внешние дисбалансы выражаются в состоянии текущего платежного баланса [Wood 2014: 3]. Рассмотрим разброс данных показателей для стран — участниц валютной зоны.

ВНУТРЕННИЕ ДИСБАЛАНСЫ

Для данного анализа показателями внутреннего дисбаланса стран будут служить высокие значения одновременно уровня безработицы и государственной задолженности (general government gross debt) в стране. В табл. 1 и 2 представлены соответствующие данные по некоторым странам за выборочные годы. Это позволяет сопоставить показатели докризисные, на момент начала кризиса суверенных долгов и посткризисное состояние стран. В качестве объекта анализа были отобраны 8 стран: Германия, Франция, Нидерланды, Финляндия, Греция, Португалия, Испания и Италия. Первые четыре из них представляют центр, а остальных обычно причисляют к периферии.

Таблица 1

Уровень безработицы по некоторым странам зоны евро за 2005, 2010 и 2015 гг., %
The unemployment rate in some euro area countries in 2005, 2010, 2015, %

Страна / Country	Год / Year		
	2005	2010	2015
Германия / Germany	11,17	6,97	4,63
Франция / France	8,49	8,87	10,35
Нидерланды / Netherlands	4,72	4,45	6,87
Финляндия / Finland	8,38	8,39	9,37
Греция / Greece	9,99	12,72	24,90
Португалия / Portugal	7,58	10,77	12,45
Испания / Spain	9,15	19,86	22,06
Италия / Italy	7,73	8,36	11,89
Еврозона / Eurozone	8,96	10,06	10,84

Источник: данные Организации экономического сотрудничества и развития⁶

Данные по безработице в табл. 1 свидетельствуют о том, что в 2005 г. разброс показателя по рассматриваемым странам еще не был таким высоким. К 2010 г. безработица в южноевропейских странах увеличилась, в Испании даже выросла до 19,86%. Напротив, в более экономически устойчивых странах, отобранных для анализа, безработица либо менялась не существенно, либо снизилась к 2010 г. По данным на 2015 г. ситуация на рынке труда в южноевропейских странах дальше усугубилась по сравнению с 2010 г. В Греции и Испании безработица выросла до 24,90% и 22,06% соответственно. Необходимо учитывать, что данные по молодежной безработице выглядят еще хуже в этих странах. В 2015 г. молодежная безработица составила 48,4% в Испании, 49,8% в Греции и 40,3% в Италии⁷.

⁶ Organisation of economic cooperation and development: Unemployment rate. URL: <https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm> (accessed 17.05.2016).

⁷ Organisation of economic cooperation and development: Youth unemployment rate. URL: <https://data.oecd.org/unemp/youth-unemployment-rate.htm> (accessed 17.05.2016).

Исходя из соображений экономической безопасности национального государства достижение уровня безработицы в 5,0—10,0% может составлять угрозу экономической безопасности страны [Андропова 2010: 77]. Для рассматриваемых в рамках данного анализа стран характерно, что в экономически более устойчивых странах безработица в основном держится на уровне 10% и ниже. В периферийных странах, напротив, безработица выше 10%, а в отдельных странах даже значительно выше. Сохранение высокого уровня безработицы в южноевропейской части валютной зоны подтверждает более медленный выход этих стран из кризиса и свидетельствует о наличии проблем реального сектора экономики. Из-за низкой трудовой мобильности между странами зоны евро в наиболее затронутых кризисом странах проблема трудоустройства остается значимой.

Данные об уровне государственной задолженности показывают, что и до кризиса не все страны соответствовали критериям конвергенции, к которым относится уровень госдолга ниже 60% от ВВП (см. табл. 2). Это касается не только части периферийных стран, но и некоторых стран центра. Особенно тут выделяется Италия с уровнем выше 100% уже в 2005 г. К 2010 г. во всех рассматриваемых нами странах увеличилась государственная задолженность. Такой тенденции развития способствовал банковский кризис в Европе, который привел к необходимости поддержки национальных банков, а также проблемы реального сектора экономики и возросшие во многих странах бюджетные дефициты. По состоянию на 2014 г. в большинстве стран зоны евро госдолг продолжал расти. Существенно от среднего значения для валютной зоны (94,18%) отклоняется Греция (177,05%), Италия (132,09%) и Португалия (130,19%), а также Финляндия (59,03%). Положительно можно оценить тенденцию в Германии, где удалось снизить госдолг.

Таблица 2

**Уровень государственной задолженности
по некоторым странам зоны евро за 2005, 2010 и 2014 гг., в % от ВВП
The level of public debt in some euro area countries in 2005, 2010 and 2014, % of GDP**

Страна / Country	Год / Year		
	2005	2010	2014
Германия / Germany	67,21	80,56	74,62
Франция / France	67,00	81,46	95,56
Нидерланды / Netherlands	51,82	59,01	67,92
Финляндия / Finland	39,94	47,12	59,03
Греция / Greece	98,13	145,67	177,05
Португалия/Portugal	60,81	96,18	130,19
Испания/Spain	42,28	60,07	97,68
Италия/Italy	101,89	115,29	132,09
Еврозона / Eurozone	69,04	83,85	94,18

Источник: данные МВФ⁸

Европейский долговой кризис, начавшийся в 2010 г. с трудностями в Греции, возник сразу вслед за банковским кризисом 2007—2009 гг. Многие страны испытывали проблемы с рефинансированием своих государственных долгов. При этом уровень государственной задолженности вырос не только на периферии, но и в странах центра. Сильное возрастание процентных ставок по долгосрочным кредитам

⁸ International Monetary Fund: World Economic Outlook Database. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/weoselgr.aspx> (accessed 17.05.2016).

(процентные ставки на десятилетние государственные облигации) испытывали только некоторые страны. Для Греции данные ставки выросли до 16,7% в июне 2011 г. и по состоянию на апрель 2016 г. имеют максимальное значение по зоне евро в 9,0%, тогда как в Германии долгосрочная ставка составляет 0,13%⁹. Проблемы с рефинансированием долгов имелись только у тех стран, которые отличались существенными дефицитами текущего платежного баланса и высокой внешней задолженностью [Gros 2015]. Страны центра с часто сравнимыми размерами госдолга не испытывали такого повышения процентных ставок. Например, в Испании в 2010 г. госдолг составил 60% от ВВП, а во Франции он был выше (81,5%). При этом на конец 2010 г. долгосрочная процентная ставка в Испании поднялась до 5,38%, а для Франции ставка составляла 3,34%. Рассмотрим динамику развития состояния текущего платежного баланса для рассматриваемых стран.

ВНЕШНИЕ ДИСБАЛАНСЫ: СОСТОЯНИЕ ТЕКУЩЕГО ПЛАТЕЖНОГО БАЛАНСА В СТРАНАХ ЗОНЫ ЕВРО

Внешние дисбалансы стран отражаются состоянием счета текущих операций платежного баланса. Проанализируем данные за те же временные промежутки (2005, 2010 и 2014 гг.) и для тех же стран, как и в предыдущем разделе о внутренних дисбалансах. Данные о счетах текущих операций платежного баланса представлены в табл. 3. При этом необходимо учитывать, что приведенные для всей Еврозоны данные платежного баланса составляются только с учетом трансакций между нерезидентами и резидентами валютной зоны, трансграничные операции между странами зоны евро не учитываются¹⁰.

Таблица 3

**Состояние текущего платежного баланса по некоторым странам
зоны евро за 2005, 2010 и 2014 гг., в % от ВВП**
**The status of the current balance of payments in some euro area countries
in 2005, 2010, 2014, % of GDP**

Страна / Country	Год / Year		
	2005	2010	2014
Германия / Germany	4,60	5,62	7,30
Франция / France	0,48	-0,84	-0,93
Нидерланды / Netherlands	6,12	7,38	10,61
Финляндия / Finland	3,21	1,24	-0,94
Греция / Greece	-7,40	-11,44	-2,12
Португалия / Portugal	-9,88	-10,15	0,12
Испания / Spain	-7,49	-3,92	0,98
Италия / Italy	-0,95	-3,48	1,91
Еврозона / Eurozone	-0,28	0,29	2,38

Источник: данные МВФ¹¹

Данные о счетах текущих операций свидетельствуют о том, что в южноевропейских странах уже до наступления кризиса имелись дефициты, причем су-

⁹ European Central Bank: Long-term interest rate statistics for EU Member States. URL: <https://www.ecb.europa.eu/stats/money/long/html/index.en.html> (accessed 17.05.2016).

¹⁰ European Central Bank: Balance of payments and international investment position. URL: <https://www.ecb.europa.eu/stats/external/balance/html/index.en.html> (accessed 17.05.2016).

¹¹ International Monetary Fund: World Economic Outlook Database. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/weoselgr.aspx> (accessed 22.05.2016).

ществленные (за исключением Италии). С развитием кризиса в Греции, Португалии и Италии эти дефициты увеличились к 2010 г. В Германии, во Франции, в Финляндии и в Нидерландах, напротив, в предкризисное время данные счета были профицитными. Наступление кризиса не так отрицательно повлияло на платежный баланс этих стран; Германия и Нидерланды даже смогли нарастить свои профициты текущего платежного баланса. По состоянию на 2014 г. Германия и Нидерланды продолжают увеличивать профицит счета текущих операций (7,30% от ВВП и 10,61% соответственно). Франция и Финляндия, наоборот, ухудшили свои позиции и ушли в дефицит (−0,93% от ВВП и −0,94% соответственно в 2014 г.). Португалия, Испания и Италия вышли на положительное сальдо, а Греция сократила свое отрицательное сальдо до −2,12% от ВВП в 2014 г. В целом южноевропейским странам удалось существенно улучшить состояние счета текущих операций, но разрыв с Германией и Нидерландами все еще остается высоким.

При такой дивергенции состояния счета текущих операций и разнонаправленном развитии возникают проблемы с единой валютой, так как государства не имеют возможности регулировать валютный курс в одностороннем порядке. Национальный валютный курс выполняет роль автоматического стабилизатора и при образовании дефицита счета текущих операций валютный курс снижается [Буторина 2012: 102—103]. Это приводит к уменьшению цен национальной продукции на внешнем рынке из-за ослабления национальной валюты. Но в условиях единой валюты роль автоматического стабилизатора не выполняется, несмотря на то, что курс евро является плавающим по отношению к другим валютам. Это связано с тем, что, к примеру, образование отрицательного сальдо в южноевропейских странах не приведет к автоматическому урегулированию платежного баланса южноевропейских стран при наличии положительного сальдо всей еврозоны. Такая ситуация имела место в 2010 г., когда в Южной Европе наблюдались большие дефициты, а для всей валютной зоны сальдо счета текущих операций было положительным (см. табл. 3).

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ЗОНЕ ЕВРО

Важность преодоления больших дефицитов счета текущих операций стран — участниц валютной зоны выделяет и руководство ЕЦБ. По мнению Жан-Клод Трише, бывшего президента ЕЦБ, значительные дефициты текущего платежного баланса в сочетании с потерями национальной конкурентоспособности, высокой частной и государственной задолженностью свидетельствуют о наличии дисбалансов этих стран [Trichet 2011]. Выше проведенный анализ выявил, что в некоторых периферийных странах зоны евро внутренние дисбалансы сочетаются с большими дефицитами текущего платежного баланса.

Необходимо разрабатывать механизмы для сглаживания экономических шоков, присущих как отдельным странам, так и всей валютной зоне. Единая денежно-кредитная политика, проводимая ЕЦБ, а также изменение единого для стран обменного курса по отношению к третьим странам недостаточно для сглаживания экономических шоков в силу слишком большой дивергенции национальных экономик¹². Но уже на уровне учредительных договоров ЕС были заложены опреде-

¹² International Monetary Fund (2012): Euro area imbalances. Annex to umbrella report for G-20 mutual assessment process. URL: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/map2012/annex2.pdf> (accessed 17.05.2016). P. 6.

ленные ограничения для деятельности институтов ЕС, в особенности в финансовой сфере [Мещерякова 2014: 123]. Такие правовые ограничения, а также разногласия между странами осложняют создание действенных механизмов. Тем не менее, первые шаги для улучшения ситуации уже сделаны. Был создан Европейский стабилизационный механизм (ЕСМ), который в экстренных случаях предоставляет странам кредиты под низкий процент. Для разрешения дисбалансов в зоне евро создания ЕСМ мало, так как он функционирует как антикризисный механизм. Дисбалансы в экономическом развитии с помощью ЕСМ не устраняются.

Для поддержания устойчивого функционирования валютной зоны необходимо принятие мер, обеспечивающих большую конвергенцию экономик стран. Уменьшению разрыва экономического развития стран могут способствовать проведение структурных реформ. Такие реформы должны быть нацелены на усиление конкурентоспособности европейских предприятий и создание рабочих мест.

Данные о макроэкономических показателях свидетельствуют об улучшении экономической ситуации большинства стран. Это подтверждается наличием положительного экономического роста во всех странах зоны евро за исключением Греции в 2015 г. Данные об экономическом росте по некоторым странам за 2014—2015 гг. представлены в табл. 4. При этом в некоторых периферийных странах имеются неплохие показатели: в Испании 3,2% и в Португалии 1,5% (см. табл. 4). В более благоприятных экономических условиях необходимо попытаться уменьшить задолженность.

В предкризисные годы в периферийных странах, а также в странах центра годы экономического роста не были использованы для уменьшения госдолга. Напротив, в Греции и Португалии государственный сектор использовал дешевые кредиты для увеличения заработных плат госслужащим, а также для увеличения численности работников государственного аппарата [Sinn 2014a: 2]. При этом нельзя забывать о том, что и страны центра увеличивали свою государственную задолженность. Поэтому национальным правительствам можно порекомендовать воспользоваться улучшением конъюнктуры для снижения задолженности.

Таблица 4

Экономический рост по некоторым странам зоны евро за 2014—2015 гг. (изменение ВВП в %)
Economic growth in some euro area countries in 2014—2015. (GDP change, %)

Страна / Country	Год / Year	
	2014	2015
Германия / Germany	1,58	1,45
Франция / France	0,18	1,14
Нидерланды / Netherlands	1,01	1,93
Финляндия / Finland	-0,70	0,43
Греция / Greece	0,65	-0,23
Португалия / Portugal	0,91	1,47
Испания / Spain	1,36	3,21
Италия / Italy	-0,34	0,76
Еврозона / Eurozone	0,89	1,64

Источник: данные МВФ¹³

¹³ International Monetary Fund: World Economic Outlook Database. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/weoselgr.aspx> (accessed 22.05.2016).

В зоне евро осуществляется единая денежно-кредитная политика, а бюджетно-кредитная политика только координируется между странами. Для разрешения внутренних дисбалансов необходимы структурные реформы, которые позволяли бы повысить национальную конкурентоспособность и занятость. Но европейские органы не имеют такого значительного влияния на курс экономической политики стран и, в особенности, социальной политики [Thimann 2015: 155—156]. В условиях отсутствия единой бюджетно-налоговой политики отсутствуют предпосылки, чтобы сформировать интегрированное и единое социально-экономическое пространство в Европейском союзе [Зимарин 2013: 67]. Поэтому достижение конвергенции экономических политик в зоне евро трудно осуществимо. Предусмотренная координация экономических политик не в состоянии содействовать структурным реформам в экономике. При наличии макроэкономических проблем и высоких бюджетных дефицитов Совет Европы может направить соответствующим странам рекомендации по применению корректировочных мер экономической политики. Но данные рекомендации, как правило, достаточно короткие (обычно до 10 страниц) и носят общий характер, а не представляют собой конкретных предложений по реформированию [Thimann 2015: 157]. Эти рекомендации намного менее детально разработаны и продуманы, чем программы по структурным реформам в рамках кредитных соглашений МВФ [Там же: 159].

Для большего сбалансирования счетов текущих операций между странами нужно прийти к устойчивому профициту на периферии, а другим странам (в особенности, Германии) следует ограничить дальнейший рост профицита. Но такое решение данной проблемы может оказаться только краткосрочным, если оно не будет сопровождено реформами и инвестициями [Sanofari et al. 2015: 191]. При этом реформы не должны ограничиваться политикой строгой экономии [Wood 2014: 22]. Необходимо создавать инвестиционные проекты на европейском уровне.

Помимо недостаточного финансирования таких проектов воплощению действенных проектов на европейском уровне все еще мешает стереотипное мышление стран. Согласно такому подходу, северные и «профицитные» страны рассматривают общеевропейские механизмы, как правило, в качестве скрытых методов для аккумуляции средств в пользу «дефицитных» стран; напротив, последние воспринимают такие механизмы как способ навязывания нежелательных условий и имплементации реформ в стране [Sanofari et al. 2015: 194]. Такое недоверие между странами не позволяет разработать нужные механизмы и содействовать реальным структурным реформам, координируемым на наднациональном уровне.

Таким образом, неоднородность экономического развития отражается на длительности выхода из кризиса и масштабности антикризисных мер. На данный момент экономика зоны евро демонстрирует медленное восстановление после финансового и бюджетно-долгового кризисов. Также наблюдаются первые признаки усиления конвергенции в странах валютного союза. Тем не менее проведенный сравнительный анализ показателей по некоторым представителям центра и периферии выявил сохранение существенных дисбалансов по таким показателям, как уровень безработицы и государственной задолженности. Предпринятые на наднациональном уровне меры не смогли решить данные проблемы.

В качестве рекомендаций по проведению экономической политики была предложена разработка дополнительных механизмов для сглаживания экономических шоков. Далее необходимо координируемое на наднациональном уровне проведение структурных реформ, обеспечивающих повышение национальной конкурентоспособности стран. Нельзя забывать о важности совместных инвестиционных проектов, а также о дальнейшей конвергенции текущих счетов платежных балансов в зоне евро. Такие меры могут способствовать уменьшению дисбалансов в дальнейшем развитии европейской интеграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андропова И.В.* Внешнеэкономическая безопасность России: теория и практика. М.: Квадрига; 2010.
- Буторина О.В.* Причины и последствия кризиса в зоне евро // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 98—115.
- Зимарин К.А.* Европейский союз: формирование единой финансовой системы // Проблемы теории и практики управления. 2013. № 1. С. 65—70.
- Меущерякова О.М.* Финансовая политика Европейского союза и Европейский фонд финансовой стабильности // Современное право. 2014. № 10. С. 121—123.
- Серегина С.Ф., Ларионова М.Л.* Европейский долговой кризис и новые направления реформирования механизмов экономической политики ЕС // Российский экономический журнал. 2012. № 6. С. 68—94.
- Хмельницкий М.М.* Разделение Европейского союза на «север» и «юг» и перспективы евро // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 6. С. 134—140.
- Blundell-Wignall A.* Solving the Financial and Sovereign Debt Crisis in Europe // OECD Journal: Financial Markets Trends. 2011. Issue 2. P. 201—224.
- Canofari P., Esposito P., Messori M., Milani C.* In search of a new equilibrium. Economic imbalances in the Eurozone. Roma: Edizioni Nuova Cultura; 2015.
- Gros D.* The Eurozone crisis as a sudden stop: It is the foreign debt which matters? VoxEU.org, 2015. URL: <http://voxeu.org/article/eurozone-crisis-and-foreign-debt> (accessed 15.05.2016).
- Sanchez J.L.D., Varoudakis A.* Tacking the causes of Eurozone external imbalances: New evidence. VoxEU.org, 2014. URL: <http://voxeu.org/article/causes-eurozone-external-imbalances> (accessed 15.05.2016).
- Sinn H.-W.* Austerity, growth and inflation: Remarks on the Eurozone's unresolved competitiveness problem // The World Economy. 2014a. Vol. 37. N 1. P. 01—13.
- Sinn H.-W.* The Euro Trap: On Bursting Bubbles, Budgets, and Beliefs. Oxford University Press, 2014b.
- Thimann C.* The Microeconomic Dimensions of the Eurozone Crisis and Why European Politics Cannot Solve Them // Journal of Economic Perspectives. 2015. Vol. 29. N 3. P. 141—164.
- Trichet J.-C.* Competitiveness and the smooth functioning of EMU. Lecture at the University of Liège. 23 February 2011.
- Wood R.* Eurozone macroeconomic framework: Reducing internal and external imbalances. MPRA Paper 53569, 2014. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/53569/1/MPRA_paper_53569.pdf (accessed 18.05.2016).

Дата поступления статьи: 05.06.2016

Для цитирования: *Салинг К.* Дисбалансы в развитии европейской валютной интеграции: проблемы и современные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 74—85.

Сведения об авторе: Салинг Корнелия — аспирант кафедры международных экономических отношений экономического факультета Российского университета дружбы народов (e-mail: cornelia.sahling@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-74-85

IMBALANCES IN THE DEVELOPMENT OF EUROPEAN CURRENCY INTEGRATION: KEY ISSUES AND RECENT TRENDS

C. Sahling

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The recent financial and sovereign debt crises affected the Eurozone countries in different ways. The centre-periphery divide of the national economies exacerbated existing problems in the euro area. In this article an empirical analysis of the development of intra-European imbalances is provided. The analysis shows that the problem of internal imbalances remains unsolved. High unemployment and high public debt in Eurozone's periphery reflects the internal imbalances. In some Northern countries the public debt ratios are becoming higher, too. Significant current account imbalances provide an important indicator of external imbalances. The co-existence of large current account surpluses in Germany and the Netherlands and deficits in Greece challenges the possibilities of deeper European integration. The provided analysis shows a reduction in external imbalances because of better performance of periphery current accounts.

A real solution of European problems needs deeper macroeconomic policy cooperation between national authorities and European institutions. The article highlights the limits of European institutions in promoting common economic policy. It is necessary to boost competitiveness by coordinated structural reforms in the euro area; fiscal austerity policies are not enough to restore pre-crisis internal balance. For sustainable economic growth European investment projects should be implemented in the euro area. The recovery of national economies should be used to reduce the high public debt levels in both centre and periphery countries. In the absence of economic adjustment through the exchange rate in the euro area further improvement in European current accounts convergence is important for European economic integration.

Key words: Eurozone, European integration, core-periphery, competitiveness, government debt, current accounts

REFERENCES

- Andronova, I. V. (2010). Foreign Economic Security of the Russian Federation: Theory and practice. Moscow: Kvadriga. (In Russ.).
- Blundell-Wignall, A. (2011). Solving the Financial and Sovereign Debt Crisis in Europe. *OECD Journal: Financial Markets Trends*, 2, 201—224.
- Butorina, O.V. (2012). Causes and Consequences of the Crisis in the Eurozone. *Voprosy ekonomiki*, 12, 98—115. (In Russ.).
- Canofari, P., Esposito, P., Messori, M., & Milani, C. (2015). *In search of a new equilibrium. Economic imbalances in the Eurozone*. Roma: Edizioni Nuova Cultura.
- Gros, D. (2015). *The Eurozone crisis as a sudden stop: It is the foreign debt which matters?* VoxEU.org. URL: <http://voxeu.org/article/eurozone-crisis-and-foreign-debt> (accessed 15.05.2016).
- Khmelnitskiy, M. M. (2013). The European Union North-South divide and the future of the Euro. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 6, 134—140. (In Russ.).
- Meshcheryakova, O. M. (2014). Financial Policy of The European Union and European Financial Stability Facility. *Sovremennoe pravo*, 10, 121—123. (In Russ.).

- Sanchez, J. L. D., & Varoudakis A. (2014). *Tacking the causes of Eurozone external imbalances: New evidence*, VoxEU.org. URL: <http://voxeu.org/article/causes-eurozone-external-imbances> (accessed 15.05.2016).
- Seriogina, S. F., & Larionova, M. L. (2012). European Debt Crisis and New Lines of EU Economic Policy Reforms. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, 6, 68—94. (In Russ.).
- Sinn, H.-W. (2014a). Austerity, growth and inflation: Remarks on the Eurozone's unresolved competitiveness problem. *The World Economy*, 37 (1), 01—13.
- Sinn, H.-W. (2014b). *The Euro Trap: On Bursting Bubbles, Budgets, and Beliefs*. Oxford University Press.
- Thimann, Ch. (2015). The Microeconomic Dimensions of the Eurozone Crisis and Why European Politics Cannot Solve Them. *Journal of Economic Perspectives*, 29 (3), 141—164.
- Trichet, J.-C. (2011). *Competitiveness and the smooth functioning of EMU*. Lecture at the University of Liège. 23 February 2011.
- Wood, R. (2014). *Eurozone macroeconomic framework: Reducing internal and external imbalances*. MPRA Paper 53569. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/53569/1/MPRA_paper_53569.pdf (accessed 18.05.2016).
- Zimarin, K. A. (2013). European Union: Creating a common financial system. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 1, 65—70.

Received: 05.06.2016

For citations: Sahling, C. (2017). Imbalances in the development of European currency integration: key issues and recent trends. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 74—85.

About the author: *Sahling Cornelia* — postgraduate student of the Department of International Economic Relations of the RUDN University (e-mail: cornelia.sahling@gmail.com).

© Салинг К., 2017

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-86-94

UNITED NATIONS ROLE IN RESOLUTION INTERNATIONAL CONFLICTS

A.V. Suleymanov

Management Institute of Nijni Novgorod of RANEPА, Nijni Novgorod, Russia

Abstract. In recent years ongoing international conflicts and border disputes intensified to an extent that certainly actualized a question of the role of the United Nations (UN) in the solution of these problems. Thereupon the objective of this article is to define the degree of influence of the United Nations and its precautionary effect on settlement of international conflicts at the present stage. The author makes the short analysis of intermediary activity of the United Nations and defines its legal basis. Besides, researcher considers the functionality specifics of the International Court of Justice (ICJ) of the United Nations and its actions aimed at the settlement of the territorial disputes and conflicts in the recent years.

The basic method of this research is the comparative-historical approach which is used to reveal positive or negative dynamics of the United Nations performance at the present stage. Now the United Nations make active efforts in the solution of many international conflicts and lowering their escalation. However, despite of a growing demand for the solution of conflicts in a judicial order, the most serious problems of the international character remain insoluble.

Nowadays the United Nations play a limited role in the settlement of the international problems. This is based on the fact that most parts of the conflicts evade UN resolutions which have only a recommendatory character. Therefore, the United Nations system needs certain reformation to reflect the new needs and realities in the world today. For the settlement of such challenging international conflicts it is necessary for all the countries to recognize jurisdiction of the UN ICJ.

Key words: United Nations, international conflicts, mediation, International Court of Justice, Israeli-Palestinian conflict, border disputes

Present international relations even after formal end of an epoch of alliance oppositions are still characterized by a high level of instability. Globalization process has led to expansion of a circle of participants of regional and international disputes: nowadays not only neighboring states are involved, but also global powers and international and regional organizations.

In present conditions globalization process has visually shown the deficiencies which have generated serious problems of disproportion and inequality. It is possible to support globalization, asserting that it is capable of leading to an increased level of prosperity, reduction of poverty and strengthening of freedoms. However fears of huge number of people cannot be disseminated completely if more responsible administration of this process is not exercised. Conflicts, poverty, terrorism, climate change, environmental degradation, underdevelopment, pandemic diseases, discrimination and injustice still sadden life of millions of people worldwide. In more than 80 countries the level of income «per capita» is lower, than ten or more years ago. All of it certainly is a source of social and interstate conflicts.

Now the geography of the international conflicts is very wide and their settlement is extremely problematic. However, the international community makes significant ef-

forts to reach the solution. In the recent years along with the preventive diplomacy and mediation even more often we see the use of legal methods of the settlement of international conflicts.

The resolution of the myriad of challenges and threats confronting mankind requires urgent and concerted action by the international community. Because of its universality, the United Nations commands the requisite legitimacy and moral authority to provide guidance and leadership in addressing those threats and challenges [Vayrynen 1985].

COLD WAR PERIOD

During the Cold War period the United Nations were de-facto a meeting place and a point of discussion in search of balance between the opposing Powers [Bauwens, Reyhler 1994]. The Korean War, Suez Canal Crisis and the UN operation in Congo were the most important examples, which showed that the UN became an arena of ideological struggle between the two blocs [Latif 2000].

In other words, most international conflict between 1945 and 1989 were of the traditional interstate kind resulting from incompatible interests over economic, military or territorial issues. For example, The UN played a significant role in mediating an end to the Iran-Iraq war and assisting with the implementation of Resolution 598 in 1987, which provided for a cease-fire and the deployment of unarmed UN military observer force [Hampson 2003].

Also, the overwhelming majority of conflict in the period of the Cold War took place between Third World countries where the great powers had been involved on opposite sides and often encouraged to continue the conflict [Hampson 1990]. These conflicts were exacerbated by the ideological divide, that for decades gave rise to so much distrust and hostility and prevented any effective international steps from being taken [Bercovitch 1995].

After the end of the Cold War the conditions under which UN peacekeeping operations were deployed qualitatively changed. Firstly, the number of conflicts increased significantly. Civil wars took place not only in the countries of Central and Eastern Europe, but also in the Central Asian states, the Middle East, Africa and Southeast Asia [Ratner 1995]. Secondly, these bear a significant amount of cruelty against the civilian population. New historical circumstances have put the UN up against new challenges, requiring constant readiness to settle ethnic and religious conflicts in multi-ethnic and multi-confessional states [Krupyanko 2006].

The Organization managed to support decolonization leading to the independence of a large number of new States and to mitigate, and even at times resolve, regional, bilateral and civil conflicts in a context that was nonetheless marked by severe ideological confrontation. At the same time, United Nations agencies made an important intellectual, political and judicial contribution to the universal recognition of human rights and strengthening cooperation for development and regional economic integration. Those advances constituted fundamental progress towards empowering the rule of law, which itself provides a favorable framework and is the best guarantor of human rights and peaceful international cooperation. It is therefore imperative that the United Nations of the twenty-first century respond effectively to present realities and effectively handle future challenges.

CONFLICT RESOLUTION

During the session of 2011—2012 the Assembly adopted the landmark Resolution 65/283 and Resolution 66/291 on mediation that recognizes its growing usefulness as a means of preventing disputes from escalating into conflicts and as a cost-effective tool in the peaceful settlement of disputes and the prevention of conflicts¹. In addition, the fundamental components of the solution to the conflict exist in the other documents and resolutions of the United Nations. The components of the solution are also endorsed in resolutions of regional organizations: the League of Arab States, the Organization of Islamic Cooperation, the Non-Aligned Movement and the African Union. They can also be found in the statements of the European Union and the international Quartet.

Many times the United Nations mediated in the settlement of the Israeli-Palestinian and Nagorno-Karabakh conflicts, Cyprian issue and others.

During the period 1947—2012 the United Nations has accepted important resolutions concerning Arab-Israeli conflict. In 1947 United Nations have created Special Committee on Palestine. That Committee came up with the proposal for a two-State solution — one predominantly Jewish and the other predominantly Arab, living side by side — that ultimately resulted, in November 1947, in the passage of Resolution 181 (II) setting out the Partition Plan. However, not all of those who should have supported that vision were prepared to do so, and the people of the region have suffered for seven decades as a result.

Even in those early difficult days, however, the principle of collaboration between the two parties was seen as an inherent necessity, as reflected in the elaboration of a plan for economic union between the two sides. While Resolution 181 (II) has never been fully implemented, the principle — the idea that the two parties need to work together to achieve their mutual and intertwined destinies and potential — has survived as an essential ingredient in successive efforts to find an elusive peace².

After that Security Council adopted four important resolutions 194 (III), 242 (1967), 338 (1973), and 1397 (2002). Security Council resolution 1397 (2002) called on the Israeli and Palestinian sides and their leaders to cooperate in the implementation of the Tenet work plan and Mitchell Report recommendations with the aim of resuming negotiations on a political settlement³.

The following year, 2003, the Middle East Quartet was established. It developed the road map, which was a performance-based, goal-driven plan covering peace, security and humanitarian areas. Later that year, Security Council Resolution 1515 (2003) formally endorsed the Quartet road map, while calling on the parties to fulfil their obligations under the road map in cooperation with the Quartet and to achieve the vision of two States living side by side in peace and security⁴.

¹ Strengthening the role of mediation in the peaceful settlement of disputes, conflict prevention and resolution. URL: <http://peacemaker.un.org/node/487> (accessed 15.05.2016).

² Resolution 181 (II). Future government of Palestine. URL: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/7F0AF2BD897689B785256C330061D253> (accessed 15.05.2016).

³ UN Security Council Resolution 1397 (2002). URL: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/un%20security%20council%20resolution%201397.aspx> (accessed 15.05.2016).

⁴ United Nations Security Council resolution 1515 (2003). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/United_Nations_Security_Council_Resolution_1515 (accessed 15.05.2016).

Resolution 1850 (2008) underscored the Council's explicit support for the negotiations undertaken in Annapolis in 2007 and its commitment to the irreversibility of the bilateral negotiations. That resolution reaffirmed international support for the Quartet principles and supported the determination of both parties to reach their goal of concluding a peace treaty resolving all outstanding issues, without exception. It also called on both sides to refrain from any steps that could undermine confidence or prejudice the outcome of negotiations⁵.

However, until now given conflict remains unsettled. The similar situation is observed and in other permanent conflicts — Nagorno-Karabakh and Cyprian issues. The sides of conflict ignore all the decisions adopted by Security Council that is a principal cause of insolvability of conflicts.

Therefore, four years ago, the United Nations held its first-ever High-level Meeting on the Rule of Law. It resulted in a consensus Declaration of the High-level Meeting of the General Assembly on the Rule of Law at the National and International Levels (Resolution 67/1). That document recognizes that the international community has the institutions, working methods and relationships to make the rule of law relevant to peace and security, human rights and development. One of those institutions is none other than the International Court of Justice (ICJ)⁶.

INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE

The international community now has over 90 years of experience with the judicial settlement of disputes. Adjudication or judicial settlement of disputes is one among a range of existing UN-Charter based mechanisms to resolve conflicts [Mollel 2009]. The key role in that regard was assigned by the Charter to the International Court of Justice, which is one of the six main organs of the United Nations and its principal judicial mechanism. Through its activities, the Court is an important agent for upholding and promoting the rule of law on the international level and in relations between states. It has the important and noble role of determining existing law and rendering justice between states.

The dual character of the ICJ as the principal judicial organ of the United Nations and court of unique and universal jurisdiction enables it to render impartial decisions in the peaceful settlement of disputes. The Court's judgements and advisory opinions have had salutary effects on maintenance of peace and security in all regions [Fedorov 2007].

As for the advisory opinions, besides the Security Council and the General Assembly — which under article 96, paragraph 1 of the Charter UN are authorized to request advisory opinions from the Court on any legal question — the Economic and

⁵ United Nations Security Council resolution 1850 (2003). URL: http://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/Peace/MFADocuments/Pages/United_Nations_Security_Council_resolution_1850.aspx (accessed 15.05.2016).

⁶ Declaration of the meeting at the high-level General Assembly on the rule of law at the national and international levels. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/478/68/PDF/N1247868.pdf?OpenElement> (In Russ.) (accessed 15.05.2016).

Social Council, the Trusteeship Council, the Interim Committee of the General Assembly and international organizations have used the services of the Court. Consequently, due to its independence and impartiality, the International Court of Justice has established itself as the ultimate judicial body of the United Nations system⁷.

However, the influence of the Court goes well beyond the judgments and opinions it issues. Many disputes have been resolved early by the mere fact that one party suggested submitting the dispute to the Court. In addition, practice shows that the disputes submitted to the Court have sometimes been resolved not by a decision of the Court, but simply because preliminary measures have helped to resolve them.

In that respect, one can cite as an example the case of *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)* where, following the Judgment of the Court, the two parties «were under obligation to one another to make reparation for the injury caused. It decided that, failing agreement between the parties, the question of reparation would be settled by the Court and reserved for this purpose the subsequent procedure in the case. Since then, the parties have transmitted to the Court certain information concerning the negotiations they are holding to settle the question of reparation, as referred to in points (6) and (14) of the operative clause of the judgment and paragraphs 260, 261»⁸. Similarly, Ecuador and Colombia thanked the Court for its contribution to the amiable resolution of their dispute on the aerial spraying of herbicides.

Also the Court held hearings on three requests for provisional measures: in October 2013, in the case *Certain Activities carried out by Nicaragua in the Border Area*, which was joined with the case *Construction of a Road in Costa Rica along the San Juan River*; in November 2013, in the case *Construction of a Road in Costa Rica along the San Juan River*; and in January 2014, in *Questions relating to the Seizure and Detention of Certain Documents and Data*⁹. Then, in March 2014, it held hearings on the merits in the case *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia)*¹⁰.

Border disputes are an important part of the activity of the Court, and over the past decade, maritime disputes have become increasingly important in that category. One example is the case *Maritime Dispute (Peru v. Chile)*, on which the Court delivered its Judgment on 16 January 2008¹¹. Other cases, still pending, include that *Violations of Sovereign Rights and Maritime Spaces in the Caribbean Sea (Nicaragua v. Colombia)*, *Question of the Delimitation of the Continental Shelf between Nicaragua and Colombia*

⁷ Charter of the United Nations. Chapter XIV. The International Court of Justice. URL: <http://www.un.org/en/sections/un-charter/chapter-xiv/index.html> (accessed 15.05.2016).

⁸ *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/116/10455.pdf> (accessed 15.05.2016).

⁹ *Certain Activities carried out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v. Nicaragua)*. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=2&case=150> (accessed 15.05.2016).

¹⁰ *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia)*. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/118/7125.pdf> (accessed 15.05.2016).

¹¹ *Maritime Dispute (Peru v. Chile)*. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/137/14385.pdf> (accessed 15.05.2016).

beyond 200 nautical miles from the Nicaraguan Coast (Nicaragua v. Colombia)¹² and the case recently instituted by Somalia against Kenya on Maritime Delimitation in the Indian Ocean (Somalia v. Kenya), which concerning the two States common maritime boundary¹³. Earlier in 2001 the court has resolved a border dispute between Bahrain and Qatar¹⁴.

Bringing a dispute before the Court usually contributes to defusing tensions between States, in particular in situations of competing claims to sovereignty or maritime zones. If the parties are unable to resolve such matters through negotiation to their satisfaction or to find a creative solution, such as joint management and exploitation regimes, the Court remains available to assist them by adjudicating the dispute on the strength of their legal arguments and evidence in accordance with international law.

During the 2015—2016 judicial year the ICJ was seized of 7 new contentious cases and handed down 13 orders¹⁵. That shows that the Court is becoming increasingly sought out on various topics concerning various territorial and maritime disputes, violations of territorial integrity and sovereignty, genocide, environmental damage and the conservation of biological resources, the interpretation and implementation of international conventions and treaties, requests for a halt to the nuclear arms race and so on. All that testifies to a very positive assessment and a high degree of satisfaction, trust and efficiency, which contribute to the universality of the Court.

MANAGING INTERNATIONAL CONFLICTS

It is necessary to note that in the early years of the United Nations, there was stronger adherence to the compulsory jurisdiction of the Court than what we see today. In 1948, out of 58 States Members of the United Nations, 34, including four out of the five permanent members of the Security Council, recognized the compulsory jurisdiction of the Court, or some 59% of the United Nations membership at that time, as compared to today's rate of 34%, or 67 States, including only one of the five permanent members of the Security Council, out of 193 Member States.

The peaceful settlement of international disputes is an essential purpose of the United Nations [Racic 2000]. That is the reason that the role of the Court in maintaining international peace and security and in promoting the rule of law on the international level is essential. It is the responsibility of the United Nations and its States Members to support the Court in carrying out its tasks. That calls for the United Nations to ensure that the Court is able to continue working effectively and objectively, with complete legal and procedural independence on the cases subject to its consideration. That is pos-

¹² Question of the Delimitation of the Continental Shelf between Nicaragua and Colombia beyond 200 nautical miles from the Nicaraguan Coast (Nicaragua v. Colombia). URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/154/18956.pdf> (accessed 15.05.2016).

¹³ Maritime Delimitation in the Indian Ocean (Somalia v. Kenya). URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/161/18810.pdf> (accessed 15.05.2016).

¹⁴ Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain). URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/87/7021.pdf> (accessed 15.05.2016).

¹⁵ Judgments, Advisory opinions and Orders 2015—2016. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=5> (accessed 15.05.2016).

sible only if the Court is guaranteed the necessary resources to comply with its mandate, taking into account the substantive increase in its workload.

In the recent years, the United Nations has given even greater importance to strengthening national capacities to prosecute the crimes covered by the Rome Statute. This is reflected in the 2013/2014 report, which details the various technical assistance activities that have been organized in the framework of the United Nations. The report also notes the growth in recent months of the Court's cooperation with the countries of Latin America — organizing numerous seminars and meetings of experts and with the European Union¹⁶.

However, seventy years on, through mediation efforts and good offices, conciliation, arbitration and peace missions, the United Nations has made a considerable contribution to the pacification of international relations. Yet, although commendable progress has been achieved, threats to peace and security remain worrisome and have radically evolved.

That is the case in northern Mali, where organized and heavily armed terrorist groups, living off illicit trafficking of all kinds, are occupying two thirds of the country, sowing despair among the population and destroying symbols of the world's cultural heritage.

The stalemate in resolving the Israeli-Palestinian conflict is also deeply troubling. The peace process is not moving forward, and the chain of violence has not been broken. Until the Arab-Israeli conflict is resolved. That is the central and vital issue to the people of the entire the Middle East region, and reaching a just solution is the key for bringing peace and stability to the whole area. The situation in Syria continues to be a source of serious danger and threats for regional and global safety. More than twenty years the conflict in Nagorno-Karabakh remains unsettled. Arrangements on situation resolution in Ukraine are not carried out. At various times the United Nations accepted many resolutions under these conflicts. However, none of them are resolved until now. In this connection, UN activity always was exposed to criticism from several countries and international organizations.

The United Nations have undergone phases of reformation since its foundation in 1945 [Luck 2003]. The majority of reforms of the United Nations have been focused on change of its bureaucratic structure (Security Council reform, UN Secretariat Transparency reform, Financing reform, Creation of United Nations Parliamentary Assembly and others) rather than on substantial issues.

REFERENCES

- Bauwens, W., & Reyckler, L. (1994). *The art of conflict prevention*. London, New York.
Bercovitch, J. (1995). *Third Parties and the Management of Conflict: The United Nations and the Mediation of International Disputes* / Conference on 'The U.N. at 50' at the University of Otago 30th Foreign Policy School, 30 June — 3 July 1995.

¹⁶ Report of the Security Council. 1 August 2013 — 31 July 2014. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/69/2 (accessed 15.05.2016).

- Fedorov, V. N. (2007). *The United Nations, other international organizations and their role in the twenty-first century*. Moscow. (In Russ.).
- Hampson, F. O. (2003). *Can the UN Still Mediate?* URL: http://www.operationspaix.net/DATA/DOCUMENT/5871~v~Can_the_UN_Still_Mediate_.pdf (accessed 15.01.2017).
- Hampson, F. O. (1990). *The role of the United Nations in conflict resolution and peacekeeping*. URL: http://www.ecultura.sapo.pt/ieci_pdf/81/Fen_Osler_Hampson_The_Role_of_the_United_Nations (accessed 15.01.2017).
- Krupyanko, I. M. (2006). *Evolution of the United Nations peacekeeping after the Cold War: the case of peacekeeping operations in Cambodia and East Timor*. Moscow. (In Russ.).
- Luck, E. (2003). Reforming the United Nations: Lessons from a History in Progress. *International Relations Studies and the United Nations Occasional Papers*, 1.
- Latif, D. (2000). *United Nations changing role in the post-Cold War era*. URL: <http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/44/670/8528.pdf> (accessed 15.01.2017).
- Mollele, A. (2009). International adjudication and resolution of armed conflicts in the Africa's great lakes: A focus on the DRC conflict. *Journal of Law and Conflict Resolution*, 1 (1), 10—29.
- Racic, O. (2000). The United Nations between the pacific settlement of disputes and imposition of peace. *Law and Politics*, 1 (4), 493—508.
- Ratner, S. (1995). *Image and Reality in the UN's Peaceful Settlement of Disputes*. URL: <http://www.ejil.org/pdfs/6/1/1305.pdf> (accessed 15.01.2017).
- Vayrynen, R. (1985). Focus On: Is There a Role for the United Nations in Conflict Resolution? *Journal of Peace Research*, 22 (3), 189—196.

Received: 06.02.2017

For citations: Suleymanov, A.V. (2017). United Nations role in resolution international conflicts. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 86—94.

About the author: *Suleymanov Alim Vidadievich* — PhD in Political Science, applicant of Management Institute of Nijni Novgorod of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANPEA) (e-mail: alim-suleymanov@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-86-94

РОЛЬ ООН В РАЗРЕШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

А.В. Сулейманов

Нижегородский институт управления РАНХИГС, Нижний Новгород, Россия

В последние годы наблюдается обострение перманентных конфликтов, а также усиливается рост конфронтации государств на международной арене, что безусловно вновь актуализирует вопрос о роли ООН в области разрешения международных кризисов. В этой связи целью статьи является определение степени влияния ООН на процесс урегулирования международных конфликтов на современном этапе. Автором делается краткий анализ посреднической деятельности ООН, определяется ее правовая база. Кроме того, рассматривается специфика функционирования Международного суда ООН и разрешенные им территориальные споры за прошедшие годы. Основным методом исследования является сравнительно-исторический подход, использующийся для выявления динамики функционирования ООН на современном этапе.

В настоящее время ООН активизирует усилия в решении ряда международных кризисов, а также пытается снизить их эскалацию. Однако до настоящего момента наиболее серьезные международные конфликты остаются неразрешенными, что может быть доказательством недостаточной эффективности организации в решении данных вопросов.

Ключевые слова: ООН, международные конфликты, посредничество, Международный суд ООН, палестино-израильский конфликт, территориальные споры

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Крупяно И.М.* Эволюция миротворческой деятельности ООН после холодной войны: на примере операции по поддержанию мира в Камбодже и на Восточном Тиморе / И.М. Крупяно. М.: Восточная литература; 2006.
- Федоров В.Н.* Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке. М., 2007.
- Bauwens W., Reychler L.* The art of conflict prevention. London, New York; 1994.
- Bercovitch J.* Third Parties and the Management of Conflict: The United Nations and the Mediation of International Disputes. Conference on 'The U.N. at 50' at the University of Otago 30th Foreign Policy School, 30 June — 3 July 1995.
- Hampson F.O.* Can the UN Still Mediate? 2003. URL: http://www.operationspaix.net/DATA/DOCUMENT/5871~v~Can_the_UN_Still_Mediate_.pdf (accessed 15.01.2017).
- Hampson F.O.* The role of the United Nations in conflict resolution and peacekeeping. 1990. URL: http://www.e-cultura.sapo.pt/ieei_pdf/81/Fen_Osler_Hampson_The_Role_of_the_United_Nations (accessed 15.01.2017).
- Latif D.* United Nations changing role in the post-Cold War era. URL: <http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/44/670/8528.pdf> (accessed 15.01.2017).
- Luck E.* Reforming the United Nations: Lessons from a History in Progress // International Relations Studies and the United Nations Occasional Papers. 2003. N 1.
- Mollet A.* International adjudication and resolution of armed conflicts in the Africa's great lakes: A focus on the DRC conflict // Journal of Law and Conflict Resolution. 2009. Vol. 1 (1). P. 10—29.
- Racic O.* The United Nations between the pacific settlement of disputes and imposition of peace // Law and Politics. 2000. Vol. 1. N 4. P. 493—508.
- Ratner S.* Image and Reality in the UN's Peaceful Settlement of Disputes. URL: <http://www.ejil.org/pdfs/6/1/1305.pdf> (accessed 15.01.2017).
- Vayrynen R.* Focus On: Is There a Role for the United Nations in Conflict Resolution? // Journal of Peace Research. 1985. Vol. 22. № 3. P. 189—196.

Дата поступления статьи: 06.02.2017

Для цитирования: *Suleymanov A.V.* United Nations role in resolution international conflicts // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 86—94.

Сведения об авторе: *Сулейманов Алим Видадиевич* — канд. полит. наук, соискатель Нижегородского института Управления РАНХИГС (e-mail: alim-suleymanov@mail.ru).

© Suleymanov A.V., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-95-110

РОЛЬ РЕЗОЛЮЦИИ A/RES/S-30/1 В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ПОДХОДОВ ООН К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ НА ГЛОБАЛЬНОМ УРОВНЕ

А.А. Еремин, М.С. Еремина, Э.А. Абдурашитова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Статья рассматривает роль и влияние резолюции Генеральной ассамблеи ООН A/RES/S-30/1 «Наша общая приверженность эффективному решению мировой проблемы наркотиков и борьбе с ней» на современное состояние общемировых усилий по борьбе с глобальной проблемой наркотиков и формирование тенденции противодействия наркотрафику.

Показано развитие тенденции к поиску сбалансированных подходов формирования антинаркотической политики на национальном, региональном и глобальных уровнях, которая находит свое проявление в уходе от стандартных практик силового воздействия, характерных для концепции «Войны с наркотиками», в сторону ориентированных на человеколюбие и гуманизм альтернатив.

В заключительной части статьи делается вывод о существовании консенсуса среди отдельных развитых и развивающихся стран различных регионов относительно необходимости разработки и внедрения новых решений для глобальной проблемы наркотиков.

Авторы приходят к выводу, что все больше внимания в рамках международного сообщества уделяется социальной составляющей проблемы наркотиков, подразумевающей разработку и внедрение альтернативных судов и исправительных учреждений, стимулирование социально-экономического развития, мер по декриминализации и в отдельных случаях легализации.

Ключевые слова: наркотрафик, резолюция Генеральной ассамблеи ООН, антинаркотическая политика, международные отношения, транснациональная организованная преступность

В настоящее время проблема незаконного оборота наркотических веществ и наркотрафика приобрела поистине угрожающие масштабы, негативным образом сказываясь как на социально-экономической, так и на культурно-нравственной стороне жизни современного общества. Ситуация усугубляется еще и тем, что с развитием глобализационных процессов проблема широкого распространения наркотических веществ приняла небывалый прежде размах и вышла за сугубо национальные рамки, постепенно переместившись из сферы внутренней политики отдельных государств в область международных отношений. Подобного рода тенденция ставит перед всем мировым сообществом целый комплекс задач, связанных с противодействием тем вызовам, которые, ввиду особой социальной и гуманитарной значимости, угрожают нанести непоправимый ущерб здоровью и благополучию населения в глобальном, общемировом масштабе.

В данном контексте вполне логично, что определяющей тенденцией последних десятилетий становится стремление целого ряда международных акторов действовать в сфере борьбы с проблемой незаконного оборота наркотических веществ все имеющиеся на сегодняшний день ресурсы и возможности мирового

сообщества. В основе подобного подхода лежит рациональная идея, что существенный прогресс в данной области возможен только при условии налаживания полномасштабного международного сотрудничества между всеми заинтересованными сторонами — государствами, международными организациями, НПО и широким спектром общественных групп и даже частных лиц из самых разных стран мира¹.

Другой важнейшей предпосылкой успешного решения проблемы наркотрафика является постепенный переход от нормативно-правового регулирования данной сферы на национальном уровне к передаче соответствующих компетенций на уровень глобальный, непосредственным результатом чего должно стать формирование полноценной и высокоэффективной международно-правовой базы по противодействию широкому распространению наркотических веществ. Конечной целью данного процесса должен стать частичный переход нормативно-правового инструментария по борьбе с наркотрафиком из сферы национального законодательства в плоскость международного права. В этой связи представляется вполне логичным и целесообразным, что координация соответствующей деятельности должна осуществляться тем или иным глобальным органом, на роль которого ввиду своей универсальности подходит именно ООН.

Настоящее исследование посвящено детальному анализу новых подходов ООН к решению глобальной проблемы распространения наркотических и психотропных веществ, а также выявлению специфики данного процесса в контексте предполагаемого синтеза силовых и гуманитарных инструментов для повышения эффективности работы Управления ООН по наркотикам и преступности (United Nations Office on Drugs and Crime, UNODC). На основании поставленной авторами цели были определены задачи исследования, среди которых можно выделить следующие: выявить и изучить место резолюции ООН A/RES/S-30/1 «Наша общая приверженность эффективному решению мировой проблемы наркотиков и борьбе с ней» в иерархии подходов к решению проблемы нелегального оборота наркотических веществ; проанализировать феномен гуманизации инструментальных подходов к вопросу противодействия глобальному распространению наркотиков; и, наконец, рассмотреть перспективы декриминализации и социальной реинтеграции лиц, страдающих наркотической зависимостью, в общемировом масштабе.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Рассматриваемая в настоящем исследовании проблематика широко освещалась в работах как отечественных, так и зарубежных авторов. Что касается отечественной историографии, посвященной проблеме борьбы с нелегальным оборотом наркотических средств, то здесь следует, в первую очередь, отметить, что данная проблематика традиционно рассматривалась российскими исследователями в широком контексте глобальных социальных вызовов и угроз нового поколе-

¹ The Global Regime for Transnational Crime 2013. Council on Foreign Relations. URL: <http://www.cfr.org/transnational-crime/global-regime-transnational-crime/p28656> (accessed 11.09.2016).

ния. В этой связи представляется целесообразным особо отметить исследование Е.А. Степановой «Транснациональные угрозы: терроризм, наркотрафик, пиратство» [Степанова 2011: 141—148], подчеркивающее трансграничный характер вышеуказанной проблемы. К подобному пониманию специфики рассматриваемого вопроса относительно близка и О.Ю. Потемкина, продемонстрировавшая в своем исследовании «Наркотрафик — угроза международной безопасности» [Потемкина 2009: 170—198] комплексный подход и широкую трактовку понятия невоенных аспектов региональной и глобальной безопасности. В свою очередь, конфликтные аспекты взаимосвязи проблем экстремизма и наркотиков были досконально исследованы в одноименной статье Е.С. Серовой [Серова 2016: 293—298].

Обратимся теперь к зарубежной историографии исследуемого вопроса. Учитывая специфику проблематики настоящего исследования, авторами преимущественно были рассмотрены работы английских и американских исследователей-международников, политологов, историков и экономистов. В данном контексте особо следует выделить монографию Билла МакКоллума «Threat Posed by the Convergence of Organized Crime, Drug Trafficking, and Terrorism» [McCollum 2002: 64], посвященную, с одной стороны, теоретико-методологическим аспектам рассматриваемой проблемы, а с другой — конкретному вопросу конвергенции разного рода социально-экономических и политических вопросов, непосредственно связанных с проблемой наркотрафика. И, наконец, необходимо отметить целый комплекс работ американского исследователя Тима Роудса [Rhodes 2002: 85—94; Rhodes 2009: 193—201], посвященных таким аспектам глобального сотрудничества в сфере противодействия нелегальному обороту наркотических веществ, как: институционализация международного взаимодействия в рамках борьбы с ключевыми социальными вызовами современности (в том числе применительно к деятельности Управления ООН по наркотикам и преступности); эволюция и гуманизация практической деятельности глобальных структур в рассматриваемой сфере; социальная реинтеграция наркоманов; и, наконец, унификация национального законодательства в целях повышения эффективности борьбы с угрозой широкого распространения наркотических веществ.

СИЛОВЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С НАРКОТИКАМИ

В апреле 2016 г. состоялась знаковая во многих смыслах 30-я Специальная сессия Генеральной ассамблеи ООН, посвященная решению мировой проблемы наркотиков, давно вышедшей за пределы внутренней политики государств и уголовного кодекса. Со второй половины XX в. на фоне интенсивной глобализации появляется международный теневой рынок², в условиях которого наркотики стали идеальным катализатором для появления и роста международной организованной преступности.

² The Global Regime for Transnational Crime 2013. Council on Foreign Relations. URL: <http://www.cfr.org/transnational-crime/global-regime-transnational-crime/p28656> (accessed 11.09.2016).

В конечном итоге за последние несколько десятков лет наркотики всерьез закрепились в статусе наиболее прибыльной нелегальной деятельности, способной принести баснословную выгоду преступным организациям. При определенных условиях наркотики гарантируют практически неисчерпаемый денежный ресурс, что вкупе с трансграничным характером проблемы наркотрафика делает почти невозможным эффективную самостоятельную борьбу для отдельных государств.

Не секрет, что борьба с незаконным оборотом наркотиков ведется уже давно как на национальном, так и на глобальном уровне, но лишь в последние годы все очевидней становится невозможность ее осуществления исключительно силовыми методами. Наиболее наглядным и ярким примером в этой связи может служить концепция «Войны с наркотиками» [Matlin, Told, Tinasti 2014], которая была инициирована в США еще в прошлом веке президентом Ричардом Никсоном. На протяжении десятков лет правительство Соединенных Штатов вело ожесточенную борьбу с наркотрафиком, используя все более жесткие методы, но, несмотря на это, практически каждый год статистика по контрабанде незаконных наркотических веществ доказывала полную несостоятельность данной практики^{3,4}. Спорные методы «Войны с наркотиками», реализуемой США, подверглись критике не только внутренней, но и внешней, когда правительство этой страны начало проводить полномасштабные операции на иностранной земле. Пиком несостоятельности силовых подходов стали так называемые «План Колумбия»⁵ и «Инициатива Мерида»⁶, добившиеся успеха лишь номинально, при этом провалившиеся по всем остальным фронтам.

РОЛЬ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В АКТИВИЗАЦИИ БОРЬБЫ С НАРКОТРАФИКОМ

Очевидно, что США — не единственная страна Западного полушария, страдающая от наркотрафика. Государства Латинской Америки долгое время ведут тяжелую борьбу с незаконным оборотом наркотических веществ, хотя их роль несколько отличается от роли Соединенных Штатов: они играют в данной схеме не столько роль рынка сбыта, сколько являются странами-производителями или транзитными странами. Тем не менее, в латиноамериканском регионе давно принято считать наркотики и наркопреступность проблемой с глубокими социальными

³ Всемирный доклад о наркотиках 2016. Резюме. / Управление ООН по наркотикам и преступности. URL: http://objects.antiprop.ru/narkotiki03/20160628_wdr2016ru.pdf (дата обращения: 09.09.2016).

⁴ Всемирный доклад о наркотиках 2015. Резюме. / Управление ООН по наркотикам и преступности. URL: http://www.unodc.org/documents/wdr2015/WDR15_ExSum_R.pdf (Дата обращения 09.09.2016).

⁵ Cooper, M. Plan Colombia. Wrong issue, wrong enemy, wrong country. The Nation. Washington D.C.: 2001. URL: <https://www.thenation.com/article/plan-colombia/> (accessed: 10.09.2016).

⁶ Merida Initiative / U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/j/inl/merida> (accessed 09.09.2016).

ми предпосылками⁷, базирующейся на таких явлениях общества, как неравенство, низкий уровень образования, неэффективная система здравоохранения, высокая безработица, незащищенность целых слоев населения и многих других.

В этом контексте применение силовых методов к решению проблемы наркотиков все больше приобретает черты борьбы с симптомами, а не с первопричиной. Именно социально ориентированный подход стал отличительной чертой латиноамериканских подходов нашего десятилетия, будучи зафиксирован в «Плане Западного полушария по борьбе с незаконным оборотом наркотиков 2011—2015»⁸. Сторонником данного метода является нынешний президент Мексики Энрике Пенья Ньето, пришедший к власти после Фелипе Кальдерона, сделавшего ставку на военное решение проблемы наркокартелей. Ньето стал одним из первых латиноамериканских лидеров, кто открыто заявил, что успех борьбы с наркотиками лежит не в использовании оружия, а в здоровой экономике, стабильном притоке иностранных инвестиций и сильной социальной политике государства.

В связи с этим особенно интересным представляется то, что 30-я Специальная сессия Генассамблеи ООН была инициирована конкретно Мексикой, Колумбией и Гватемалой — государствами, которые больше других подвержены негативному влиянию этого нового вызова международной и региональной безопасности. Суть призыва делегаций этих трех стран заключалась в том, чтобы найти сбалансированное и гуманное решение для глобальной проблемы наркотиков.

Необходимо отметить, что именно президент Мексики Энрике Пенья Ньето на пленарном заседании Специальной сессии с исключительной четкостью определил суть проблемы и ее актуальность: «Мы должны пойти дальше политики запрета и активизировать меры по предотвращению предложения и спроса на наркотики»⁹. В своем выступлении он также отметил, что его страна за последние пять лет столкнулась с беспрецедентным ростом насилия, связанного с наркотиками. Из-за подобного роста смертности продолжительность жизни мужчин в Мексике сократилась практически в два раза.

Если говорить об общемировом масштабе, то на данный момент в мире насчитывается больше 250 млн наркоманов. Больше десятой части от этого числа составляют те, кому необходимо лечение от наркотической зависимости. При этом каждый год больше 200 тыс. человек погибают из-за причин, связанных с наркоторговлей¹⁰.

⁷ Hemispheric Plan of Action, 2011—2015. URL: http://www.cicad.oas.org/Main/Template.asp?File=/main/aboutcicad/basicdocuments/plan-action_eng.asp (accessed 19.09.2016).

⁸ Там же.

⁹ В Нью-Йорке завершилась 30-я Специальная сессия Генеральной ассамблеи ООН по наркотикам. Центр Новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25813#.V9ZoIpiLSU1> (дата обращения 10.09.2016).

¹⁰ Всемирный доклад о наркотиках 2016. Резюме. Управление ООН по наркотикам и преступности. URL: http://objects.antiprop.ru/narkotiki03/20160628_wdr2016ru.pdf (дата обращения 09.09.2016).

РОЛЬ РЕЗОЛЮЦИИ A/RES/S-30/1 В ВЫРАБОТКЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ К БОРЬБЕ С НАРКОТОРГОВЛЕЙ

По итогам Специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН 19 апреля 2016 г. была принята резолюция A/RES/S-30/1 «Наша общая приверженность эффективному решению мировой проблемы наркотиков и борьбе с ней»¹¹. В данном документе ООН признается необходимость поиска и создания нового, сбалансированного, всеобъемлющего и основанного на достижениях современной науки подхода к решению глобальной проблемы наркотиков. Основную роль в данном подходе, как отмечается в резолюции, должны играть такие принципы и механизмы, как гражданское общество и его инструментарий, а также научное сообщество. Интересно, что именно здесь научное сообщество впервые фигурирует как основополагающий фактор в поиске эффективных подходов к общемировой проблеме наркотиков, недвусмысленно указывая на необходимость опираться не столько на силу оружия, сколько на силу разума.

Первая часть резолюции посвящена признанию ООН серьезности глобальной проблемы наркоторговли и фиксированию их намерений по непримиримой борьбе с ней. При этом страны-участницы в 23 параграфах рассматривают конкретные аспекты проблемы, параллельно подтверждая приверженность трем предыдущим международным конвенциям о контроле над наркотиками, но ими не ограничиваясь.

Так, например, среди наиболее важных моментов для поиска сбалансированного подхода к борьбе с наркотиками следует упомянуть то, что государства — члены ООН признают, что «Мировая проблема наркотиков остается вызовом для всего человечества»¹², фактически подтверждая международный статус данной проблемы. Генеральная ассамблея признала, что «...решение мировой проблемы наркотиков остается общей и совместной обязанностью, которая должна выполняться на многосторонней основе посредством эффективного и более широкого международного сотрудничества и требует применения комплексного, междисциплинарного, взаимукрепляющего, сбалансированного, научно обоснованного и всеобъемлющего подхода»¹³. В дополнение к этому, в резолюции также говорится о том, что ключом к эффективной борьбе с наркотиками в общемировом масштабе «является сотрудничество и координация национальных ведомств на всех уровнях»¹⁴. Продолжая эту мысль, стоит отметить особую необходимость

¹¹ Резолюция Генеральной ассамблеи ООН A/RES/S-30/1 «Наша общая приверженность эффективному решению мировой проблемы наркотиков и борьбе с ней». URL: <http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=A/RES/S-30/1> (дата обращения: 10.09.2016).

¹² Итоговая резолюция ССГА ООН по проблеме наркотиков. Eurasian Harm Reduction Network. URL: <http://www.harm-reduction.org/ru/ungass%20resolution> (дата обращения: 10.09.2016).

¹³ Резолюция Генеральной ассамблеи ООН A/RES/S-30/1 «Наша общая приверженность эффективному решению мировой проблемы наркотиков и борьбе с ней». URL: <http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=A/RES/S-30/1> (дата обращения: 10.09.2016).

¹⁴ UN General Assembly Special Session on Drugs (UNGASS) 2016 // International Drug Policy Consortium. URL: <http://idpc.net/events/2016/04/un-general-assembly-special-session-on-drugs-ungass-2016> (accessed 09.09.2016).

расширять помощь развивающимся странам, которые не имеют возможности самостоятельно бороться с такой масштабной угрозой, как глобальная проблема наркотиков. Отмечается, что нельзя забывать и о странах транзита, которые наряду со странами-производителями и странами-реципиентами наркотиков подвержены негативному влиянию проблемы наркотрафика.

Признается, что наркотики порождают целый ряд вызовов, среди которых — угрозы безопасности, в том числе «системе здравоохранения, социального обеспечения, прав человека, экономического развития, правосудия, общественной безопасности и охраны правопорядка»¹⁵. При этом в документе подтверждается, что особое внимание должно уделяться отдельным личностям, семьям и социальным группам; а также необходимо учитывать гендерные и возрастные аспекты при составлении стратегий и политик против наркотиков на всех уровнях.

ООН признает, что проблема наркотиков имеет динамичный и изменчивый характер, требующий постоянного развития подходов и методов решения. Это вызвано существованием определенных «хронических, новых и меняющихся вызовов»¹⁶, к которым необходимо своевременно адаптировать стратегии и практики, направленные на борьбу с наркотиками. Именно это и обуславливает следующий пункт, который невозможно не отметить, что Генеральная ассамблея признает исключительную роль гражданского общества, научного сообщества и академических кругов в поиске оптимального решения общемировой проблемы наркотиков. Постулируется, что затронутые наркотрафиком слои населения и группы лиц через институты гражданского общества должны иметь возможность принимать участие в разработке и применении на практике политик и программ снижения спроса и предложения нелегальных субстанций. Здесь особенно важно то, что из безоговорочного ведения правоохранительных структур вопрос борьбы с наркотиками попадает к более широкому кругу лиц и институтов, способных обеспечить разнообразие подходов и взглядов.

Однако признанием всего вышеперечисленного резолюция не ограничивается, в документе также содержится ряд практических рекомендаций, направленных на: снижение спроса, в том числе меры по профилактике, лечению и социальной адаптации наркозависимых; решение проблемы контроля прекурсоров¹⁷; усиление деятельности правоохранительных структур в сфере борьбы с организованной преступностью, отмыванием денег, а также усиление сотрудничества судебных органов; решения проблем альтернативного развития, решения социально-экономических вопросов и реализации сбалансированных политик по контролю над наркотиками; а также решение общих проблем, связанных с наркотрафиком, в том

¹⁵ Резолюция Генеральной ассамблеи ООН A/RES/S-30/1 «Наша общая приверженность эффективному решению мировой проблемы наркотиков и борьбе с ней». URL: <http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=A/RES/S-30/1> (дата обращения: 10.09.2016).

¹⁶ Итоговая резолюция ССГА ООН по проблеме наркотиков. Eurasian Harm Reduction Network. URL: <http://www.harm-reduction.org/ru/ungass%20resolution> (дата обращения: 10.09.2016).

¹⁷ Прекурсоры — вещества, часто используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ.

числе и вопросов обеспечения прав человека¹⁸. Рассмотрим наиболее интересные и инновационные меры для ООН, представленные в апрельской резолюции.

Главными отправными точками в деле снижения спроса в резолюции A/RES/S-30/1 являются «профилактика злоупотребления наркотиками» и «лечение на почве употребления наркотиков, реабилитация и социальная реинтеграция», достигать которых предложено следующими способами.

С точки зрения профилактики выделяется особая значимость предоставления точной информации обществу о наркотических веществах и их последствиях. Вкупе с этим предлагается на базе научных инноваций в социальной сфере создать универсальную и эффективную систему по предотвращению наркомании как среди широких слоев населения, так и у конкретных социальных групп. Согласно резолюции, необходимо использовать информационно-разъяснительные кампании как на базе школьных программ, так и Интернета, и социальных сетей. При этом крайне важно проводить меры по повышению квалификации, позволяющие сотрудникам сфер образования и здравоохранения овладеть необходимыми компетенциями. Все вышеперечисленное должно сочетаться с развитием условий для отдыха, развлечений и организации времяпрепровождения таким образом, чтобы содействовать осознанному выбору здорового образа жизни, в особенности в рядах молодежи¹⁹.

Параллельно признается тот факт, что наркозависимость — сложное и многопричинное явление, обусловленное социальными причинами и последствиями. Для лечения наркоманов необходимо проводить комплексный последовательный уход, подразумевающий не только прохождение реабилитационной программы, но и дальнейшее содействие наркозависимому человеку в его социальной реинтеграции, т.е. поиска своего места в обществе. Постулируется необходимость не только бороться с самой наркотической зависимостью, но и противостоять сопутствующим болезням, в частности ВИЧ, вирусному гепатиту и другим инфекционным заболеваниям. Особое внимание уделяется тому, чтобы подобные медицинские услуги оставались общедоступны²⁰.

В деле борьбы с наркопреступностью Генассамблея ООН предлагает делать ставку не столько на силовые методы, сколько на превентивные меры по отношению к организованной преступности. В частности, предлагается активизация деятельности по предотвращению отмывания денежных средств, полученных от продажи наркотиков²¹. Вкупе с решением социальных проблем подобные меры призваны подорвать финансовое благополучие наркопреступности и сделать данный вид незаконной деятельности менее привлекательным для незащищенных слоев населения. В сфере же непосредственного противодействия незаконному обороту наркотиков предлагается интенсифицировать обмен информацией и техническое

¹⁸ Резолюция Генеральной ассамблеи ООН A/RES/S-30/1 «Наша общая приверженность эффективному решению мировой проблемы наркотиков и борьбе с ней». URL: <http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=A/RES/S-30/1> (дата обращения: 10.09.2016).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

сотрудничество между правоохранительными органами стран-участниц, а также адаптация к быстро меняющимся условиям наркотрафика, для чего необходимо своевременно отслеживать соответствующие тенденции и применять передовые научно обоснованные практики.

Отдельно в резолюции рассматривается необходимость уделить особое внимание социально незащищенным слоям населения, особенно уязвимым к такой глобальной проблеме, как наркотрафик: женщинам, беременным женщинам, детям и лицам без определенного места жительства. Важно понимать, почему именно представители этих социальных групп более других подвержены вовлечению в незаконный оборот наркотиков, а также содействовать разработке эффективных мер национального законодательства, которые смогли бы защитить данные группы риска от опасностей и эксплуатации со стороны наркопреступности. Также указывается, что уровень предоставляемых услуг должен соответствовать представлениям о правах человека и не унижать человеческого достоинства²². Важно и то, что наряду с вышеперечисленными мерами речь идет также о разработке и поощрении альтернативных мер осуждения и наказания, которые позволили бы избежать излишней криминализации тех участников наркотрафика, которые еще имеют все шансы на социальную реинтеграцию и нормальную жизнь в обществе. Согласно документу необходимо содействовать «применению на национальном уровне политики, процедур и руководящих принципов вынесения соразмерных приговоров за преступления, связанные с наркотиками, согласно которым степень строгости наказания должна быть соразмерна степени тяжести преступления и согласно которым должны учитываться как смягчающие, так и отягчающие обстоятельства»²³. К слову, это тоже одна из практик, активно развивающаяся в странах Латинской Америки и показывающая впечатляющие результаты.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ

Особое внимание в документе уделено социально-экономическим вопросам. В частности, рассматривается необходимость борьбы с незаконной культивацией растений, при этом обеспечивая бедным странам альтернативные пути для экономического развития. Главными пунктами в этом контексте являются искоренение бедности, развитие сельского хозяйства и предоставление наиболее уязвимым странам более благоприятных условий в сфере торговли. Параллельно с этим предлагается ужесточить контроль над посевами и осуществлять сильное привлечение местных сообществ к вопросу переориентации сельскохозяйственной деятельности бедных стран с культивации наркотических растений на более приемлемые виды деятельности.

²² Резолюция Генеральной ассамблеи ООН A/RES/S-30/1 «Наша общая приверженность эффективному решению мировой проблемы наркотиков и борьбе с ней». URL: <http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=A/RES/S-30/1> (дата обращения: 10.09.2016).

²³ Там же.

Документ также содержит ряд рекомендаций технического и финансового характера, рекомендации по проблеме прекурсоров, а также ряд пунктов, соотносящих данную резолюцию с предыдущими документами ООН по данной тематике. Характерно, что международная система борьбы с наркотиками зиждется на трех конвенциях ООН — Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., Конвенции о психотропных веществах 1971 г. и Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.²⁴ ООН располагает и другими документами в этой сфере, но именно эти три конвенции имеют статус основополагающих. Апрельская резолюция же объективно имеет все шансы собрать воедино весь тот прогресс, который за последние годы был достигнут в сфере борьбы с наркотрафиком как в рамках ООН и его отдельных структур, так и на уровне отдельных регионов и стран; тем самым создав необходимый базис для дальнейшего формирования новых основополагающих документов.

Было бы некорректно говорить, что вышеупомянутые положения апрельской резолюции являются принципиально новыми — концепция сбалансированного подхода к решению проблемы наркотиков целенаправленно развивалась как в латиноамериканском регионе, так и на глобальном уровне в рамках самой Организации Объединенных Наций. Выше авторами уже упоминался план Западного полушария по борьбе с незаконным оборотом наркотиков 2011—2015²⁵, но существуют также и более ранние документы со схожей позицией. В первую очередь имеется ввиду «Политическая декларация и план действий по налаживанию международного сотрудничества в целях выработки комплексной и сбалансированной стратегии борьбы с мировой проблемой наркотиков» 2009 г.²⁶ [Matlin, Told, Tinasti 2014], где большое внимание уделяется необходимости противодействия не только предложению, но и спросу на нелегальные вещества.

Более того, сама ООН с 1997 г. имеет в своем распоряжении такой профильный орган, как Управление ООН по наркотикам и преступности, в чью компетенцию входит борьба с широчайшим спектром проблем, в том числе и с незаконным оборотом наркотиков и преступностью, которую она порождает. В рамках данного направления управление предоставляет экспертные независимые оценки существующих тенденций, занимается разработкой программ, стратегий и комплексных решений; осуществляет техническую подготовку специалистов, тренинги и повышение их квалификации; а также принимает участие в создании и продвижении международных договоров и соглашений в данной сфере. Если говорить

²⁴ В Нью-Йорке завершилась 30-я Специальная сессия Генеральной ассамблеи ООН по наркотикам. Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25813#.V9ZoIpiLSUl> (дата обращения: 10.09.2016).

²⁵ Hemispheric Plan of Action, 2011—2015. URL: http://www.cicad.oas.org/Main/Template.asp?File=/main/aboutcicad/basicdocuments/plan-action_eng.asp (accessed: 19.09.2016).

²⁶ Политическая декларация и План действий по налаживанию международного сотрудничества в целях выработки комплексной и сбалансированной стратегии борьбы с мировой проблемой наркотиков. Управление ООН по наркотикам и преступности. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/drugs_politdecl.pdf (дата обращения: 09.09.2016).

конкретно о рассматриваемом в статье аспекте, то деятельность Управления по наркотикам и преступности производится в трех основных направлениях: борьба с незаконным оборотом наркотиков, профилактика наркомагии и ее лечение, альтернативное развитие. Как можно заметить, подобное разделение вполне соответствует общей логике апрельской резолюции, что в очередной раз говорит об отсутствии в ней принципиально новых положений и революционных концепций. Также стоит отметить, что вышеупомянутая структура ООН активно сотрудничает с Организацией американских государств и межамериканской комиссией по борьбе со злоупотреблением наркотическими веществами.

Нельзя также не упомянуть Международный комитет по контролю над наркотиками, созданный еще в 1968 г. Согласно положениям самого органа, он является неким контролирующим органом ООН, в чьей компетенции находится мониторинг ситуации в мире относительно проблемы наркотиков и имплементация конвенций и резолюций ООН по наркотикам. В частности, деятельность комитета фокусируется на контроле проблемы прекурсоров и контролируемых веществ на глобальном и национальных уровнях, а также контроле эффективности антинаркотических политик отдельных государств и активной помощи в их усовершенствовании²⁷. Данная структура Организации Объединенных Наций также выпускает ежегодный отчет, где рассматриваются тенденции борьбы с проблемой наркотиков и процесс адаптации решений, конвенций, резолюций и стратегий ООН отдельными странами.

Таким образом, комитет выполняет некую контролирующую функцию, которая активно продвигает практическое применение выработанных в рамках мирового сообщества решений. В первую очередь, комиссия делает акцент на трех основополагающих конвенциях 1961, 1971 и 1988 гг. Если же рассматриваемая в статье резолюция A/RES/S-30/1 окажется успешной и действительно даст толчок дальнейшему переосмыслению подхода к борьбе с наркотиками в целом, то это самым прямым образом повлияет и на направленность работы Международного комитета по контролю над наркотиками.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ РЕЗОЛЮЦИИ

Необходимо понимать, что ценность рассматриваемого документа заключается далеко не только в том, что он содержит ранее неизвестные экспертному и научному сообществу положения, сколько в том, что отдельные направления, в основном находившие свою реализацию в виде конкретных программ, ложатся в основу единого всеобъемлющего документа такого уровня. Именно масштабность, комплексность и ставка на усиление синергии различных сфер борьбы с глобальной проблемой наркотиков позволяют говорить о попытке создания действительно сбалансированного подхода, содержащего в себе весь положительный опыт, накопленный мировым сообществом в борьбе с наркотическими веществами.

²⁷ International Narcotic Control Board. Mandate and functions. URL: <http://www.incb.org/incb/en/about/mandate-functions.html> (accessed: 09.10.2016).

Нельзя забывать о том, что принятие данного документа было фактически лоббировано представителями латиноамериканских стран. Пока все передовые участники международных отношений, в особенности Соединенные Штаты Америки, заняты реализацией собственных амбиций на Ближнем Востоке, страны третьего мира, а именно Латинской Америки, активно борются с таким серьезным глобальным вызовом, как наркотрафик. Эта проблема, как показывает практика, не менее реальна, чем угроза международного терроризма, захватившая внимание наиболее влиятельных акторов на мировой арене. Но при этом будет справедливо отметить, что с проявлениями наркотрафика человечество сталкивается значительно чаще — о чем свидетельствует цифра в более чем 200 тыс. смертей ежегодно.

Можно предположить, что Латинская Америка наиболее подвержена проблеме наркопреступности и именно поэтому так активно инициирует ее обсуждение в рамках ООН, исходя из собственных интересов. В целом приходится согласиться, что данный регион испытывает значительно большие по масштабу затруднения, связанные с проблемой наркотиков. Мексика при населении в 121 млн человек имеет крайне негативную статистику по преступлениям: в 2014 г. 22,4 млн граждан этой страны заявили о том, что стали жертвой преступления. Общее же количество преступлений за указанный период было зафиксировано на уровне 33,1 млн случаев²⁸. К сожалению, полностью полагаться на статистические данные невозможно — в Мексике о немалой части преступлений не сообщается. Тем не менее наблюдаются устойчивые изменения в самой структуре преступлений — похищения с целью выкупа и вымогательство снизились за последние годы на 39% и 19%, но при этом значительно увеличилась доля убийств. По статистике в период с 2000 г. по 2013 г. в Мексике было убито более 215 тыс. человек²⁹.

Однако стоит отметить, что позицию латиноамериканских государств на пленарном заседании Специальной сессии разделили и другие страны, в числе которых находится РФ. В обращении президента РФ к Генеральной ассамблее ООН, В. Путин признал международный статус проблемы наркотиков, указал на высокий уровень угрозы, который представляет собой наркобизнес и подчеркнул финансовые связи наркокартелей с террористическими и экстремистскими группировками³⁰.

Глава российской делегации А. Хлопонин в своем выступлении высказал мнение о том, что мировое сообщество не преуспело в своих попытках блокировать поток наркотических веществ, берущих начало в Афганистане. Несмотря на то что многие скептики признают поражение в войне с наркотиками, глава российской делегации призвал к достижению новой степени солидарности и сплочен-

²⁸ Woody C. Mexico's president appears to be fudging numbers about the biggest threat to the country. Business Insider. URL: <http://www.businessinsider.com/mexico-crime-rates-2015-9> (accessed: 12.09.2016).

²⁹ Там же.

³⁰ В Нью-Йорке завершилась 30-я Специальная сессия Генеральной ассамблеи ООН по наркотикам. Центр Новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25813#.V9ZoIpiLSUl> (дата обращения: 10.09.2016).

ния по вопросам борьбы с наркотическими веществами. Более того, исполнительный директор Управления ООН по наркотикам и преступности Ю. Федотов отметил, что принятый по итогам Специальной сессии документ позволяет вести активное противодействие наркотрафику в сферах «образования, здравоохранения, защиты прав человека, безопасности и устойчивого развития»³¹. Это позволяет уделять особое внимание именно человеческому фактору, что делает подобный подход сбалансированным и гуманным.

Можно сделать вывод, что позиция таких латиноамериканских стран, как Колумбия, Мексика, Гватемала во многом схожа с позицией России и обусловлена неподдельным желанием осуществлять результативную, эффективную и безопасную борьбу с наркотрафиком и связанной с этим явлением организованной преступностью.

Уникальность резолюции A/RES/S-30/1 заключается в ее масштабности и комплексном характере. Большое внимание уделяется пониманию необходимости бороться не только с самими наркотиками, но и со спросом на них, ведь при постоянно растущей потребности всегда найдутся желающие рискнуть своим благополучием и здоровьем, чтобы быстро разбогатеть и обеспечить себе такую жизнь, которая была бы недостижима честным трудом. Именно поэтому необходимо повышать общий уровень жизни в странах третьего мира, работать над сокращением пропасти между верхним и нижним классами, решением проблемы безработицы, обеспечением качественного и общедоступного образования — все это должно гармонично сочетаться с деятельностью правоохранительных органов, чтобы эффективно и без существенных перекосов осуществлять борьбу как с симптомами, так и с первопричиной глобальной проблемы наркотиков.

При этом важно не забывать о том, что наркозависимые люди не обязательно являются криминальными элементами по своей природе — они, в первую очередь, представляют собой больных, которым необходима профессиональная помощь. Упомянутый в начале статьи негативный опыт США в сфере борьбы с наркотиками также доказал, что криминализация наркоманов не приводит ни к чему иному, как к общему повышению количества арестов и заключенных в тюрьмах; когда оказание квалифицированной и последовательной помощи может вернуть этих вырванных из жизни общества людей на свое место. Мировое сообщество уже не первый год спорит на тему эффективности и перспективности альтернативных судов для лиц с наркотической зависимостью. При этом многие европейские страны уже частично используют подобные практики, среди них: Австрия, Германия, Нидерланды, Великобритания, Испания, Португалия, Франция, Швеция и ряд других.

Новый подход к борьбе с наркотиками в очередной раз напоминает мировому сообществу, что в основании этой глобальной проблемы находятся самые обычные

³¹ В Нью-Йорке завершилась 30-я Специальная сессия Генеральной ассамблеи ООН по наркотикам. Центр Новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25813#.V9ZoIpiLSU1> (дата обращения: 10.09.2016).

граждане, не способные самостоятельно противостоять этому явлению. Именно поэтому резолюция A/RES/S-30/1 и делает ставку на принципы гуманизма, ведь в противном случае борьба с наркотиками начинает осуществляться ради себя самой, забывается главная цель — обеспечение благосостояния людей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Потемкина О.Ю.* Наркотрафик — угроза международной безопасности // Россия и Европа: невоенные аспекты безопасности. Институт Европы РАН. М.; 2009. С. 170—198.
- Серова Е.С.* Конфликтотенные аспекты взаимосвязи проблем экстремизма и наркотиков // Конфликтология. Т. 2. СПб.; 2016. С. 293—298.
- Степанова Е.С.* Транснациональные угрозы: терроризм, наркотрафик, пиратство // Россия в полицентричном мире. ИМЭМО; 2011. С. 141—148.
- Cardesa-Salzmann A.* Transnational Environmental Crime and the Resilience of International Law: Shaping Illegality in Multilateral Environmental Agreements. In: Joint International Environmental Law — International Legal Theory Interest Group Meeting: The Resilience of Law, European Society of International Law. Latvia, Riga; 2016.
- Latest F., Fryklund I.* On Drugs and Democracy. In: Foreign Policy in Focus. 2012.
- Matlin S.A., Told M., Tinasti N.* Time to Revisit Drug Policies: Towards the UNGA Special Session on Drugs. Graduate Institute of International and Development Studies, Geneva; 2014.
- McCullum B.* Threat Posed by the Convergence of Organized Crime, Drug Trafficking, and Terrorism. Darby: Diane publishing; 2002.
- Ritter A.* Methods for comparing drug policies — The utility of composite Drug Harm Indexes // The International Journal on Drug Policy. 2009. Vol. 20. N 6. P. 475—479.
- Rhodes T.* «The risk environment»: a framework for understanding and reducing drug-related harm // The International Journal of Drug Policy. 2002. Vol. 2. Is. 13. P. 85—94.
- Rhodes T.* Risk environments and drug harms: A social science for harm reduction approach // International Journal of Drug Policy. 2009. Vol. 20. Is. 3. P. 193—201.
- Ruiz A.R., Correa L.H., Leon D.O., Williams S.* Coca Cultivation and Crop Eradication in Colombia: the Challenges of Integrating Rural Reality into Effective Anti-drug Policy // The International Journal of Drug Policy. 2016. N 33. P. 56—65.
- Sandvik K.B., Hoelscher K.* The Reframing of the War on Drugs as a “Humanitarian Crisis”: Costs, Benefits, and Consequences // Latin American Perspectives. 2016. Vol. 20. N 30. P. 1—15.
- Saenz E., Busse A., Tomas J., Clark N.* Major International Challenges in Addiction Treatment: The Experience of TreatNet and Beyond. In: el-Guebaly N., Carrà G., Galanter M. editors. Textbook of Addiction Treatment: International Perspectives. Springer; 2015. p. 2459—2471.
- Unlu A., Kapti A.* Failed alternative development programs: An implementation analysis of coca supply-reduction programs in Bolivia // International Journal of Public Policy. 2012. Vol. 8. N 1, 2, 3. P. 160—179.
- Umpierrez E., Chung H., Iversen L., Ifeagwu S.* Terminology and Information on Drugs. United Nations Publication. UNDOC; 2016.

Дата поступления статьи: 24.09.2016

Для цитирования: Еремин А.А., Еремина М.С., Абдурашитова Э.А. Роль резолюции A/RES/S-30/1 в формировании новых подходов ООН к противодействию незаконному обороту наркотиков на глобальном уровне // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 95—110.

Сведения об авторах:

Еремин Аркадий Алексеевич — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 79151775018@yandex.ru).

Еремина Мария Сергеевна — магистр кафедры маркетинга экономического факультета Российского университета дружбы народов (e-mail: mariya.eremina1@ru.neste.com).

Абдурашитова Эльнора Абдурашитовна — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: elnura.sv@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-95-110

**THE INPUT OF RESOLUTION A/RES/S-30/1
IN THE FORMATION OF THE NEW GLOBAL
ANTI-DRUG APPROACHES**

A.A. Eremin, M.S. Eremina, E.A. Abdurashitova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The problem with proliferation of illicit narcotic and psychotropic substances has existed for as long as the humanity itself. However only relatively recently it has evolved into an international issue. It is hard to argue that the world drug problem cannot be solved only by the efforts of just one country. For these reasons international community has united their efforts in order to effectively deal with the problem of drugs that is not limited by certain country or region.

One of the most important mechanisms of effort coordination against the drug traffic on the international level is the United Nations. The modern developments in the sphere of finding proper ways of combating illicit drug trade have shown that the international community tends to believe that drugs do not only damage the health of users, but provide a wide variety of social, economic and security risks. Keeping that in mind, the importance of the recently adopted resolution of the UN General Assembly on the issue of drugs is obvious and demonstrates high interest of the World in forming a balanced and effective way to fight the illicit drug trade. Most recent United Nations resolution A/RES/S-30/1 thus poses an immediate scientific interest in terms of researching the potential of the global anti-drug efforts. The article also critically assesses the current approaches towards combating illicit drugs, among which are the traditional coercive approaches of the War on Drugs and various “zero tolerance” policies.

Key words: narcotraffic, UN General Assembly resolution, anti-drug policy, international relations, transnational organized crime

REFERENCES

- Cardesa-Salzmman, A. (2016). *Transnational Environmental Crime and the Resilience of International Law: Shaping Illegality in Multilateral Environmental Agreements*. In: *Joint International Environmental Law. International Legal Theory Interest Group Meeting: The Resilience of Law, European Society of International Law*. Riga.
- Latest, F., & Fryklund, I. (2012). On Drugs and Democracy. *Foreign Policy in Focus*.
- Matlin, S. A., Told, M., & Tinasti, N. (2014). *Time to Revisit Drug Policies: Towards the UNGA Special Session on Drugs*. Graduate Institute of International and Development Studies, Geneva.
- McCullum, B. (2002). *Threat Posed by the Convergence of Organized Crime, Drug Trafficking, and Terrorism*. Darby: Diane publishing.
- Potemkina, O. Yu. (2009). Narcotraffic — international security threat. In: *Russia and Europe: non-military aspects of security*. Russian academy of science. P. 170—198. (In Russ.).

- Ritter, A. (2009). Methods for comparing drug policies — The utility of composite Drug Harm Indexes. *The International Journal on Drug Policy*, 20 (6), 475—479.
- Rhodes, T. (2002). “The risk environment”: a framework for understanding and reducing drug-related harm. *The International Journal of Drug Policy*, 2 (13), 85—94.
- Rhodes, T. (2009). Risk environments and drug harms: A social science for harm reduction approach. *The International Journal of Drug Policy*, 20 (3), 193—201.
- Ruiz, A. R., Correa, L. H., Leon, D. O., & Williams, S. (2016). Coca Cultivation and Crop Eradication in Colombia: the Challenges of Integrating Rural Reality into Effective Anti-drug Policy. *The International Journal of Drug Policy*, 33, 56—65.
- Sandvik, K. B., & Hoelscher, K. (2016). The Reframing of the War on Drugs as a “Humanitarian Crisis”: Costs, Benefits, and Consequences. *Latin American Perspectives*, 20 (30), 1—15.
- Saenz, E., Busse, A., Tomas, J., & Clark, N. (2015). *Major International Challenges in Addiction Treatment: The Experience of TreatNet and Beyond*. In: el-Guebaly N., Carrà, G., Galanter M. editors. *Textbook of Addiction Treatment: International Perspectives*. Springer. p. 2459—2471.
- Serova, E. S. (2016). *Conflictological aspects of correlation between extremism and drugs*. In: *Conflictology*, 2. p. 293—298. (In Russ.).
- Stepanova, E. S. (2016). *Transnational threats: terrorism, drug traffic, piracy*. In: *Russia in the poly-centric world*. IMEMO. p. 141—148.
- Unlu, A., & Kapti, A. (2012). Failed alternative development programs: An implementation analysis of coca supply-reduction programs in Bolivia. *International Journal of Public Policy*, 8 (1, 2, 3), 160—179.
- Umpierrez, E., Chung, H., Iversen, L., & Ifeagwu, S. (2016). *Terminology and Information on Drugs*. United Nations Publication.

Received: 08.02.2017

For citations: Eremin, A.A., Eremina, M.S., Abdurashitova, E.A. (2017). The input of resolution A/RES/S-30/1 in the formation of the new global anti-drug approaches. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 95—110.

About the authors:

Eremin Arkadii Alekseevich — postgraduate student, Assistant of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: 79151775018@yandex.ru).

Eremina Mariya Sergeevna — Master of Marketing Department of RUDN University (e-mail: mariya.ereмина1@ru.neste.com).

Abdurashitova El'nura Abdurashitovna — postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: elnura.sv@mail.ru).

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-111-121

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БЕЛОРУССКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

К.В. Ших

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена белорусско-израильским отношениям на современном этапе. Автор отмечает отсутствие израильских комплексных исследований данной проблемы и полагает, что тема нуждается в дальнейшем изучении. Приводится краткий исторический очерк двусторонних межгосударственных отношений. В статье дана характеристика политического диалога двух стран. Подчеркиваются тесные связи белорусских властей с представителями одной из крупнейших партий Израиля. Исследуется тенденция развития двустороннего политического взаимодействия.

В статье приводятся примеры совместной кооперации в экономической сфере. Дается характеристика наиболее успешных проектов в различных отраслях экономики. Автор систематизирует информацию о проделанной совместной работе двух сторон по наращиванию двустороннего товарооборота. Автор статьи обращает внимание на оживление двусторонних контактов по всем направлениям за последнее время. Подводятся итоги и результаты двустороннего сотрудничества в этой сфере.

Уделяется особое внимание деятельности Всеизраильского объединения выходцев из Беларуси в Израиле. В частности, автор рассматривает историю создания объединения и ее деятельность на современном этапе, анализирует процесс интеграции выходцев из Беларуси в Израиле, подчеркивает важность наличия связей объединения с белорусским диппредставительством в Тель-Авиве.

В статье рассмотрены причины, по которым было принято решение о закрытии израильского посольства в Минске. Автор отмечает роль различных субъектов международных отношений в урегулировании данного процесса.

Ключевые слова: Республика Беларусь, Государство Израиль, сотрудничество, двусторонние отношения, экономика, политика, финансы, выходы, развитие

Белорусско-израильские отношения — тема, потенциал которой раскрыт не в полной мере и которая практически не освещена в Израиле. В связи с недавними событиями в двусторонних отношениях (отмена виз, закрытие и последующее открытие посольства Израиля в Минске), взгляд из Беларуси, кажется, будет оправдан и даже необходим. Цель данной статьи — проанализировать состояние двусторонних отношений за последние годы и выявить тенденции и указать на проблемы, существующие между этими государствами. Объектом данного исследования являются двусторонние отношения Республики Беларусь с Государством Израиль. Научная новизна заключается в том, что впервые в историографии комплексно исследуются белорусско-израильские двусторонние отношения. Для изучения заявленной темы были использованы источники из архива Министерства иностранных дел Республики Беларусь, Министерства иностранных дел Государства Израиль, белорусского посольства в Тель-Авиве, израильского посольства в Минске, израильского культурного центра в Минске.

ОБЗОР ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Дипломатические отношения между двумя странами были установлены 26 мая 1992 г. во время визита главы правительства и министра иностранных дел Беларуси в Иерусалим [Кирилюк 2014: 390]. Посольство Израиля в Минске действует с августа 1993 г., а посольство Беларуси в Тель-Авиве открылось в 1992 г.¹

Белорусские евреи оставили значимый след в истории Государства Израиль [Ермоленко 2008: 250]. Из 10 президентов трое (Х. Вейцман, З. Шазар и Ш. Перес) родились в Беларуси, а у Эзера Вейцмана — седьмого президента Израиля — родители родом из Пинска [Avi-Yonah, Peres 2001].

Среди израильских премьер-министров белорусское происхождение было у троих (М. Бегин, И. Шамир — дважды, Ш. Перес), тогда как у пяти других премьер-министров (Моше Шарета, Игаля Алона, Голды Меир, Ицхака Рабина и Ариэля Шарона) имеются корни на территории современной Беларуси [Ших 2014: 314].

Помимо этого, с момента основания современного Израиля белорусские евреи занимали самые высокие государственные посты: министры финансов, транспорта, сельского хозяйства, абсорбции и здравоохранения, десятки депутатов кнессета, два начальника Генерального штаба, основатели и лидеры ведущих политических партий, известные дипломаты, редакторы газет и руководители радиостанций [Июффе 2000].

В 2013 г. в Бресте появился памятник лауреату Нобелевской премии мира Менахему Бегину. В церемонии открытия приняли участие представители местной власти, дипломатических миссий в Бресте, посольства Израиля в Беларуси, Центра наследия Менахема Бегина, Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин, брестской еврейской общины и жители города².

В свою очередь, в 2015 г. в Израиле был установлен памятный знак Янке Купале на городской площади Ашдода, названной в честь поэта в 2012 г. — в год 130-летия со дня его рождения [Ших 2016а: 148]. Это мероприятие стало совместной инициативой посольства Беларуси в Израиле и местного отделения Всеизраильского объединения выходцев из Беларуси.

По словам В. Скворцова, посла Республики Беларусь в Израиле, нынешнее событие является весьма знаковым для белорусско-израильского взаимодействия: «2015 год для наших двусторонних отношений можно в целом назвать годом дружбы. Мы вместе торжественно отмечали 70-летие Великой Победы, продемонстрировав единство в оценках этого грандиозного события»³. Также дипломатом было отмечено, что в конце ноября 2015 г. начал действовать безвизовый режим, который перевел белорусско-израильские отношения в качественно новый формат, открыл новые горизонты сотрудничества. В. Скворцов добавил, что площадь Янки Купалы и памятный знак в Ашдоде станут еще одним связующим зве-

¹ Министерство иностранных дел Государства Израиль.

² Бегин в Бресте // Журнал Общество. 2013. № 16. С. 40.

³ Памятник Янке Купале появился в Израиле. Новости Национальной библиотеки Республики Беларусь. 2015.

ном между культурами обеих стран и ярким подтверждением прочности белорусско-израильской дружбы.

Беларусь и Израиль выстраивают свои отношения на основе равноправия и взаимоуважения. За последние годы Беларусь и Израиль вышли на новый уровень сотрудничества в политической сфере.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

Обе стороны обменялись рядом официальных визитов. В 2000 г. с официальным визитом Израиль посетили президент Беларуси А. Лукашенко и министр иностранных дел Беларуси У. Латыпов. Также Израиль посещали министр спорта и туризма (2010 и 2012 гг.), премьер-министр Республики Беларусь М.В. Мясникович (2011 г.), заместитель премьер-министра М.И. Русый (2012 г.), председатель Брестского областного исполнительного комитета (2012 г.), помощник президента Республики Беларусь В.В. Янчевский, заместитель министра иностранных дел В.Б. Рыбаков (2015 г.).

В первое десятилетие после установления дипломатических отношений Беларусь посещали делегации различных уровней [Шарапо 2006: 21]. В период с 2009 по 2014 гг. состоялся ряд визитов в Беларусь на уровне министров, в том числе заместителя премьер-министра, министра иностранных дел Авигодора Либермана (2009 г.), министра туризма Стаса Мисежникова (2009, 2011 и 2012 гг.), министра сельского хозяйства и развития сельских территорий Яира Шамира (2013 г.), министра алии и абсорбции Софы Ландвер (2014 г.)⁴.

К сожалению, следует констатировать, что высшие должностные лица Израиля, в отличие от белорусского руководства, еще не посещали с официальным визитом Беларусь. Хотя с неофициальными визитами в Беларуси находились в 1993 г. премьер-министр Израиля И. Шамир и в 1998 г. — министр иностранных дел Ш. Перес (в 2007—2014 гг. президент Израиля).

Подтверждением того, что оба государства нацелены на дальнейшее укрепление отношений, является посещение Беларуси в 2009 г. бывшим министром иностранных дел Израиля А. Либерманом. Данный визит проходил на фоне введенных санкций ЕС и США в отношении Республики Беларусь. На вопрос журналиста о цели поездки в Беларусь, А. Либерман ответил: «С мая 2008 г. Беларусь сделала очень много важных для нас жестов. Это было единственное государство СНГ, которое прислало мощную делегацию на празднование 60-летия Израиля. Кроме того, меня лично приятно удивило отношение официального Минска к еврейскому вопросу. Такие вещи нужно отмечать. У нас очень мало друзей, мы очень ценим хорошее отношение»⁵.

Политик добавил, что основной электорат партии — выходцы из постсоветских стран и что в Израиле очень мощная и хорошо организованная община выходцев из Беларуси численностью 130—140 тыс. человек, которая в основной

⁴ Посольство Республики Беларусь в Израиле.

⁵ Навіны. Беларусско-израильские отношения развиваются по велению Бога. URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2009/02/19/ic_articles_112_161305 (дата обращения: 13.03.2016).

массе голосовала за партию «Наш дом Израиль». А. Либерман также подчеркнул, что белорусская община настолько естественно влилась в жизнь государства, что может служить примером для всех. Кроме этого, лидер партии отметил, что в Беларуси успешно функционирует отдел гебраистики на факультете международных отношений БГУ, где он не раз встречался с руководством.

На фоне конструктивного политического диалога приходит осознание того, что подкреплять сотрудничество необходимо уже и с помощью налаживания экономических контактов.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ДЕЛОВЫЕ СВЯЗИ

С одной стороны, между двумя странами прослеживается динамика роста взаимной торговли. Если в 2008 г. товарооборот составлял 68 млн долларов США, из которых экспорт составлял 5,8 млн долларов США, то в 2014 г. — 127 млн долларов США⁶. С другой стороны, такие показатели не в полной мере соответствуют уровню двусторонних взаимоотношений [Янчук 2015: 472].

Тем не менее, экономические связи развиваются достаточно высокими темпами [Аветисян 2012: 15]. Как государственные структуры, так и представители делового сектора обеих стран проявляют большое желание углублять это сотрудничество, в особенности в таких сферах, как сельское хозяйство, здравоохранение, туризм и высокие технологии [Снапковский 2014: 231]. Растущий интерес израильского бизнеса к Беларуси подтверждается целым рядом крупных проектов, находящихся на стадии планирования и реализации.

О заинтересованности Беларуси в такого рода сотрудничестве свидетельствуют визиты главы парка высоких технологий Минска в 2008 г. и 2010 г., посещение министром сельского хозяйства израильской выставки-ярмарки «Агритек» в мае 2009 г.

Израильская государственная компания по страхованию рисков внешней торговли «Ашрай» приступила к страхованию сделок с Беларусью на сумму до 50 млн долларов США, что вызвало повышение интереса израильских бизнесменов к белорусскому рынку, в особенности среди экспортеров сельскохозяйственных технологий.

В конце 2009 г. в Израиле состоялось заседание совместной экономической комиссии, возглавляемой с белорусской стороны министром сельского хозяйства С. Шапиро, а с израильской — министром туризма С. Мисежниковым [Якимова 2015: 12]. Стороны обсудили состояние торгово-экономических отношений, а также перспективы сотрудничества в сферах инвестиций, финансов, малого и среднего бизнеса, транспорта, стандартизации, метрологии, сельского хозяйства, туризма, науки и техники, телекоммуникаций, защиты окружающей среды, здравоохранения, образования и культуры⁷.

⁶ Посольство Республики Беларусь в Израиле. Торгово-экономическое сотрудничество между Республикой Беларусь и Государством Израиль. URL: http://israel.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic (дата обращения: 13.11.2016).

⁷ Там же.

В качестве одного из перспективных направлений в сотрудничестве можно назвать сельское хозяйство [Дик 2013: 38—39]. Беларусь и Израиль не страдают от нехватки продовольствия, соответственно, продовольственная безопасность обеспечивается в полной мере. Оба государства поставляют продовольствие на экспорт. В связи с этим бывший министр сельского хозяйства Израиля Я. Шамир, посещая Беларусь в 2013 г., заявил, что: «Израиль рассматривает Беларусь в качестве партнера, сотрудничество с которым поможет выйти на рынки от Польши до Китая, что будет способствовать развитию израильского бизнеса»⁸. Он также отметил, что договоры о сотрудничестве между Беларусью и Израилем касаются различных сфер — высоких технологий, промышленности, но наиболее активно отношения двух стран развиваются в сфере сельского хозяйства. «Мощь Израиля заключается в развитии передовых технологий, Беларусь в свою очередь богата природными ресурсами. Соединение этих двух аспектов может привести к отличным результатам» [Ших 2016b: 217].

Во время визита в Беларусь министр встретился с израильскими предпринимателями, которые уже работают на белорусском рынке. Я. Шамир отметил, что атмосфера, которую создает белорусское правительство, очень благоприятна для развития бизнеса.

Активизация отношений в экономическом плане связана с интересом израильских производителей в выходе на рынки стран Евразийского экономического союза, а для белорусских производителей — поиском новых рынков сбыта на территории Израиля. По этому поводу генеральный директор министерства сельского хозяйства и развития села Израиля И. Бен-Давид отметил, что сотрудничество с Беларусью как полноправным членом Таможенного союза открывает перед Израилем широкие экономические возможности. Это отразится на товарообороте между двумя странами и развитии долгосрочных программ сотрудничества⁹.

Более предметный разговор на тему активизации экономического сотрудничества состоялся в феврале 2016 г. в Израиле между белорусскими и израильскими представителями финансовых структур. Й. Ротенберг, заместитель главного аудитора министерства финансов Израиля и М. Ермолович, заместитель министра финансов Республики Беларусь, подписали финансовый протокол, который позволит израильским предпринимателям финансировать реализацию бизнес-проектов в Беларуси за счет выгодных кредитов из израильских банков¹⁰. Данное соглашение было подписано в присутствии министра алии и абсорбции З. Элькина, а также депутата кнессета от партии НДИ С. Ландвер. После подписания, депутат кнессета

⁸ Посольство Израиля в Беларуси. Шамир Я. Плюсы сотрудничества Израиля и Беларуси. URL: <http://embassies.gov.il/minsk/NewsAndEvents/Pages/Cooperation-with-Belarus-access-to-markets-for-Israel.aspx> (дата обращения: 12.11.2016).

⁹ Сотрудничество с Беларусью дает возможность Израилю расширить рынки торговли. URL: http://aen.ru/index.php?page=brief&article_id=68731&PHPSESSID=1jmbumksfe83o7sv00fbfjqt70 (дата обращения: 12.03.2016).

¹⁰ MFA of Israel. PM Netanyahu decides not to close the Israel Embassy in Minsk, Belarus. URL: <http://mfa.gov.il/MFA/PressRoom/2016/Pages/PM-Netanyahu-decides-not-to-close-the-Israel-Embassy-in-Minsk,-Belarus-16-Mar-2016.aspx> (accessed: 12.11.2016).

заявила, что соглашение открывает новые возможности для развития торгово-экономических отношений между двумя странами и широкие двери как для израильских, так и белорусских бизнесменов.

Для дальнейшего укрепления двусторонних отношений 19 сентября 2014 г. в Минске был подписан договор об отмене визового режима между Израилем и Беларусью [Дубовец 2015: 101]. Свои подписи под этим историческим документом поставили министр алии и абсорбции Израиля С. Ландвер и министр иностранных дел Беларуси В. Макей. Соглашение вступило в силу 26 ноября 2015 г.¹¹ Визы отменены для граждан, которые путешествуют в качестве туристов. Они смогут пребывать на территории двух стран без виз 90 дней в течение 180 дней с даты первого приезда в страну. Переговоры об отмене виз между Беларусью и Израилем велись несколько лет. Подписанный договор стал итогом плодотворной работы министерств иностранных дел и министерств туризма обеих стран, министерства алии и абсорбции Израиля, служб социального страхования и представительств пенсионных служб Израиля и Беларуси.

ВЫХОДЦЫ ИЗ БЕЛАРУСИ В ИЗРАИЛЕ

Отмена виз между двумя странами также будет способствовать укреплению связей с географической родиной по линии выходцев из Беларуси в Израиле. Объединение евреев из Беларуси в Израиле первоначально было создано в 1946 г. под названием «Организация выходцев из Минска и его окрестностей». Первым ее председателем был избран минчанин И. Гордон. В 1955 г. организация получила официальный статус и была переименована в «Объединение выходцев из Беларуси в Израиле». Объединение поставило своей целью сохранение культурного и исторического наследия еврейской общины Беларуси и увековечивание памяти евреев — жертв нацистского геноцида, а также выдающихся представителей еврейской общины Беларуси¹².

По данным руководства Объединения выходцев из Беларуси, сегодня в Израиле проживают около 130 тыс. выходцев из нашей страны. Объединение насчитывает в своих рядах 12 тыс. членов, являясь одной из наиболее сплоченных и активных организаций выходцев из стран СНГ. Далеко не всегда выходцы из конкретного государства выделяются своей численностью и влиянием. Белорусская община — одна из самых влиятельных¹³. Как упоминалось выше, большинство президентов и премьеров Израиля имеют белорусские корни¹⁴.

Сегодня отделения объединения открыты в 33 городах Израиля¹⁵. Значительная часть уроженцев Беларуси, репатрировавшихся в Израиль в начале 1990-х, —

¹¹ Belsat.eu/en. Belarus, Israel introduce agreement on visa-free movement. URL: <http://udf.by/english/main-story/131107-belarus-israel-introduce-agreement-on-visa-free-movement.html> (accessed: 12.11.2016).

¹² Краткая история Объединения выходцев из Белоруссии в Израиле. [Б.м.]; 2000. 8 с.

¹³ Ханин З. Белорусская диаспора в Израиле — одна из самых влиятельных // Дом Януша Корчака в Иерусалиме. 2012. № 23. С. 1—2.

¹⁴ Timée-Éditions. Shimon Peres — Un chemin vers la paix. Paris: Gilbert Jeune; 2007. 214 p.

¹⁵ Скворцов В.Н. Познакомимся поближе: Израиль // Экономика Беларуси: итоги, тенденции, прогнозы. 2015. № 3. С. 54—61.

люди далеко не молодые и уже не занимаются активной трудовой деятельностью. Те же, кто на сегодняшний день являются успешными израильскими бизнесменами, реализуют проекты на территории Беларуси, главным образом в агропромышленном секторе.

После развала СССР и образования СНГ в Израиле было открыто посольство Беларуси, с которым Объединение поддерживает деловые и дружественные связи, что сказывается на уровне консульских услуг, предоставляемых выходцам из Беларуси, в частности инвалидам войны и труда, ветеранам ВОВ и лицам, желающим посетить могилы близких. Объединение также установило контакты с еврейской общиной Республики Беларусь в деле увековечения памяти погибших в катастрофе. Партнерство находит свое выражение в открытии памятников в различных городах и селах Беларуси, на местах массовых расстрелов и захоронений.

Массовая алия — исход евреев из СССР — в начале 1990 г., масштабы которой превосходили все прежние волны алии, резко увеличила количество членов объединения. Оно продолжает расти с каждым годом. В связи с этим руководство объединения приняло решение устраивать регулярные встречи с новыми репатриантами¹⁶. Кроме того, и это уже стало традицией, ежегодно проводится встреча памяти жертв фашистского геноцида и сталинских репрессий. Ежегодно в лесу Бен-Шемен организуются встречи выходцев из Беларуси, где собираются около 10 тыс. человек¹⁷.

После нескольких десятилетий, проведенных на белорусской земле, процесс интеграции в израильское общество заставил репатриантов столкнуться с новыми реалиями и особенностями другого государства [Boehm 2007: 137, 142]. Тем не менее, если сравнивать ситуацию с другими странами, в Израиле пик нехватки профессиональных кадров приходился на период 1990-х гг. Тем самым те, кто был трудоспособным, смог занять достойную нишу на рынке труда. Тем не менее прошло уже более двадцати лет и на смену старому поколению пришло новое. Несмотря на это многочисленные инженеры, преподаватели, врачи, ученые и деятели искусств, получившие качественное высшее образование в СССР, в том числе в Советской Беларуси, явились тем профессиональным человеческим капиталом, который стал залогом успешного развития израильской экономики, науки и культуры.

ИЗРАИЛЬ ОТМЕНЯЕТ СВОЕ РЕШЕНИЕ О ЗАКРЫТИИ ПОСОЛЬСТВА В МИНСКЕ

Казалось, обе страны делают все для того, чтобы придать сотрудничеству более четкие очертания. Укрепление экономических связей позволило найти новые точки соприкосновения для углубления двустороннего сотрудничества. Тем неожиданней было решение израильского правительства закрыть свою дипмиссию в Беларуси в 2016 г. В истории с закрытием посольства был, как ни странно, и по-

¹⁶ Архив БЗ ОБИ Ф. 1. Оп. 1. 1955 г. Ед. хр. 3.

¹⁷ История Объединения выходцев из Беларуси в Израиле и его отделений. URL: <http://souz.co.il> (дата обращения: 13.02.2016).

ложительный момент. Оживленное обсуждение этой темы в СМИ, упоминание о Беларуси способствовало большей узнаваемости страны в Израиле, пробуждению у израильтян интереса к Беларуси.

Аргумент в обоснование закрытия посольства в связи с тем, что стороны установили безвизовый режим, не выдерживает критики. Ведь совершенно очевидно, что выдача виз хотя и важна, но не является основным назначением дипломатических миссий. Важнее функции содействия полноформатному двустороннему сотрудничеству между странами. Сам факт наличия в них диппредставительства партнера свидетельствует о взаимной заинтересованности и взаимной выгоды сотрудничества.

Аналогичная ситуация произошла в 2003 г., когда посольство Израиля в Минске официально было закрыто в результате финансовых сокращений в бюджете Министерства иностранных дел [Шадурский 2013: 41]. В свою очередь, МИД Республики Беларусь предупредил о возможности «ответных действий» и через некоторое время предпринял ответный шаг: белорусское посольство в Тель-Авиве приостановило оказание консульских услуг гражданам Израиля. В Иерусалиме прошла демонстрация выходцев из Беларуси против закрытия израильского посольства в Минске.

И 12 лет спустя ситуация повторилась. Официальным Минском данный шаг был воспринят с сожалением. В связи с решением закрыть израильское посольство в Минске из-за нехватки финансирования МИД Беларуси заявил, что белорусская сторона оставляет за собой право принять ответные шаги в порядке взаимности¹⁸. Несмотря на сложившуюся ситуацию, белорусская дипмиссия продолжала работать в полном составе. Однако, уже 16 марта 2016 г. канцелярия премьер-министра распространила заявление об отмене решения о закрытии посольства Израиля в Минске¹⁹. Необходимо отметить целенаправленную работу посольства Беларуси по урегулированию данного вопроса.

Стоит отметить, что к ситуации вокруг закрытия израильской дипмиссии в Беларуси подключился Совет раввинов Европы. В своем письме, адресованном руководству правительства Израиля, говорится, что совет считает решение о закрытии посольства Израиля в Беларуси ошибкой, которая может привести к нарушению взаимоотношений между еврейской общиной и правительством Беларуси. «В Беларуси есть синагоги, религиозные учреждения, среди которых и Воложинская иешива. В Беларуси есть могилы великих еврейских религиозных деятелей, есть братские могилы. В интересах Израиля оберегать евреев, живущих в Беларуси»²⁰.

¹⁸ В Израиле. Беларусь закрывает посольство в Израиле «на принципах взаимности». URL: http://www.newsru.co.il/israel/07jan2016/bel_il_107.html (дата обращения: 13.02.2016).

¹⁹ MFA of Israel. PM Netanyahu decides not to close the Israel Embassy in Minsk, Belarus URL: <http://mfa.gov.il/MFA/PressRoom/2016/Pages/PM-Netanyahu-decides-not-to-close-the-Israel-Embassy-in-Minsk,-Belarus-16-Mar-2016.aspx> (accessed: 17.05.2016).

²⁰ Conference of European Rabbis. Council of Rabbis of Europe against the Belarus Embassy closings. URL: <http://rabbiscer.org/2016/05/20/conference-of-european-rabbis-belarus-embassy-will-not-close> (accessed: 21.06.2016).

Совет также добавил, что ни для кого не секрет, что Беларусь оказывает политическую и экономическую поддержку Государству Израиль. «В то время как Европа накладывает экономические санкции, а также санкции в области науки на Израиль, Беларусь оказывает Израилю поддержку. Дружественная позиция правительства Беларуси по отношению к Израилю всегда чувствовалась и оказывала моральную поддержку еврейской общине Беларуси. Позиция совета связана с чувством ответственности за судьбу евреев, живущих в Беларуси. Посольство Израиля всегда принимало активное участие в жизни еврейской общины, служило связующим звеном между общиной и государством»²¹. Столь пристальное внимание к данному вопросу говорит о том, что несмотря ни на что существует заинтересованность в сохранении тех дружеских отношений, которые связывают оба народа.

Беларусь и Израиль являются стратегическими партнерами. Отношения двух стран построены на взаимодоверии и взаимоуважении. В 2017 г. исполняется 25 лет со дня установления дипломатических отношений между двумя государствами. Традиционно доверительный диалог между странами позволяет строить планы на будущее с уверенностью. Можно полагать, что отмена виз, а также решение руководства Израиля об отмене закрытия израильского дипломатического представительства в Беларуси будет способствовать этому.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аветисян Р.Г.* Особенности политики государства Израиль на постсоветском пространстве: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород; 2012.
- Дик П.В.* Опыт экономического развития Израиля // Наука и инновации. 2013. № 5. С. 38—39.
- Дубовец В.* Актуальные вопросы освещения в СМИ сотрудничества Беларуси со странами Ближнего Востока / Международная журналистика: Формирование информационного пространства партнерства от Владивостока до Лиссабона и медиа; 2015 Февраль 19; Минск: Белорус. гос. ун-т, Ин-т журналистики; 2015. С. 100—106.
- Ермоленко В.А.* Израиль на рынке международного туризма Беларуси // Предпринимательство в Беларуси: опыт становления и перспективы развития: 2008 Апрель 15—16; Минск: Ин-т предприним. деят-ти; 2008. С. 249—252.
- Иоффе Э. Г.* Белорусские евреи в Израиле. Минск: Ковчег; 2000.
- Кирилук И.П.* Основы развития белорусско-еврейского межкультурного диалога / Европейский Союз и Республика Беларусь: перспективы сотрудничества: Междунар. конф.: сб. мат-лов. Минск; 2014. С. 390—394.
- Снапковский В.Е.* Внешняя политика Республики Беларусь (общая характеристика) // Міжнар. зв'язки України: Наук. пошуки і знахідки. 2014. № 23. С. 210—239.
- Шадурский В.Г.* Арабские государства во внешней политике Республики Беларусь (1992—2013 гг.). / Тр. фак-та междунар. отношений: Науч. сб. 2013. № 4. С. 38—47.
- Шарано А.В.* Внешняя политика Республики Беларусь на современном этапе // Веснік БДУ. Сер. 3: Гісторыя. Эканоміка. Права. 2006. № 3. С. 15—22.
- Ших К.В.* Вклад выходцев из Беларуси в становление Государства Израиль // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития. 2014. Вып. 3. С. 308—316.

²¹ Conference of European Rabbis. Council of Rabbis of Europe against the Belarus Embassy closings. URL: <http://rabbiscer.org/2016/05/20/conference-of-european-rabbis-belarus-embassy-will-not-close> (accessed: 21.06.2016).

- Ших К.В.* Роль личности в кросс-культурном диалоге между Республикой Беларусь и Государством Израиль в условиях мировой глобализации / Диалог культур в эпоху глобальных рисков; 2016 Май 17—18; Минск: Белорус. гос. ун-т; 2016а. С. 147—150.
- Ших К.В.* Современное состояние белорусско-израильских торгово-экономических отношений / Беларусь в современном мире: 2016 Октябрь 27; Минск: Белорус. гос. ун-т; 2016б. С. 216—217.
- Якимова Е.А.* Деятельность израильской дипломатии в странах СНГ и Балтии при министрах иностранных дел Ципи Ливии и Авигдоре Либермане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород; 2015.
- Янчук А.Л.* Анализ структуры внешнеторговых связей Республики Беларусь в современных условиях // Науч. тр. Белорус. гос. экон. ун-та. 2015. № 8. С. 467—473.
- Avi-Yonah M., Peres S.* A history of Israel and the Holy Land. NY: Continuum; 2001.
- Boehm A.* Immigrant participation in decision-making processes at the local level: a comparison of immigrants and veterans in Israel // Intern. Migration. 2007. Vol. 45. № 4. P. 135—173.

Дата поступления статьи: 04.10.2016

Для цитирования: *Ших К.В.* Современное состояние белорусско-израильских отношений: тенденции развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 111—121.

Сведения об авторе: *Ших Константин Викторович* — аспирант факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Республика Беларусь (e-mail: kostishykh@tut.by).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-111-121

THE CURRENT STATE OF BELARUSIAN-ISRAELI RELATIONS: BASIC TRENDS

K.V. Shykh

Belarus State University, Minsk, Belarus

Abstract. The article is devoted to the cooperation between the Republic of Belarus and the State of Israel at the present stage. This article describes the main factors that influence to the foreign policy of the two states, priority directions of the foreign policy of Belarus and Israel, and tools for its implementation. The basic cooperation forms between two countries are stated in the article.

The author points out the lack of comprehensive studies of this issue by Israeli authors and considers that it demands further research. This article discusses the main areas of the Belarusian-Israeli cooperation at the new stage as well as its challenges and prospects. The author systematizes information related to the interaction between the two countries in various fields. He talks about the forms and types of activity of the two States. The article gives a brief description of the present stage of political dialogue and economic relations between the two countries.

The article not only discusses current trends and features of political dialogue between Belarus and Israel, but also researches the regulatory framework that ensures effective regulation of economic relations between these States. The direct participation of Belarus and Israel in the cooperation is analyzed by examples of networking. Separate attention is paid to the analysis of the closure of the Israeli embassy in Minsk. The article sumps up some results of studying of this problem within recent years.

Key words: Republic of Belarus, State of Israel, cooperation, bilateral relations, economy, policy, finance, natives, development

REFERENCES

- Avetisjan, R. G. (2012). Features of the state policy of Israel in the post-Soviet space: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Nizhegor. gos. un-t. (In Russ.).
- Avi-Yonah, M., & Peres, S. (2001). *A history of Israel and the Holy Land*. NY: Continuum.
- Boehm, A. (2007). Immigrant participation in decision-making processes at the local level: a comparison of immigrants and veterans in Israel. *Intern. Migration*, 45 (4), 135—173.
- Dik, P. V. (2013). Experience of economic development of Israel. *Nauka i innovacii*, 5, 38—39. (In Russ.).
- Dubovec, V. (2015). Topical issues of media coverage of Belarus' cooperation with the Middle East. *Mezhdunarodnaya zhurnalistika: Formirovanie informatsionnogo prostranstva partnerstva ot Vladivostoka do Lissabona i media*. Minsk: Belarus. gos. un-t, In-t zhurnalistiki. p. 100—106. (In Russ.).
- Ermolenko, V. A. (2008). Israel on the international tourism market of Belarus. *Predprinimatel'stvo v Belarusi: opyt stanovlenija i perspektivy razvitija*. Minsk: In-t predprinim. dejatelnosti. p. 249—252. (In Russ.).
- Ioffe, E. G. (2000). Belarusian Jews in Israel. Minsk: Ark. (In Russ.).
- Kiriljuk, I. P. (2014). Basics of development of Belarusian-Jewish intercultural dialogue. *Evropeiskii Soyuz i Respublika Belarus': perspektivy sotrudnichestva: Mezhdunar. konf.: Sb. materialov*. Minsk. p. 390—394. (In Russ.).
- Shadurskij, V. G. (2013). The Arab states in the foreign policy of the Republic of Belarus (1992—2013). *Tr. fak. mezhdunar. otnoshenij: nauch. sb.*, (4), 38—47. (In Russ.).
- Sharapo, A. V. (2006). The foreign policy of the Republic of Belarus at the present stage. *Vesn. BDU. Gistoryja. Jekonomika. Prava*, 3 (3), 15—22. (In Russ.).
- Shykh, K. V. (2014). The contribution of immigrants from Belarus to the establishment of the State of Israel. *Topical problems of international relations and modern world: collection of scientific articles*, (3), 308—316. (In Russ.).
- Shykh, K. V. (2016a). The role of the individual in a cross-cultural dialogue between the Republic of Belarus and the State of Israel in a globalizing world. *Dialog kul'tur v epokhu global'nykh riskov*. Minsk: Belarus. gos. un-t, In-t zhurnalistiki. p. 147—150. (In Russ.).
- Shykh, K. V. (2016b). The current state of the Belarusian-Israeli trade and economic relations. *Belarus' v sovremennom mire*. Minsk: Belarus. gos. un-t. p. 216—217. (In Russ.).
- Snapkovskij, V. E. (2014). Foreign policy of the Republic of Belarus. *Mizhnar. zv'jazki Ukraïni: nauk. poshuki i znahidki*, (23), 210—239. (In Russ.).
- Yakimova, E. A. (2015). *Israeli diplomacy activities in the CIS countries and the Baltic States with Foreign Minister Tzipi Libya and Avigdor Lieberman*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Nizhegor. gos. un-t. (In Russ.).
- Yanchuk, A. L. (2015). Analysis of the structure of foreign trade relations of the Republic of Belarus in modern conditions. *Nauch. tr. Belarus. gos. jekon. un-ta*, (8), 467—473. (In Russ.).

Received: 04.10.2016

For citations: Shykh, K.V. (2017). The current state of Belarusian-Israeli relations: basic trends. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 111—121.

About the author: Shykh Konstantin Viktorovich — postgraduate student of the Faculty of International relations of Belarus State University, Belarus (e-mail: kostishykh@tut.by).

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-122-136

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОРУМА «АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО» (АТЭС) С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ИНСТИТУТАМИ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МНОГОСТОРОННЕГО УПРАВЛЕНИЯ

Е.А. Сафонкина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

После мирового финансового кризиса 2008 г. Азиатско-Тихоокеанский регион превратился в основной драйвер глобального экономического роста, оставив далеко позади США и европейские экономики. Одним из факторов экономических успехов стали процессы региональной интеграции и упрощения условий ведения бизнеса благодаря деятельности многосторонних региональных объединений, таких как форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС). В процессе регионального управления АТЭС взаимодействует с различными международными и региональными организациями, выбирая модели, позволяющие ему наилучшим образом реализовать приоритеты своей повестки дня.

В данной статье предпринята попытка выявить, какие модели взаимодействия с международными и региональными организациями наиболее характерны для АТЭС, причины и результаты обращения АТЭС к этим моделям, проследить эволюцию взаимодействия, а также оценить эффективность использования форумом международных организаций для реализации своих приоритетов. Для проведения исследования автор использовал количественный и качественный контент-анализ, а также сравнительный исторический анализ.

Автор приходит к выводу, что форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» обладает четко сформулированной повесткой дня, направленной на реализацию изначальных задач объединения по обеспечению либерализации торговли, инвестиций и благоприятных условий ведения бизнеса в регионе. Реализуя задачи своей повестки дня, АТЭС чаще всего использует политический, финансовый и экспертный потенциал, а также инструменты и механизмы международных организаций (модель «управление через многосторонние организации»). В ряде случаев АТЭС использует модель «каталитического воздействия» и «параллельного управления».

Ключевые слова: форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС), международные организации, региональное управление, модели взаимодействия, эффективность, Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирный банк, «Группа двадцати», Международный валютный фонд (МВФ)

После мирового финансового кризиса 2008 г. Азиатско-Тихоокеанский регион превратился в основной драйвер глобального экономического роста, оставив далеко позади США и европейские экономики. В 2014 г. вклад региона АТР обеспечивал почти две трети глобального экономического роста. Если в 2000 г. вклад региона в мировое производство составлял менее 30%, то к 2014 г. этот показатель увеличился до почти 40%¹. В то время как рост реального ВВП в среднем в мире составлял не более 3,5% на протяжении последних трех лет, рост реального ВВП

¹ Regional Economic Outlook: Asia and Pacific. Stabilizing and Outperforming Other Regions. IMF. April 2015. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2015/apd/eng/areo0415.htm> (accessed: 1.08.2016).

в странах Азии был более 5% в указанный период². Одним из факторов экономических успехов стали процессы региональной интеграции и упрощения условий ведения бизнеса благодаря деятельности многосторонних объединений, таких как форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС). В процессе регионального управления АТЭС взаимодействует с различными международными и региональными организациями, выбирая модели, позволяющие ему наилучшим образом реализовать приоритеты своей повестки дня.

Впервые модели взаимодействия институтов глобального управления с международными организациями были описаны Р. Путнамом и Н. Бейном на примере «Группы семи». Они выявили модели «каталитического воздействия», «ядра, влияющего на систему» и «параллельного управления» [Putnam, Bayne 1987: 155—157]. Применяя первую модель, многосторонний институт стимулирует или поддерживает изменения и реформирование международных организаций, например, данный подход используется «Группой двадцати» в отношении Международного валютного фонда (МВФ) (поддержка реформы квот и управления фонда). Модель «ядра, влияющего на систему» предполагает определение нового направления действий для других организаций или обеспечение политического лидерства, в котором нуждается организация. Например, «двадцатка» стимулировала процесс взаимной оценки (МАР) МВФ [Ларионова 2017]. Третья модель «параллельное управление» предполагает создание многосторонним институтом собственных механизмов, как, например, в случае создания БРИКС Нового банка развития (НБР) [Ларионова и др. 2014; Шелепов 2015; Larionova, Shelepov 2015; Ларионова 2016b].

Еще одна модель («управление через многосторонние организации») была выявлена Э. Кокотсис на примере «Группы семи/восьми» [Kokotsis 1999; Kokotsis, Daniels 1999: 75—94]. Исследователь приходит к выводу, что данная модель способствует повышению эффективности «семерки/восьмерки», «поскольку деятельность многосторонних институтов, контролируемых странами — членами «Группы семи/восьми», содействует исполнению обязательств, принятых в рамках саммитов, при условии, что эти организации являются профильными для данных специфических обязательств» [Ларионова 2016a].

Профессор Университета Торонто Джон Киртон описывает подход «управление против многосторонних институтов» в сопряжении с его моделью «союза равных» между странами — членами «Группы семи/восьми». С его точки зрения, «Группа семи/восьми» прибегает к замене старых многосторонних организаций на альтернативные, создавая новый, фундаментально отличный от традиционной системы порядок, построенный вокруг «семерки/восьмерки» (G8-centred system of its own) [Kirton 2010: 25—26; Ларионова 2016a; Kirton 2013; Киртон 2015].

Н. Бейн, также исследовавший «Группу семи/восьми», предложил еще одну модель — «управление без многосторонних институтов», поскольку, по его мнению, многосторонние институты находятся в отношениях взаимного сосуществования и отстраненности [Bayne 2000: 45; Ларионова 2016a].

² Regional Economic Outlook: Asia And Pacific. Building on Asia's Strengths during Turbulent Times. April 2016. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2016/apd/eng/areo0516.htm> (accessed: 1.08.2016).

Помимо вышеуказанных моделей, исследование дискурса «Группы семи/восьми» позволило выявить, что «семерка» и международные организации действуют как партнеры: модель — «управление в союзе с многосторонними организациями» [Larionova 2010: 45—46; Ларионова и др. 2016].

Предполагая, что в процессе своего взаимодействия с международными организациями АТЭС использует такой набор моделей, который позволяет ему реализовать приоритеты своей повестки дня наиболее эффективным образом, автор исследовал работу форума в трех ключевых сферах: макроэкономической, сфере финансового регулирования и сфере торговли и инвестиций.

В результате анализа было определено, какие модели взаимодействия с международными организациями являются наиболее характерными для АТЭС, выявлены причины и результаты обращения АТЭС к этим моделям, эволюция взаимодействия, а также оценена эффективность использования форумом международных организаций для реализации своих приоритетов и меняющейся повестки дня.

МЕТОДОЛОГИЯ

Благодаря контент-анализу официальных документов АТЭС было проведено качественное и количественное исследование упоминаний международных организаций. Для контент-анализа использовалась специальная база данных, включающая документы АТЭС, принятые на саммитах лидеров, встречах министров торговли, финансов, энергетики и других треков с 2008 по 2016 г. База данных позволяет проанализировать данные по абсолютному количеству упоминаний в документах, относительные данные по доле конкретного института в общем количестве упоминаний. Также применяется относительный показатель интенсивности упоминаний, позволяющий сопоставить взаимодействие АТЭС с международными организациями с учетом различия в объеме документов, принятых в рамках разных саммитов. Показатель интенсивности рассчитывается по формуле:

$$Di = Mi/Si,$$

где Di — интенсивность упоминаний института за определенный период, Mi — количество упоминаний данного института в документах АТЭС, принятых за период, Si — общее количество текстовых символов в документах за данный период. Для большей наглядности результатов Di умножается на 10 000 [Шелепов 2015].

С целью выявления моделей взаимодействия АТЭС с международными институтами был проведен качественный контент-анализ документов АТЭС.

СТАТИСТИКА УПОМИНАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ В ДОКУМЕНТАХ АТЭС

Из всего массива международных организаций, упоминания которых встречаются в официальных документах АТЭС, топ-10 составляют Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирный банк, «Группа двадцати», Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), собственный институт АТЭС — Образовательная сеть (Education Network), Организация Объединенных Наций (ООН), Азиатский банк развития (АБР), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) и Международный валютный фонд (МВФ). Частые упоминания данных орга-

низаций можно объяснить тем, что все они работают в сферах, являющихся ключевыми для АТЭС: торговли, финансов, образования, продовольственной безопасности.

Интенсивность и число упоминаний международных организаций в совокупности достаточно равномерны, однако в последние годы наблюдается их незначительное снижение (рис. 1; табл. 1). Это связано в том числе с тем, что за последнее десятилетие структура АТЭС значительно расширилась за счет создания многочисленных собственных механизмов, реализующих мандаты повестки дня АТЭС, т.е. потребность в отсылке на опыт и экспертизу международных организаций в документах лидеров снизилась³.

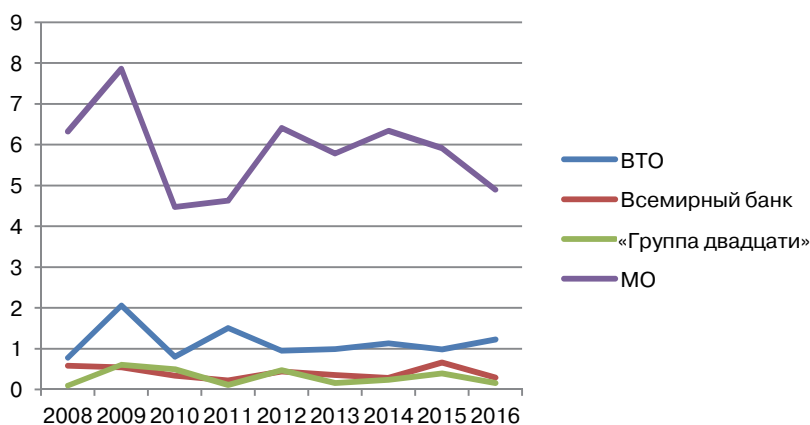

Рис. 1. Интенсивность упоминаний международных институтов, ВТО, Всемирного банка и «Группы двадцати» в документах АТЭС (2008—2016 гг.) / The intensity of the references to international institutions, the WTO, World Bank and G20 in APEC documents

Источник: Расчеты автора

Таблица 1

Число упоминаний международных организаций в документах АТЭС
The number of references to international organizations in APEC documents

Год / Year	Число символов в документах / Number of symbols in the documents	Всего упоминаний МО / Total number of references to international organizations	Интенсивность упоминаний МО / The intensity of the of references to international organizations
2008	205 547	130	6,32
2009	165 387	130	7,86
2010	261 453	117	4,47
2011	179 360	83	4,63
2012	294 960	189	6,40
2013	252 629	146	5,78
2014	424 159	269	6,34
2015	377 037	223	5,91
2016	310 357	152	4,90
	Общее число символов / The total number of symbols: 2 470 889	Общее число упоминаний / The total number of references: 1439	

Источник: Расчеты автора

³ По состоянию на декабрь 2016 г. структура АТЭС включает 4 ключевых комитета, 15 рабочих групп и свыше 10 иных форматов. URL: <http://www.apec.org>.

Лидером по числу упоминаний в документах АТЭС является ВТО. Наблюдается значительный разрыв между общим числом упоминаний ВТО (274) и Всемирного банка, занимающего второе место в топ-10 по количеству упоминаний (102). Это обусловлено тем, что с момента создания одной из ключевых задач АТЭС является либерализация и упрощение торговли в регионе.

Наибольшая интенсивность упоминаний ВТО в документах АТЭС отмечается в 2009 г., что объясняется очередной задержкой завершения Дохийского раунда торговых переговоров⁴.

В 2016 г. наблюдается небольшое повышение интенсивности упоминаний ВТО по сравнению с предыдущими председательствами. Это связано с выработкой Соглашения ВТО об упрощении условий торговли (WTO Trade Facilitation Agreement (ТФА)) и процессом его ратификации странами — членами ВТО. Соглашение находится в русле одного из ключевых приоритетов АТЭС по продвижению свободной торговли, поэтому лидеры АТЭС призвали экономики форума и другие страны ВТО ратифицировать соглашение как можно скорее⁵.

Следующим по числу упоминаний институтом в документах АТЭС является Всемирный банк. Как видно на рис. 1, наибольшая интенсивность упоминаний наблюдается в 2015 г. В этом году министры финансов экономик — участниц АТЭС поручили Всемирному банку провести исследование и подготовить доклад о возможных механизмах финансирования борьбы с рисками природных бедствий, включая покрытие рисков⁶.

На третьем месте по числу упоминаний в официальных документах АТЭС находится «Группа двадцати».

Как можно видеть на рис. 1, наибольшая интенсивность упоминаний «двадцатки» наблюдалась в 2009, 2012 и 2015 гг. со значительным снижением в 2011, 2013 и 2016 гг. Применительно к 2009 г. подобная тенденция объясняется повышенным вниманием и интересом к недавно созданному институту, а также соответствием обязательств «двадцатки» по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного глобального экономического роста приоритетам АТЭС⁷. В 2012 г. мексиканское председательство в «Группе двадцати» включило в повестку вопросы борьбы с природными бедствиями и их последствиями, что является важной темой для АТЭС. Рост числа упоминаний «двадцатки» в 2015 г. обусловлен тем, что экономики АТЭС поддержали новые инструменты, используемые G20, в том числе проект BEPS, в силу их соответствия приоритетам повестки дня АТЭС.

⁴ Meeting of APEC ministers responsible for trade. Singapore, 21—22 July, 2009. Statement of the Chair. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/apec/2009/mrt0907-1.pdf> (accessed: 4.08.2016).

⁵ 2016 Leaders' Declaration. Lima, Peru 20 November 2016. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2016/2016_aelm.aspx (accessed: 2.12.2016).

⁶ 2015 APEC Finance Ministerial Meeting. Cebu, Philippines 11 September 2015. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2015_finance.aspx (accessed: 1.08.2016).

⁷ 2009 Leaders' Declaration. Singapore 14 November 2009. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2009/2009_aelm.aspx (accessed: 3.08.2016).

Подводя итог, можно говорить о том, что максимальная интенсивность того или иного института в документах АТЭС наблюдается тогда, когда этим институтом вырабатываются и реализуются меры, которые поддерживает АТЭС в рамках своей повестки дня.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АТЭС С КЛЮЧЕВЫМИ ИНСТИТУТАМИ

В данном разделе статьи будут рассмотрены особенности взаимодействия АТЭС с ключевыми институтами по следующим сферам: макроэкономика, финансы и торговля, и инвестиции. Подобный подход позволяет определить приоритеты АТЭС в указанных сферах и, соответственно, выбор моделей взаимодействия с международными организациями.

Макроэкономика

Ключевыми направлениями макроэкономической политики АТЭС являются обеспечение экономического роста, макроэкономической стабильности, включая борьбу с инфляцией, реализация структурных реформ, обеспечение занятости населения и многие другие. Основными партнерами АТЭС в рамках данного блока сотрудничества являются Всемирный банк, Азиатский банк развития и «Группа двадцати».

Всемирный банк

Для АТЭС характерны следующие модели взаимодействия с Всемирным банком:

- привлечение данной организации в качестве партнера к реализации инициатив АТЭС (модель «управление через многосторонние организации»);
- использование экспертизы и инструментов Всемирного банка для выработки своих собственных инструментов (модель «управление через многосторонние организации»);
- передача поручений о подготовке специализированных исследований по приоритетным направлениям работы АТЭС (модель «управление через многосторонние организации»).

Одним из ярких примеров модели «управление через многосторонние организации» в отношениях АТЭС и Всемирного банка является Глобальный фонд продовольственной безопасности, учрежденный в ноябре 2011 г. в формате государственно-частного партнерства под управлением Всемирного банка. Фонд призван содействовать усилиям АТЭС в сфере повышения уровня продовольственной безопасности, в том числе за счет программ подготовки специалистов, которые разрабатываются при помощи Всемирного банка⁸. Также в качестве примера можно привести поручение Всемирному банку в 2015 г. со стороны министров финан-

⁸ Creation of Global Food Safety Partnership. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/11/177059.htm> (accessed: 7.08.2016).

сов АТЭС провести исследование и подготовить доклад о возможных региональных механизмах финансирования борьбы с природными бедствиями⁹.

АТЭС активно использует экспертизу Всемирного банка в следующих сферах:

— глобальные цепочки добавленной стоимости;

— конкурентоспособность услуг (например, разработка долгосрочной стратегической дорожной карты по обеспечению конкурентоспособности услуг (APEC Services Competitiveness Roadmap)¹⁰;

— государственно-частные партнерства (например, выработка совместных стандартов ГЧП)¹¹;

— структурные реформы¹².

Таким образом, АТЭС взаимодействует с Всемирным банком, преимущественно используя экспертный и политический потенциал данного института для реализации собственной повестки дня (модель «управление через многосторонние организации»), что обеспечивает повышение эффективности работы АТЭС. В отношении Всемирного банка АТЭС не применяет модель «каталитического воздействия», поскольку в официальных документах АТЭС не содержится призывов к реформированию данного института.

Азиатский банк развития (АБР)

Азиатский банк развития помогает странам Азиатско-Тихоокеанского региона развивать торговлю друг с другом посредством совершенствования механизмов обмена информацией и реформирования таможенных органов. Партнерство АТЭС и АБР насчитывает почти 20 лет.

Для АТЭС характерны следующие модели взаимодействия с АБР:

— привлечение данной организации в качестве партнера к реализации инициатив АТЭС (модель «управление через многосторонние организации»);

— использование экспертизы и инструментов АБР для выработки своих собственных инструментов (модель «управление через многосторонние организации»);

— передача поручений о подготовке специализированных исследований по приоритетным направлениям работы АТЭС (модель «управление через многосторонние организации»).

АБР является секретариатом для инициативы АТЭС по подготовке финансовых регуляторов.

⁹ 2015 APEC Finance Ministerial Meeting. Cebu, Philippines 11 September 2015. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2015_finance.aspx (accessed: 1.08.2016).

¹⁰ 2016 Meeting of APEC Ministers Responsible for Trade. Arequipa, Peru 18 May 2016. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Trade/2016_trade.aspx (accessed: 3.08.2016).

¹¹ 2016 APEC Finance Ministerial Meeting. Lima, Peru 15 October 2016. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2016_finance.aspx (accessed: 13.11.2016).

¹² APEC Structural Reform Ministerial Meeting. Cebu, Philippines. Statement. URL: http://www.apec.org/~media/Files/MinisterialStatements/Structural%20Reform/PCM_Press%20Conference%20Material.pdf (accessed: 7.08.2016).

АТЭС использует экспертизу АБР в сферах исследования и мониторинга инвестиционной политики в регионе; реализации инфраструктурных проектов с долей финансирования со стороны частного сектора; борьбы с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма¹³.

Таким образом, как и в случае с Всемирным банком, АТЭС преимущественно использует экспертный и финансовый потенциал АБР в блоках работ своей повестки дня (модель «управление через многосторонние организации»).

«Группа двадцати»

Девять экономик АТЭС являются членами «Группы двадцати» (Австралия, Индонезия, Канада, Китай, Мексика, Республика Корея, Россия, США, Япония)¹⁴. В силу того что перед странами — участницами обоих институтов стоят схожие задачи, однако «двадцатка» в силу своего глобального лидерства обладает большими возможностями выработки мер для коллективной реализации, для АТЭС характерна поддержка и использование инструментов «двадцатки», способных помочь решению стоящих перед экономиками АТЭС проблем (модель «управление через многосторонние организации»).

АТЭС внимательно отслеживает нововведения «двадцатки», поскольку в большинстве случаев новые инструменты «Группы двадцати» упоминаются в документах АТЭС в тот же год, когда об их запуске было официально объявлено самой «двадцаткой».

В документах АТЭС «двадцатка» упоминается с момента своего становления в 2008 г., преимущественно в декларациях лидеров АТЭС, документах финансового и торгового треков.

Ключевыми инструментами «двадцатки», поддержанными АТЭС являются:

- рамочное соглашение по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного роста^{15, 16};
- рекомендации Базельского комитета по банковскому надзору¹⁷;
- принципы высокого уровня ОЭСР / Международной сети по финансовому образованию (INFE) в сфере национальных стратегий для финансового образования¹⁸;
- принципы высокого уровня ОЭСР/G20 по обеспечению финансирования долгосрочных инвестиций со стороны институциональных инвесторов¹⁹;

¹³ APEC and the Asian Development Bank: 12 Things to Know. URL: <http://www.adb.org/news/features/apec-and-asian-development-bank-12-things-know> (accessed: 4.08.2016).

¹⁴ APEC Member Economies. URL: <http://www.apec.org/about-us/about-apec/member-economies.aspx>; G20 Members. URL: <http://g20.org.tr/about-g20/g20-members> (accessed: 3.08.2016).

¹⁵ 2009 Leaders' Declaration. Singapore 14 November 2009. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2009/2009_aelm.aspx (accessed: 3.08.2016).

¹⁶ 16th APEC FINANCE MINISTERS' MEETING. JOINT MINISTERIAL STATEMENT. URL: http://www.mof.go.jp/english/international_policy/convention/apec/20091112.pdf (accessed: 4.08.2016).

¹⁷ 18th APEC Finance Ministers' Meeting Joint Ministerial Statement. URL: http://www.mof.go.jp/english/international_policy/convention/apec/20111110.pdf (accessed: 4.08.2016).

¹⁸ 19th APEC Finance Ministers' Meeting Joint Ministerial Statement (Moscow, Russia, August 30, 2012). URL: http://www.mof.go.jp/english/international_policy/convention/apec/20120830.htm (accessed: 4.08.2016).

— план действий G20/ОЭСР по размыванию налогооблагаемой базы и перемещению прибыли (план BEPS)^{20, 21};

— принципы высокого уровня G20/ОЭСР по финансированию МСП²².

Другими направлениями работы «двадцатки», подходы в рамках которых поддерживает АТЭС, являются рационализация и отказ от неэффективных субсидий на ископаемое топливо; борьба с изменением климата; финансирование борьбы с рисками природных катастроф; развитие глобальных цепочек добавленной стоимости.

Таким образом, АТЭС удалось выстроить достаточно эффективную систему взаимодействия с «Группой двадцати», с одной стороны, поддерживая ее инициативы, с другой — используя опыт и механизмы данного института глобального управления для реализации своих собственных задач.

Финансовое регулирование

Работа АТЭС в сфере финансового регулирования ведется в рамках трека министров финансов (FMP). Основными партнерами АТЭС в рамках данного министерского трека являются МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк развития, Межамериканский банк развития, ОЭСР и Деловой консультативный совет (ДКС) АТЭС, руководители которых участвуют во встречах министров финансов²³.

Международный валютный фонд (МВФ)

МВФ является важным партнером АТЭС по направлению работы финансового трека с учетом многолетней и всеохватывающей экспертизы фонда. Директор-распорядитель МВФ на постоянной основе участвует в саммитах лидеров АТЭС²⁴, а высокопоставленные представители фонда — во встречах министров финансов форума. В рамках перуанского председательства лидеры АТЭС впервые провели специальную встречу по вопросу деятельности МВФ в регионе²⁵.

¹⁹ 2013 Meeting of APEC Ministers Responsible for Trade. URL: http://www.international.gc.ca/apec/apec_2013_statement_a.aspx?lang=eng (accessed: 4.08.2016).

²⁰ 21st APEC Finance Ministers' Meeting Joint Ministerial Statement (Beijing, China, 22 October 2014). URL: http://www.mof.go.jp/english/international_policy/convention/apec/20141021.htm (accessed: 4.08.2016).

²¹ 2016 APEC Finance Ministerial Meeting, Lima, Peru 15 October 2016. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2016_finance.aspx (accessed: 13.11.2016).

²² 2015 APEC Finance Ministerial Meeting. Cebu, Philippines 11 September 2015. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2015_finance.aspx (accessed: 1.08.2016).

²³ APEC Finance Ministers' Process. URL: <https://aric.adb.org/initiative/apec-finance-ministers-process> (accessed: 1.08.2016).

²⁴ Например: The Business Case for Women's Empowerment by Christine Lagarde, IMF Managing Director, APEC CEO Summit, Peru, November 18, 2016. URL: <http://www.imf.org/en/news/articles/2016/11/18/sp111816-the-business-case-for-womens-empowerment>; Press Release: Statement by IMF Managing Director Christine Lagarde at the APEC Leaders Summit. URL: <http://www.imf.org/en/news/articles/2015/09/14/01/49/pr12308> (accessed: 2.12.2016).

²⁵ Встреча лидеров экономик форума АТЭС по вопросу деятельности МВФ в регионе. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53282> (дата обращения: 2.12.2016).

Во взаимодействии с МВФ АТЭС преимущественно использует две модели: модель «каталитического воздействия» и модель «управление через многосторонние организации».

В силу того что среди членов АТЭС есть крупные развивающиеся экономики, такие как Китай, Индонезия, Мексика, АТЭС неоднократно высказывался в поддержку реализации реформы квот и управления МВФ²⁶, что демонстрирует модель «каталитического воздействия».

Примерами использования модели «управление через многосторонние организации», например, является просьба министров финансов АТЭС к МВФ совместно с Всемирным банком, Международной финансовой корпорацией (IFC) и Азиатским банком развития подготовить доклад о потоках портфельных инвестиций в регионе²⁷.

Собственные институты АТЭС

Собственные институты АТЭС демонстрируют собой модель «параллельного управления» в отношении имеющих глобальных финансовых институтов. Таким институтом является Азиатско-Тихоокеанский финансовый форум (Asia-Pacific Financial Forum (APFF)), созданный в 2013 г. в качестве платформы для взаимодействия институтов, экспертных и иных организаций в целях развития и укрепления финансовых рынков в Азиатско-Тихоокеанском регионе²⁸. При создании собственного института и определении его миссии АТЭС применяет модель «ядра, влияющего на систему», а в дальнейшем — модель «управление через многосторонние организации».

Торговля и инвестиции

Исторически сложившаяся миссия АТЭС направлена на либерализацию и упрощение торговли в регионе²⁹. ВТО является ключевой международной организацией, с которой АТЭС взаимодействует по своей торговой повестке дня.

ВТО

Как было показано в предыдущем разделе, ВТО является наиболее часто встречающимся институтом в документах АТЭС в силу важности торговых вопросов в повестке дня института.

Все экономики — участницы АТЭС являются членами ВТО³⁰, последней к ВТО присоединилась Россия (в 2012 г.), причем АТЭС в своих официальных документах неоднократно поддерживал процесс присоединения России к ВТО.

²⁶ 2006 Leaders' Declaration. Ha Noi, Viet Nam 18 November 2006. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2006/2006_aelm.aspx (accessed: 7.08.2016).

²⁷ First APEC Finance Ministers Meeting (Honolulu, Hawaii, Mar 18—19, 1994) JOINT MINISTERIAL STATEMENT. URL: http://www.apec.org/~media/Files/MinisterialStatements/Finance/94_fmm_jms.pdf (accessed: 7.08.2016).

²⁸ ABOUT THE 2014 ASIA-PACIFIC FINANCIAL FORUM. URL: <http://www.ncapec.org/events/APFF/> (accessed: 13.11.2016).

²⁹ Committee on Trade and Investment. URL: <http://www.apec.org/Home/Groups/Committee-on-Trade-and-Investment> (accessed: 7.08.2016).

Ежегодно лидеры АТЭС в своих декларациях подтверждают «центральную роль и примат многосторонней торговой системы под эгидой ВТО»³¹, а начиная с 2010 г. принимают отдельное заявление в поддержку многосторонней торговой системы и Министерской конференции ВТО.

В своей работе по формированию концепции Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) экономики АТЭС изначально подчеркивали, что АТЗСТ должна соответствовать правилам и нормам ВТО³².

В отношении ВТО АТЭС чаще всего использует модель «каталитического воздействия» и «управления через многосторонние организации», призывая экономики-участницы к имплементации соглашений ВТО. Модель «каталитического воздействия» наиболее явно прослеживается в отношении Дохийского раунда переговоров ВТО³³.

Среди поддержанных АТЭС инициатив ВТО:

- начало переговоров о существенном расширении спектра товаров, подпадающих под Соглашение ВТО по информационным технологиям (2011 г.);
- начало переговоров по расширению охвата Соглашения ВТО об информационных технологиях (2014 г.);
- начало переговоров по Соглашению ВТО об экологических товарах (2014 г.);
- проект по созданию базы данных о торговле товарами и услугами с добавленной стоимостью в рамках ГСЦ (TiVA) (2014 г.);
- Соглашение об упрощении условий торговли ВТО (TFA) (2015 г.)^{34, 35}.

Таким образом, АТЭС использует инструменты ВТО для достижения своих целей по либерализации торговли в регионе, тем самым способствуя повышению легитимности организации среди экономик-участниц.

По итогам проведенного исследования автор приходит к выводу, что форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) в ходе реализации функций регионального управления взаимодействует с широким кругом

³⁰ Understanding The WTO: The Organization. Members and Observers. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm; APEC Member Economies. URL: <http://www.apec.org/about-us/about-apec/member-economies.aspx> (accessed: 3.08.2016).

³¹ Декларация по итогам встречи лидеров экономик — участниц форума АТЭС. URL: <http://economy.gov.ru/minec/press/news/2015191107> (дата обращения: 1.08.2016).

³² 2008 APEC Ministerial Meeting. Lima, Peru 19 November 2008. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Annual-Ministerial-Meetings/Annual/2008/2008_amm.aspx (accessed: 3.08.2016).

³³ Декларация по итогам 22-й встречи лидеров экономик — участниц форума АТЭС, Пекин, Китай 11 ноября 2014 года. Пекинская повестка дня интеграции, инновационного развития и взаимосвязанности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/rso/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/940165 (дата обращения: 3.08.2016).

³⁴ 2016 Meeting of APEC Ministers Responsible for Trade. Arequipa, Peru 18 May 2016. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Trade/2016_trade.aspx (accessed: 3.08.2016).

³⁵ По состоянию на декабрь 2016 года, почти все экономики — участницы АТЭС ратифицировали TFA, за исключением Индонезии и Папуа — Новой Гвинеи. Источник: Trade facilitation news archive. URL: https://www.wto.org/english/news_e/archive_e/fac_arc_e.htm (accessed: 3.08.2016).

международных, региональных и секторальных организаций. При этом АТЭС выбирает модели взаимодействия, позволяющие ему решить свои задачи и повысить эффективность своей работы.

Как показывают данные исследования, чаще всего АТЭС использует политический, финансовый и экспертный потенциал, а также инструменты и механизмы международных организаций (модель «управление через многосторонние организации»), тем самым реализуя задачи своей собственной повестки дня, а с другой стороны — способствуя повышению легитимности данных международных организаций в глобальном пространстве. Одним из ярких примеров такого взаимодействия является проект по созданию Глобального фонда продовольственной безопасности, который был учрежден в ноябре 2011 г. в формате государственно-частного партнерства под управлением Всемирного банка в соответствии с меморандумом о взаимопонимании между Форумом сотрудничества в области продовольственной безопасности АТЭС (Food Safety Cooperation Forum (FSCF) — подгруппой Комитета по торговле и инвестициям АТЭС (СТИ) и ВБ. Ключевые направления деятельности фонда включают разработку, тестирование и оценку программ подготовки специалистов в области продовольственной безопасности; и укрепление систем анализа систем по обеспечению продовольственной безопасности в экономиках АТЭС. Также в качестве примера можно привести поручение Всемирному банку в 2015 г. со стороны министров финансов АТЭС провести исследование и подготовить доклад о возможных региональных механизмах финансирования борьбы с природными бедствиями.

Модель «каталитического воздействия» встречается достаточно редко, преимущественно в отношении МВФ и ВТО. В силу того что среди членов АТЭС есть крупные развивающиеся экономики, такие как Китай, Индонезия, Мексика, АТЭС неоднократно высказывался в поддержку реализации реформы квот и управления МВФ. В силу того что с момента создания одной из ключевых задач АТЭС является либерализация и упрощение торговли в регионе, лидеры экономик — участниц АТЭС ежегодно в своих декларациях призывают к завершению Дохийского раунда переговоров ВТО. Например, в 2014 г. они обязались «энергично и творчески играть роль лидера в совместном со всеми членами ВТО поиске путей выхода из этого тупика и реализации багийских решений, продолжив работу над постбагийской программой действий, которая должна стать краеугольным камнем для завершения Дохийского раунда»³⁶.

Нежелание / невозможность использования существующих структур для решения задач АТЭС определяет потребность создания собственных структур (модель «параллельного управления»). Таким институтом, например, является Азиатско-Тихоокеанский финансовый форум (Asia-Pacific Financial Forum (APFF), созданный в 2013 г. в качестве платформы для взаимодействия институтов, экспертных и иных организаций в целях развития и укрепления финансовых рынков в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Фактически в отношении собственных структур АТЭС использует модель «ядра, влияющего на систему», определяя их миссию и направление работ.

³⁶ Декларация по итогам 22-й встречи лидеров экономик-участниц форума АТЭС Пекин, Китай 11 ноября 2014 года. URL: http://www.mid.ru/forum-aziatsko-tihookeanskoe-ekonomiceskoe-sotrudnicestvo-ates/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/940165 (accessed: 1.08.2016).

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований (Модели взаимодействия международных институтов в процессе осуществления многостороннего управления в сферах макроэкономической политики, финансового регулирования, международной торговли и инвестиций), проект № 15-07-00022.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Киртон Д.Д.* Анализ причин успешности саммитов БРИКС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10 (2). С. 9—38. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-09.
- Ларионова М.В.* «Группа двадцати» и международные организации: взаимодействие для обеспечения сильного, устойчивого и сбалансированного роста // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12 (2) (в печати).
- Ларионова М.В.* Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016а. Т. 11 (1). С. 126—152. DOI: 10.17323/1996-7845/2016-01-126.
- Ларионова М.В.* Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016б. Т. 11 (2). С. 113—139. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-113.
- Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Сахаров А.Г., Шелепов А.В.* Формирование повестки дня БРИКС в сфере здравоохранения // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9 (4). С. 102—125.
- Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Шелепов А.В.* Что влияет на исполнение обязательств «Группы двадцати» и БРИКС: сравнительный анализ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11 (3). С. 99—131. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-99.
- Шелепов А.В.* БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10 (4). С. 7—28. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-04-07.
- Bayne N.* Hanging in There: The G7 and G8 Summit in Maturity and Renewal. Aldershot: Ashgate; 2000.
- Kirton J.* G20 Governance for a Globalized World. Farnham: Ashgate; 2013.
- Kirton J.* Multilateral Organizations and G8 Governance: A Framework for Analysis. In: Kirton J., Larionova M., Savona P. editors. Making Global Governance Effective: Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World. Farnham: Ashgate; 2010. P. 23—42.
- Kokotsis E.* Keeping International Commitments: Compliance, Credibility and the G7, 1988—1995. New York: Garland Publishing; 1999.
- Kokotsis E., Daniels J.* G8 Summits and Compliance. In: Hodges M., Daniels J. and Kirton J. editors. The G8's Role in the New Millennium. Aldershot: Ashgate; 1999. p. 75—94.
- Larionova M.* The New Partnership between Multilateral Organizations and the G8. In: Kirton J., Larionova M., Savona P. editors. Making Global Governance Effective: Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World. Farnham: Ashgate; 2010. p. 43—62.
- Larionova M., Shelepov A.* Is BRICS Institutionalization Enhancing its Effectiveness. In: Rewizorski M. editor. The European Union and the BRICS: Complex Relations in the Era of Global Governance. Springer; 2015. p. 39—55.
- Putnam R., Bayne N.* Hanging Together. Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits. London: Sage Publications; 1987.

Дата поступления статьи: 04.02.2017

Для цитирования: Сафонкина Е.А. Модели взаимодействия форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) с международными институтами в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т.17. № 1. С. 122—136.

Сведения об авторе: Сафонкина Елизавета Андреевна — научный сотрудник Центра исследований международных институтов (ЦИМИ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (e-mail: safonkina-ea@ranepa.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-122-136

ASIA-PACIFIC ECONOMIC COOPERATION (APEC): MODELS OF ENGAGEMENT WITH INTERNATIONAL INSTITUTIONS IN THE PROCESS OF REGIONAL GOVERNANCE

E.A. Safonkina

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

Abstract. After the global financial crisis in 2008 the Asia-Pacific region has become a main driver of global economic growth leaving behind the US and European economies. The regional integration processes and business environment improvement as a result of the multilateral regional fora's activities, such as the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) laid the foundation for such economic successes. In the process of regional governance the APEC engages with various international and regional organizations applying the models which help it to address its agenda demands in the best way.

The article aims to explore what models of engagement with international and regional organizations the APEC forum applies in the process of regional governance; reasons and results of applying these models; track the evolution of engagement as well as assess the effectiveness of APEC's engagement with international organizations in the context of shifting agenda. The research methods the author applied include qualitative and quantitative content analysis and comparative historical analysis. The official APEC documents adopted at the summits and ministerial meetings constituted the evidence base for the analysis.

The author comes to the conclusion that the Asia-Pacific Economic Cooperation has clearly organized agenda aimed at implementing primary goals on trade and investment liberalization and favorable business environment in the region. Accomplishing objectives of its agenda the APEC takes advantage of policy, finance and expert potential as well as instruments and mechanisms of the international organizations (model "governance through multilateral organizations"). The model of "catalytic influence" is applied by the APEC in very rare cases. APEC applies the model of "parallel treatment" when it establishes its own bodies. APEC uses the "core group" model when it defines the mission of its own bodies as well as gives mandates to the international institutions.

Drawing the results of the study it could be said that the APEC has formed a flexible and effective system of engagement with third-party organizations which helps it to make headway in implementing its objectives.

Key words: Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), international organizations, regional governance, models of engagement, effectiveness, World Trade Organization (WTO), World Bank, G20, International Monetary Fund (IMF)

Acknowledgements: The research was carried out with financial support of Russian Humanities Research Foundation within the framework of a research project "Models of international institutions engagement in the process of multilateral governance in the areas of macroeconomic policy, financial regulation, international trade, investment and infrastructure", project № 15-07-00022.

REFERENCES

- Bayne, N. (2000). *Hanging in There: The G7 and G8 Summit in Maturity and Renewal*. Aldershot: Ashgate.
- Kirton, J. (2013). *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate.

- Kirton, J. (2010). *Multilateral Organizations and G8 Governance: A Framework for Analysis*. In: Kirton J., Larionova M., Savona P. editors. *Making Global Governance Effective: Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World*. Farnham: Ashgate. p. 23—42.
- Kirton, J. J. (2015). Explaining the BRICS Summit Solid, Strengthening Success. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 10 (2), 9—38. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-09. (In Russ.).
- Kokotsis, E. (1999). *Keeping International Commitments: Compliance, Credibility and the G7, 1988—1995*. New York: Garland Publishing.
- Kokotsis, E., & Daniels, J. (1999). *G8 Summits and Compliance*. In: Hodges M., Daniels J. and Kirton J. editors. *The G8's Role in the New Millennium*. Aldershot: Ashgate. p. 75—91.
- Larionova, M. (2010). *The New Partnership between Multilateral Organizations and the G8*. In: Kirton J., Larionova M., Savona P. editors. *Making Global Governance Effective: Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World*. Farnham: Ashgate. p. 43—62.
- Larionova, M. V. (2016a). Assessing Summit Engagement with Other International Organizations in Global Governance. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 11 (1), 126—152. DOI: 10.17323/1996-7845/2016-01-126. (In Russ.).
- Larionova, M. V. (2016b). Russia's 2015 BRICS Presidency: Models of Engagement with International Organizations. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 11 (2), 113—139. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-113. (In Russ.).
- Larionova, M. V. (2017). G20 and BRICS: Engaging with International Organizations to Generate Growth. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 12 (2) (forthcoming). (In Russ.).
- Larionova, M. V., Rakhmangulov, M. R., Sakharov, A. G., & Shelepov, A. V. (2014). BRICS: Emergence of Health Agenda. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 9 (4), 102—125. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-99. (In Russ.).
- Larionova, M. V., Rakhmangulov, M. R., & Shelepov, A. V. (2016). Explaining G20 and BRICS Compliance. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 11 (3), 99—131. (In Russ.).
- Larionova, M., & Shelepov, A. (2015). *Is BRICS Institutionalization Enhancing its Effectiveness*. In: Rewizorski M. editor. *The European Union and the BRICS: Complex Relations in the Era of Global Governance*. Springer. p. 39—55.
- Putnam, R., & Bayne, N. (1987). *Hanging Together. Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits*. London: Sage Publications.
- Shelepov, A. V. (2015). BRICS and International Institutions: Models of Engagement in Global Governance. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 10 (4), 7—28. (In Russ.).

Received: 04.02.2017

For citations: Safonkina, E.A. (2017). Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC): Models of Engagement with International Institutions in the Process of Regional Governance. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17(1), 122—136.

About the author: *Safonkina Elizaveta Andreyevna* — Researcher of the Center for International Institutions Research (CIIR), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA) (e-mail: safonkina-ea@ranepa.ru).

© Сафонкина Е.А., 2017

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-137-143

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РФ **Интервью с доктором политических наук, профессором,** **директором Центра исследований международных институтов** **(ЦИМИ) РАНХиГС М.В. ЛАРИОНОВОЙ, членом редколлегии** **Вестника РУДН. Серия: Международные отношения**

Ларионова Марина Владимировна является ведущим исследователем международных институтов в РФ. В 2007 г. она защитила докторскую диссертацию на тему: «Формирование общего образовательного пространства в условиях развития интеграционных процессов в Европейском Союзе» в Российском университете дружбы народов. В период с 2002 г. по 2009 г. занимала должность проректора НИУ ВШЭ, в настоящий момент является профессором Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. В 2005—2016 гг. возглавляла Институт международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ. С 2014 г. Марина Владимировна является управляющим директором и вице-президентом по международному сотрудничеству Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). С 2016 г. возглавляет Центр исследований международных институтов (ЦИМИ) в РАНХиГС. Имеет более 100 научных публикаций, состоит в Академии политической науки, Ассоциации университетов в сфере современных европейских исследований и занимает пост президента Ассоциации экспертов в области содействия международному развитию. Ларионова Марина Владимировна — главный редактор научного журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика», член редакционной коллегии Вестника Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения и Global Summitry Journal — GSJ. В интервью М.В. Ларионова рассказывает об исследовании деятельности международных институтов (организаций) в РФ и в мире, основных школах, направлениях и методах анализа в данной сфере.

Ключевые слова: международные организации, ООН, БРИКС, G20, глобальное управление, многосторонность, многополярность

— Как представляется, в советский период существовала определенная лагуна в комплексном исследовании деятельности международных организаций. Насколько я помню, такими вопросами занимался, пожалуй, только Г.И. Мороз (зять И.В. Сталина, первый муж С.И. Аллилуевой. — *Прим. ред.*). Как вы думаете, с чем это связано? Сохраняется ли данная лагуна в российских исследованиях международных организаций?

— Мне кажется, что это в общем не удивительно и связано с несколькими моментами: во-первых, конечно, в советское время и страна, и исследования, соответственно, развивались в русле идеологии марксизма-ленинизма, а также реализма как основной парадигмы исследовательской деятельности, поэтому госу-

дарство рассматривалось в качестве центрального актора международных отношений.

Во-вторых, становление исследований международных организаций связано с созданием и развитием самих институтов, особенно в послевоенный период после 1945 г. Это наглядно видно на примере первого научного международного журнала «International Organization», издаваемого Cambridge University Press, и собравшего лучшие умы XX в. Первый выпуск, изданный в феврале 1947 г., был посвящен ООН, ее главным органам и специализированным учреждениям. Далее интерес к исследованиям подпитывался процессами, которые происходили в мире с точки зрения международных организаций.

Журнал ИМЭМО АН СССР (РАН) «Мировая экономика и международные отношения» был основан только в 1957 г., и он не был посвящен исследованиям в области международных организаций. Его центральной исследовательской тематикой стали мирохозяйственные связи и экономика, политика конкретных стран и регионов. Кроме того, существовал некоторый отрыв нашей школы от зарубежных школ, развивавшихся в либеральной и функциональной аналитической парадигмах.

Еще в 1943 г. Дэвид Митрани написал исторически значимую работу «A Working Peace System», в которой впервые был обоснован функциональный подход к анализу, созданию и деятельности международных организаций [Mitrany 1943]. Анализируя развитие интеграционных процессов, наблюдая за созданием Европейских сообществ, исследователи искали причины, пытались понять условия интеграции. Эрнст Б. Хаас в 1958 г. выпустил книгу «Единство Европы. Политические, социальные и экономические силы», посвященную периоду 1951—1957 гг., времени становления ЕС [Haas 1958]. Карл Дейч, опубликовавший в 1957 г. книгу «Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience», стал основателем транзакционализма (transactionalism) [Deutsch 1957].

Таким образом, мне кажется, существует четыре основные причины лагуны в комплексном исследовании деятельности международных организаций в советский период: идеологический прагматизм, приверженность реализму, некоторая наша оторванность от зарубежной науки и то, что, может быть, мы в большей степени исследовали отношения и интересы государств и в меньшей степени следили за созданием новых институтов, таких как ЕС и других региональных объединений. Однако к 1980-м гг., когда большое количество новых институтов и организаций было создано, внимание отечественной науки в большей степени стали привлекать международные организации, хотя и в этот период государства в наших исследованиях оставались центральными акторами.

— Я регулярно читаю журнал «Вестник международных организаций», главным редактором которого вы являетесь. Обращает внимание большой фокус журнала на деятельности новых форматов клубной дипломатии — «Группа двадцати», БРИКС, по сравнению с традиционными международными организациями, в первую очередь системы ООН. Возглавляемый вами в РАНХиГС ЦИМИ изучает (как следует из названия) не международные организации, а институты. С чем это связано? Вы считаете, что деятельность

новых институтов играет большую роль в механизмах глобального управления? Насколько распространенной является тенденция перехода от исследования многосторонней дипломатии в сторону глобального управления?

— Действительно значительное количество публикаций «Вестника международных организаций» посвящено клубной дипломатии. Наверное, это связано с тем, что период становления журнала пришелся на 2004—2005 гг., и если мы вспомним, то именно в 2006 г. Россия впервые принимала саммит «Группы восьми». С конца 1990-х наша страна активно участвовала в работе «Группы двадцати» (G20), тогда еще на уровне министров финансов, в АТЭС, и уже можно было анализировать этот опыт. То есть объективные мировые процессы, в которых принимала участие Россия, а также потребности внешней политики страны определяли интерес исследователей к изучению клубных институтов.

Затем появился БРИК (позже БРИКС), и так же, как и в прошлом веке, исследователи шли вслед за предметом своего исследования, аналогично происходит и сейчас. Появляются новые институты, требуется их объективный анализ. Особенно это касается БРИКС, в адрес которого звучит много критики со стороны наших политических оппонентов. БРИКС — это институт, объединяющий развивающиеся страны — партнеры России, с которыми мы часто вступаем в коалиции в рамках других как формальных, так и неформальных институтов. Подвергается сомнению эффективность, цели и принципы объединения и, безусловно, правильным ответом на эти замечания является изучение деятельности БРИКС с возможностью показать реальные результаты работы объединения.

Мы считаем важным анализ решений, которые принимаются странами-членами, их исполнения, и того, каким образом это влияет на политику самих государств-участников и, в целом, на экономику и геополитические условия в мире. Данные работы востребованы как среди российских ученых, так и в среде зарубежных исследователей. Однако «Вестник международных организаций» не меньше внимания уделяет публикациям исследований традиционных институтов.

Что касается Центра исследований международных институтов (ЦИМИ), мы изучаем не только формализованные международные организации, а институты. Институты — более широкий термин, он включает и клубные объединения, и форумы, и разные механизмы, то, что называют за рубежом «regimes and settings», многосторонние режимы, площадки. Поэтому мы хотели назвать центр более широко, чтобы отразить именно всю совокупность механизмов и участников системы международных отношений. Мы изучаем международные организации, так, один из наших проектов — это исследование вызовов, с которыми сталкивается ООН. Исследование направлено на то, чтобы выработать предложения для органов власти Российской Федерации для повышения эффективности ООН и нашего участия в организации¹.

¹ В «Вестнике РУДН. Серия: Международные отношения» регулярно размещаются результаты исследований ЦИМИ РАНХиГС. В текущем номере см. статью Е.А. Сафонкиной [Сафонкина 2017], в 2015—2016 гг. также опубликован ряд материалов [Ларионова 2015; Ларионова, Шелепов 2016]. — *Прим. ред.*

— Деятельность международных организаций — это комплексный феномен. Проводятся ли междисциплинарные исследования международных организаций? Какие методы используются в анализе деятельности международных организаций за рубежом и в РФ?

— Международные организации — комплексный феномен, и исследовать его возможно именно междисциплинарными методами. То, что называется глобальным управлением, является новым направлением, которое аккумулировало в себе и исторический подход, и инструменты политических наук и международных отношений, в рамках которого сосуществуют самые разные школы: реалисты, неореалисты, конструктивисты, институционалисты, сторонники теории рационального выбора и т.д.

Многие исследователи используют в своем анализе и работах целый ряд методов и методик. Например, Кемаль Дервис, вице-президент и директор программы «Глобальная экономика и развитие» в Брукингском институте, который является экономистом, применяет совершенно разный инструментарий в исследованиях новых вызовов. Это наглядно демонстрируют его эссе в опубликованной в 2016 г. книге «Reflections on Progress: Essays on the Global Political Economy» [Dervis 2016]. Джон Киртон, который работает в Университете Торонто, тоже проводит исследования проблем глобального управления, используя методы системного анализа. Роберт Патнэм, который является представителем гарвардской политологической школы, применяет методы сравнительного анализа, системные методы. Анализируя «Группу семи», Патнэм создал модель двухуровневой игры. Его статья «Дипломатия и внутренняя политика: логика двухуровневой игры», которая вышла в 1988 г., подтолкнула развитие исследований международных переговоров как взаимосвязанных процессов, протекающих на международном и национальном уровне [Putnam 1988].

В России есть люди, которые критикуют национальные исследования, говорят о том, что исследователи любят заимствования, и о том, что собственных школ у нас нет или они не состоялись. На самом деле, я считаю, что у нас есть знаковые фигуры: школа МГИМО под руководством А.В. Торкунова; школа, которая находится в стадии становления в Высшей школе экономики под руководством С.А. Караганова; есть ряд выдающихся исследователей, например, М.М. Лебедева, которая специализируется на международных отношениях, мировой политике, и М.Л. Энтин, который является выдающимся ученым в области международного, европейского права. Стоит отметить Институт Европы РАН и известного российского экономиста, специалиста по европейской интеграции Ю.А. Борко, к которому прислушиваются в ЕС, а его труды в области европейских интеграционных процессов являются фундаментом в исследовании международных организаций. Примечательно, что в работе он использует не только экономические, математические методы, но и инструментарий политических наук.

— Как вы считаете, можно ли отнести к успешным многочисленные миротворческие операции под эгидой ООН и других институтов? В решении каких глобальных проблем современности хорошо себя зарекомендовал формат многосторонних организаций?

— Конечно, в наших текущих условиях нельзя сказать, что они однозначно успешны. Но не хотелось бы присоединяться к многочисленным критикам миротворческих операций ООН. Во-первых, альтернативы миротворчеству нет, и это — ключевая функция ООН. Во-вторых, есть объективные проблемы, например, проблема недофинансирования этих операций носит системный характер. Со стороны РФ не так много миротворческих ресурсов выделяется. Индия, наш партнер по БРИКС, значительно больше направляет ресурсов на миротворческие операции в виде военных контингентов.

В настоящее время миротворческая деятельность требует переоценки, новых подходов, и, в общем, хочется надеяться на то, что с приходом нового Генерального секретаря ООН начнется процесс переосмысления имеющихся трудностей, и реальных действий. Что касается региональных миротворческих организаций, то они нужны, но их деятельность должна осуществляться по мандату ООН в рамках международного права. Это и в интересах РФ, так как если мы признаем неэффективность универсальной организации ООН как факт, и начнем развивать региональные миротворческие институты, то есть риск, что это будет использовано не в интересах миротворчества, а в целях реализации локальных или региональных приоритетов других государств.

Сейчас много критики звучит в отношении ООН, однако мы не видим альтернативы. Данная организация с точки зрения возможности решения сложных, многосторонних проблем вместе с сетью специализированных институтов, которые нуждаются в укреплении, является уникальным инструментом. В качестве примера достаточно привести Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ). Мы слышим много критики в адрес ВОЗ, однако, когда возрастают угрозы пандемии, проблемы разрешаются только объединением усилий на национальном уровне, новых возникающих организаций, форумов, механизмов и ВОЗ. В частности, БРИКС активно развивает сотрудничество по направлению здравоохранения, но это инклюзивное сотрудничество с участием ВОЗ. На нее опирается та же «Группа двадцати», пытаясь сделать все возможное для сдерживания и ликвидации таких пандемий, как вспышки лихорадки Эбола, и вырабатывать общие подходы в борьбе с устойчивостью микробов к антибиотикам.

— Есть понимание того, что многосторонность и многополярность — это не синонимы. Какие международные организации, на ваш взгляд, сегодня имеют действительно демократические процедуры принятия решений, а для каких характерна однополярность? Как представитель РУДН, не могу не задать вопрос о роли развивающихся стран в международных организациях.

— Как мне кажется, процедура принятия решений в рамках ключевых международных организаций является демократической. Ни в одной из них нет одно-

полярности, хотя не обходится и без перекосов, которые требуют изменений и пересмотра ряда положений процедуры. К примеру, МВФ и ВБ, которые должны содействовать международной финансовой стабильности и сотрудничеству в валютно-финансовой сфере. Пока наибольшая квота в фонде в размере 17,08% принадлежит Соединенным Штатам Америки. Это дает им возможность блокировать неугодные решения, так как решения в фонде принимаются при поддержке не менее 85% голосов. Индия, Китай догнали США по экономическим показателям, и существует проблема в отношении пересмотра формулы расчета доли голосов, чтобы более адекватно отражать меняющуюся степень влияния развивающихся государств — членов МВФ на мировую экономику, т.е. назрела реформа. Данная проблема активно обсуждается в формате «двадцатки» и БРИКС, вопрос чувствительный, поскольку затрагивает интересы групп стран и ряда государств в отдельности.

Интервью провела С.А. Бокерия

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ларионова М.В.* Председательство ЮАР в БРИКС. Региональная держава у руля глобального объединения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 125—134.
- Сафонкина Е.А.* Модели взаимодействия форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) с международными институтами в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 122—136. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-122-136.
- Dervis K.* Reflections on Progress: Essays on the Global Political Economy. Brookings Institution Press; 2016.
- Deutsch K.W.* Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton University Press; 1957.
- Haas E.B.* The uniting of Europe: political, social, and economic forces, 1950—1957. Stanford University Press; 1958.
- Larionova M.V., Shelepov A.V.* Potential role of the NDB and AIIB in the global financial system // Vestnik RUDN. International Relations. 2016. Vol. 16. N 4. P. 700—716. DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-700-716.
- Mitrany D.* A Working Peace System. Royal Institute of International Affairs; 1943.
- Putnam R.D.* Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // International Organization. 1988. Vol. 42. N 3. P. 427—460.

Дата поступления статьи: 07.02.2017

Для цитирования: Исследования международных организаций в РФ. Интервью с доктором политических наук, директором Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) РАНХиГС М.В. Ларионовой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 137—143.

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-137-143

**STUDIES OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**
**Interview with Doctor of Political Sciences, Professor,
Director of the Center for International Institutions
Research (CIIR) of RANEP M.V. Larionova**

Abstract. Marina V. Larionova is a leading Russian expert in studying international institutions. In 2007 she defended her doctoral thesis on the theme: “Creating a common educational space in conditions of the development of integration processes in the European Union” at the Peoples’ Friendship University of Russia. In the period from 2002 to 2009 Marina Vladimirovna held the position of Vice-Rector of the National Research University “Higher School of Economics”, and now she is currently a professor at the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics at HSE. Also in 2005—2016 she headed the Institute of International Organizations and International Cooperation of this University. Since 2014 Marina Vladimirovna is the Managing Director and Vice President for International Cooperation of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. Since 2015 she also heads the Center for International Institutions Research (CIIR) in RANEP. M.V. Larionova has more than 70 scientific publications, is member of the Political Science Academy, University Association for Contemporary European Studies (UACES) and the president of the Association of Experts in the field of international development assistance. Marina Vladimirovna is also the chief editor of the scientific journal the International Organisations Research Journal (IORJ), a member of the editorial board of the Vestnik RUDN. International relations and a member of the editorial board of Global Summitry Journal — GSJ. In the interview, M.V. Larionova speaks about studies of international institutions (organizations) both in Russia and in the world, describes main schools and research methodology.

Key words: International organizations, the UN, BRICS, G20, global governance, multilateralism, multipolarity

REFERENCES

- Dervis, K. (2016). *Reflections on Progress: Essays on the Global Political Economy*. Brookings Institution Press.
- Deutsch, K. W. (1957). *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton University Press.
- Haas, E. B. (1958). *The uniting of Europe: political, social, and economic forces, 1950—1957*. Stanford University Press.
- Larionova, M. V. (2015). South Africa’s BRICS Presidency: Regional Power at the Helm of a Global Governance Forum. *Vestnik RUDN. International Relations*, (1), 125—134. (In Russ.).
- Larionova, M. V., & Shelepov, A. V. (2016). Potential role of the NDB and AIIB in the global financial system. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), 700—716. DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-700-716.
- Mitrany, D. (1943). *A Working Peace System*. Royal Institute of International Affairs.
- Putnam, R. D. (1988). Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization*, 42 (3), 427—460.
- Safonkina, E. A. (2017). Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC): Models of Engagement with International Institutions in the Process of Regional Governance. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 122—136. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-122-136. (In Russ.).

Received: 07.02.2017

For citations: Studies of International Organizations in the Russian Federation. Interview with Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Center for International Institutions Research (CIIR) of RANEP M.V. Larionova. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 137—143.

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-144-149

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН Интервью с Генеральным секретарем ЛАГ (2001—2011 гг.) АМР МУСОЙ

Амр Муса является одним из наиболее опытных дипломатов с богатым опытом работы в международных организациях. В 1958—1972 гг. он работал в нескольких департаментах и египетских зарубежных миссиях, включая миссию в ООН. Начиная с 1974 г., на протяжении трех лет занимал пост помощника и советника министра иностранных дел Арабской Республики Египет. Дважды (1977—1981 гг.; 1986—1990 гг.) возглавлял Департамент международных организаций МИД Египта. В период 1981—1983 гг. занимал пост заместителя постоянного представителя Египта в ООН. После чего до 1986 г. продолжил дипломати-

ческую карьеру в качестве посла в Индии.

С 1990 г. до 1991 г. работал в качестве постоянного представителя Арабской Республики Египет в ООН. После чего на протяжении 10 лет Амр Муса возглавлял МИД Египта. С 2001 г. по 2011 г. занимал пост Генерального секретаря Лиги арабских государств.

В своем интервью г-н Амр Муса говорит о роли международных организаций в развивающемся мире, особенностях региональной политической и экономической интеграции развивающихся стран. Особое внимание уделяется проблематике миротворческой деятельности на региональном уровне.

Ключевые слова: международные организации, интеграция, региональные организации, развивающиеся страны, Ближний Восток, Лига арабских государств, Египет

— Уважаемый г-н Муса! Вы — известный египетский дипломат, занимали высокие дипломатические должности, являясь Министром иностранных дел Египта, возглавляя Лигу арабских государств (ЛАГ). Вы были одним из кандидатов на пост президента АРЕ на выборах в мае 2012 г. и получили большое количество голосов в свою поддержку. В одном из своих интервью вы произнесли такие слова: «Я служил Египту». Не в этом ли секрет вашей популярности среди соотечественников?

— Я думаю, что в этом есть доля правды; действительно, всю жизнь я работал во благо Египта, служил его интересам и интересам своего народа. Я не стремился к тому, чтобы моя деятельность получила одобрение со стороны отдельных режимов, и не действовал в угоду отдельным личностям в ущерб национальным интересам страны. Я твердо убежден, что любой человек, занимающий офици-

альную должность, должен придерживаться именно такой позиции и мыслить в таком русле, иначе неизбежны ошибки и неверные шаги.

— У вас огромный опыт дипломатической работы, авторитет не только в арабском мире, но и на международной арене. В 2001—2011 гг. вы возглавляли ЛАГ и приложили немало сил, чтобы реформировать эту организацию, сделать ее деятельность более эффективной в интересах арабского мира. Как вам удается в своей профессиональной деятельности совмещать такие качества, как, с одной стороны, стремление к новому, к модернизации и обновлению, а с другой, — приверженность стабильности и сохранению статус-кво?

— Сохранение статус-кво никогда не входило в мои цели. Чтобы соответствовать реалиям XXI в., приходится не отставать от постоянной гонки, нацеленной на развитие и модернизацию. «Арабский порядок» в его прежнем измерении уже не мог адекватно отвечать на современные вызовы, более того, он страдал от накопившихся за десятилетия проблем нерационального управления, что привело в итоге к дисбалансу в самой системе. Что касается ЛАГ, то наиболее эффективная работа проводилась в ее экономических, административных и социальных институтах, и именно этим структурам, в отличие от политического направления, удалось достичь конкретных результатов, благодаря которым были созданы условия для арабской интеграции.

Отметим и другое важное обстоятельство: когда граждане арабских стран видят, что ЛАГ выступает от их имени, и когда они осознают, что позиция Лиги является отражением их устремлений, это укрепляет доверие к организации. И если ЛАГ честно представляет интересы народов стран-участниц, то авторитет самой организации и уважение к ней укрепляются во всем мире.

— К сожалению, Ближний Восток является самым конфликтным регионом в мире. За последнее десятилетие здесь вспыхнуло немало новых серьезных конфликтов при том, что остались неурегулированными старые — прежде всего, палестино-израильский. Кстати, вы лично сделали немало для его урегулирования, что получило высокую оценку со стороны палестинского руководства. Как вы полагаете, какую роль могут сыграть арабские региональные организации в разрешении конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке и в Северной Африке? Эффективно ли они действуют на настоящий момент?

— Я полагаю, что неспособность урегулировать давние конфликты и старые споры стала непосредственной причиной возникновения новых конфликтных ситуаций и противоречий, идет ли речь о палестинской проблеме, или об арабо-иранских разногласиях, или о внутренних коллизиях в странах региона.

Страны Ближнего Востока стали заложниками проблемы «управления» кризисами, вместо их реального урегулирования и разрешения. К сожалению, ведущие мировые державы не осознали всей опасности затягивания такого рода конфликта, как палестино-израильский, на целых семь десятилетий. На мой взгляд, палестинская проблема остается источником и причиной многих проблем и бед

региона. А если будут предприняты серьезные шаги для ее урегулирования, то это окажет глубочайшее положительное воздействие на все проблемные зоны региона. Арабские страны сделали все от них зависящее для урегулирования конфликта, они представили мировому сообществу «арабскую инициативу», которая получила беспрецедентную поддержку со стороны всего исламского мира, в том числе Ирана. И сегодня, спустя много лет, мы еще ждем ответного шага со стороны Израиля, который, по сути, даже не отреагировал на эту инициативу, и именно израильтяне в сложившейся ситуации больше всех выигрывают от «управления» кризисом при отсутствии его реального решения.

— В своей деятельности, занимая высокие посты, вы самое пристальное внимание уделяли проблеме безопасности, как национальной, так и региональной. Египет традиционно является одним из ключевых государств арабского Востока, он играет значимую роль в поддержании стабильности и безопасности, в урегулировании конфликтов, выполняя важные посреднические функции. Как вы оцениваете роль Египта, а также других арабских стран в стабилизации ситуации в регионе? Какую роль, по вашему мнению, играет Россия в этом процессе?

— Позвольте с вами не согласиться в полной мере, поскольку роль Египта более значимая и ответственная, нежели простое посредничество в разрешении споров или в поддержании стабильности в регионе. Египет является незаменимым участником в разрешении важнейших проблем арабского и исламского мира, а его эпизодическое отсутствие на этих аренах (арабской и исламской) создает невозполнимый вакуум. Египет занимает ключевые позиции в геополитическом раскладе ближневосточного региона, являясь здесь одним из наиболее влиятельных и сильных государств. Он имеет развитую экономику и достаточно сильные вооруженные силы, выделяется своими достижениями в области культуры и искусства.

Некоторое время назад мною был озвучен тезис о том, что Ближний Восток нуждается в новой региональной системе и новой системе безопасности. В этой связи все страны региона должны прийти к общему пониманию того, каким они хотят увидеть будущее нашего региона. Мы открыты всему миру — и Востоку, и Западу, но у нас есть свои интересы. Мы уважаем интересы других, однако судьба Арабского Востока должна определяться самими его жителями, т.е. арабами.

Я считаю, что Россия имеет сильные позиции в регионе, особенно это касается сирийского досье. При этом вижу большую ошибку в том, что практически в отсутствие самих арабов урегулированием кризиса занимаются Россия, США, Турция и Иран. Это может привести к опасной ситуации, при которой исключается роль жителей этого региона.

— Господин Муса, как вы видите будущее Ближнего Востока? Сумеют ли страны региона преодолеть колоссальные трудности, выпавшие на их долю — гражданские войны, конфликты, угрозу распада государств, терроризм, распространение оружия массового уничтожения, экологические проблемы,

бедность и т.д. Какую роль в этом может сыграть многосторонняя дипломатия и дипломатия на высшем уровне?

— Если мы углубимся в историю, то вспомним, как целый континент, такой как Европа, был буквально растерзан конфликтами, распрями и войнами, а затем смог восстановиться и продемонстрировать прогресс. Есть надежда, что и Ближний Восток в состоянии решить свои проблемы и двигаться вперед. Необходимо, чтобы вмешательство международного сообщества и стран региона в конфликтные ситуации было ответственным, нацеленным на стабилизацию и поддержку конструктивных тенденций. К сожалению, у многих людей складывается впечатление, что вмешательство зачастую направлено на разрушение тех государств, которые еще сохраняют свою целостность и стабильность.

У арабов нет другого выхода, кроме как работать сообща, так как имеющиеся вызовы, проблемы, безответственное вмешательство реально угрожают региону. И если мы не будем должным образом отвечать на эти вызовы, то ответственность перед будущими поколениями за продолжение и усугубление такой ситуации ляжет на наши плечи.

— Мы привыкли к тому, что Европейский союз — это идеал интеграционной группировки как экономической, так и политической. Но в последние годы ореол этого идеала несколько померк, появились проблемы с мигрантами, с дефицитом бюджета¹, уже не идет речь о дальнейшем расширении Евросоюза. Приход Д. Трампа, 45-го президента США, внес еще больше смятения в ряды сторонников создания мощных интеграционных объединений и мегаблоков, таких, как Трансатлантическое и Транстихоокеанское партнерство. А как обстоит дело с развивающимися странами? Верите ли вы в эффективную политическую и экономическую интеграцию в странах Азии, Африки и Латинской Америки?

— ЕС представляет собой уникальный политический и экономический проект на международной арене. Однако каждый эксперимент все же уязвим, успешные периоды подъема сменяются временами трудностей и проблем. Сегодня ЕС переживает серьезное испытание в связи с выходом Великобритании, а также политическим подъемом правых партий во многих странах ЕС.

Полагаю, что не следует оценивать ЕС с точки зрения текущих трудностей и проблем, которые он переживает в настоящее время. Не стоит забывать о том, что этот уникальный опыт, во многом, способствовал избавлению народов европейских стран от тяжелых последствий мировых войн, а также холодной войны, обеспечил им высокий уровень жизни, а также дал миру сильного и успешного партнера. Даже при нынешних экономических трудностях, миграционном кризисе, переживаемых ЕС, этот проект все же остается, как нам представляется, успешным и востребованным.

¹ В данном номере журнала на с. 74—85 размещена статья К. Салинг о текущих экономических проблемах европейской интеграции [Салинг 2017]. — *Прим. ред.*

Я думаю, что развивающиеся страны сейчас находятся в ситуации, диктующей необходимость интеграции и создания партнерских и союзных форматов. Им надлежит воспользоваться теми серьезными изменениями, которые сейчас происходят в мире, чтобы занять свою нишу в системе международных отношений.

— В последние годы все чаще говорят о механизмах глобального управления, значительно активизировалась деятельность «Группы двадцати», БРИКС, других институтов. Как вы считаете, какую роль могли бы сыграть развивающиеся страны «Глобального Юга» (Азия, Африка и Латинская Америка) в институтах глобального управления? Что необходимо сделать для повышения их влияния?

— Странам «Глобального Юга» не хватает того, о чем мы говорили, отвечая на предыдущий вопрос, т.е. общей платформы, используя которую они могли бы заявить о себе и своих интересах на международном уровне. Существуют множество региональных организаций, однако Азия, Африка и Латинская Америка не действуют сообща, а двигаются порознь. Я считаю, что у каждого региона должны быть представители в политических и экономических структурах, которые бы отстаивали их интересы в глобальных объединениях.

Интервью и перевод Е.М. Савичевой

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Салинг К. Дисбалансы в развитии Европейской валютной интеграции: проблемы и современные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 74—85.

Дата поступления статьи: 05.03.2017

Для цитирования: Региональная интеграция развивающихся стран. Интервью с Генеральным секретарем ЛАГ (2001—2011 гг.) Амр Мусой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 144—149.

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-144-149

REGIONAL INTEGRATION OF DEVELOPING COUNTRIES **Interview with Amr Moussa, the Secretary General** **of the League of Arab States (2001—2011)**

Abstract. Amr Moussa is one of the most experienced diplomats with rich experience in international organizations. In 1958 Mr. Moussa joined the Ministry of Foreign Affairs of Egypt, where he worked in several departments and Egyptian missions including Egypt's UN mission (1985—1972). In 1974—1977 Amr Moussa was an Assistant and Advisor to the Minister for Foreign Affairs of the Arab Republic of Egypt. In 1977—1981 and 1986—1990 he held office of the Department of International Organizations as the Director in the Ministry of Foreign Affairs of Egypt. In 1981—1983 Mr. Moussa was an Alternate Permanent Representative of Egypt to the United Nations in New York. In 1983—1986 he worked as Ambassador to India. Amr Moussa worked as Permanent Representative of the Arab Republic of Egypt to the United

Nations in 1990—1991. In 1991—2001 he was a head of the Ministry of Foreign Affairs of Egypt. In 2001—2011 he worked as Secretary General of the League of Arab States.

In his interview, Mr. Amr Moussa talks about the role of international organizations in the developing world, the peculiarities of regional political and economic integration of developing countries. Particular attention is paid to the problems of peacekeeping activities at the regional level.

Key words: international organizations, integration, regional organizations, developing countries, Middle East, League of Arab States, Egypt

REFERENCES

Sahling, C. (2017). Imbalances in the development of European currency integration: key issues and recent trends. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 74—85. (In Russ.).

Received: 05.03.2017

For citations: Regional integration of developing countries. Interview with Amr Moussa, the Secretary General of the League of Arab States (2001—2011). *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 144—149.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-150-161

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ЮЖНО-АФРИКАНСКОГО СОЮЗА В 1910 Г.

А.А. Архангельская

Институт Африки РАН, Москва, Россия

История формирования Южной Африки как единого государства в XIX — начале XX в. тесно переплетена с событиями мировой политики того времени. Колонизация юга Африки происходила в основном за счет переселения голландцев и англичан, занимавшихся различной предпринимательской деятельностью — торговлей, добычей минерального сырья, сельским хозяйством и пр. Образованию Южно-Африканского Союза предшествовал весьма продолжительный период, в ходе которого последовательно формировалась идея объединения английских колониальных владений на юге Африки и создавались долгосрочные планы реализации намеченного. За экономическое проникновение в Южную Африку кроме Германии с Англией соперничали еще нескольких европейских держав и США.

С 1869 г. по 1886 г. на данной территории были обнаружены крупнейшие в мире месторождения алмазов и золота, что коренным образом изменило ситуацию в регионе. Конфликт интересов в борьбе за контроль над богатейшими ресурсами привел к первой войне XX в. — англо-бурской, которая оставила заметный след и в истории России. Правительство России стремилось поддержать буров и извлечь выгоды из затруднений своего тогдашнего главного соперника на мировой арене, а буры в свою очередь нуждались в поддержке мировых держав. Хотя дипломатические отношения с Россией были установлены, российское посольство в Претории так и не появилось, через год началась война. В результате возник британский доминион Южно-Африканский Союз.

Утверждение британским парламентом «Акта о Южной Африке» ликвидировало последние препятствия на пути создания союза, 31 мая 1910 г. было официально провозглашено создание нового государства — Южно-Африканского Союза.

Так происходившие на юге Африки социально-экономические и политические процессы находили свое отражение в мировой политике того времени. Они оказали важное влияние на формирование стратегии нового государства, пока еще доминиона Великобритании.

Ключевые слова: история международных отношений, Южная Африка, Африка, внешняя политика, Великобритания, Южно-Африканский Союз

Письменная история Южной Африки начинается 6 апреля 1652 г. — с момента, когда Ян ван Рибек от имени голландской Ост-Индской компании основал поселение на мысе Доброй Надежды (Капстад, сегодня Кейптаун). В XVII в. и XVIII в. туда прибывали колонисты из Нидерландов, а также французские гугеноты, спасавшиеся от религиозных преследований на родине, и поселенцы из Германии. Вскоре они столкнулись с готтентотами, а позднее с народом коса. Последовала серия конфликтов, известных как Капские пограничные войны и вызванных, в основном, спорами из-за земель, пригодных для сельского хозяйства. Хотя и восстания, и войны местного населения с колонизаторами на юге начались еще раньше и наложили отпечаток на жизнь многих поколений.

В Капскую колонию также свозились рабы из других голландских владений, в частности, из нынешней Индонезии и с Мадагаскара. Многие рабы, а также ав-

тохтонное население Капского региона смешались с белыми колонистами. Их потомков называют «капскими цветными», и они на данный момент составляют значительную часть населения западной Капской провинции.

Великобритания впервые получила господство над Капской колонией в 1797 г., в ходе войны первой коалиции: тогда Нидерланды оказались под властью Наполеона, и британцы, боясь, что французы получат контроль над этим регионом, отправили в Капстад армию под командованием генерала Джеймса Генри Крэйга, чтобы тот захватил колонию от имени статхаудера Вильгельма V. Губернатор Капстада не получал никаких указаний, однако согласился подчиниться англичанам. В 1803 г. был заключен Амьенский мир, по условиям которого Батавия (т.е. Нидерланды) оставляла Капскую колонию за собой. После возобновления войны англичане вновь решили захватить колонию, и после битвы на склонах Столовой горы в 1806 г. английские войска под командованием Дэвида Бэрда вошли в крепость Капстада.

ПРЕДПОСЫЛКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЮЖНОЙ АФРИКИ

История объединения Южной Африки под британской властью и создания Южно-Африканского Союза, несомненно, заслуживает пристального рассмотрения, ведь колонизация происходила в основном за счет переселения голландцев и англичан, занимавшихся различной предпринимательской деятельностью — торговлей, добычей минерального сырья, сельским хозяйством и пр.

Британцы отодвинули границы своих владений далеко на восток, борясь с кося путем возведения фортов по берегам Фиш-Ривер. Для того чтобы усилить свою власть в этих местах, британская корона поощряла приезд поселенцев из метрополии. В 1806 г. под давлением различных сил внутри страны британский парламент запретил рабство, а в 1833 г. это положение было распространено и на колонии [Ваггоу 1806: 354].

Во время наполеоновских войн Капская колония была захвачена армейскими частями под командованием генерала Джеймса Генри Крэйга и в 1815 г. официально стала британской колонией¹ [Kilpin 1918: 59]. Постоянные стычки на границах, отмена рабства и другие разногласия с британцами заставили многих крестьян голландского происхождения (называвшихся бурами, от нидерл. *boer* ‘крестьянин’) отправиться в глубь континента (Великий трек) на высокое плоскогорье — велд. Там они столкнулись с племенами банту, бежавшими на запад в ходе переселения народов (мфекане), вызванного войнами Чаки. В конце концов, не без активного влияния внешних сил на развитие ситуации в регионе, буры основали там свои государства, из которых наиболее известны Оранжевая республика и Южно-Африканская Республика (Трансвааль).

Образованию Южно-Африканского Союза предшествовал весьма продолжительный период второй половины XIX в., в ходе которого последовательно формировалась идея объединения английских колониальных владений на юге Африки и создавались долгосрочные планы реализации намеченного. Мысль о доброволь-

¹ Theal G.M. Records of the Cape Colony. X. P. 130. Somerset — Bathurst, 19 June, 1815.

ном союзе нашла свое отражение и у министра колоний Англии лорда Карнарвона: «Огромное значение туземного вопроса и необходимость единой, разумной и сильной политики являются самыми насущными и неотложными причинами общего союза»². Однако среди правящих кругов Великобритании в 70-х гг. XIX в. преобладали сторонники создания южноафриканской федерации путем аннексии бурских республик.

В 70—80-е гг. позапрошлого столетия произошел важный перелом в истории Южной Африки, это вызвано тем, что здесь кроме причин общего, всемирного характера выявились и специфические обстоятельства, оказавшие стимулирующее воздействие на экономику. На протяжении полутора десятилетий, с 1869 г. по 1886 г., здесь, и к тому же на отдалении друг от друга всего в несколько сотен километров, были обнаружены крупнейшие в мире месторождения алмазов. Это открытие произвело такое ошеломляющее воздействие на весь мир, что стали говорить о втором открытии Южной Африки [Давидсон, Филатова 2000: 7].

Следующей вехой в формировании и развитии внешней политики ЮАР можно считать обнаружение в 1884 г. в Трансваале месторождения золота. Эти открытия коренным образом изменили ситуацию в регионе. На контроль над богатейшими залежами претендовали и буры, и британцы. Конфликт интересов привел к войне.

АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА

Воспользовавшись тем, что буры были ослаблены столкновениями с зулусами, в 1877 г. Британия аннексировала Южно-Африканскую Республику, а захват Трансвааля прошел без сопротивления. Однако через несколько лет возмущенные притеснениями Лондона буры выступили с оружием в руках. 16 декабря 1880 г. началась Первая англо-бурская война. Была провозглашена независимость Трансвааля, все английские гарнизоны осаждены. 26 февраля 1882 г. в сражении у горы Маюба буры разбили британские войска. Не желая втягиваться в войну, правительство Британии 6 марта 1881 г. подписало соглашение о перемирии, а 23 марта 1881 г. — мирный договор, согласно которому была признана независимость Трансвааля [Attree 1949: 48].

Эта война (обе кампании иногда называют англо-бурской войной) была первой в XX в., в ней видели крупнейшее международное событие, и она интересна с самых разных точек зрения. Кампания, в которой Великобритания завязла на два с половиной года, поражения, которые она терпела от двух маленьких бурских республик, нанесли удар по престижу Британской империи и повлияли на межгосударственные отношения в Европе.

Расправа с бурами всколыхнула общественное мнение Европы и Америки — может быть, потому, что жертвами стали лица европейского происхождения. Об африканцах жители тогдашней Европы знали очень мало, плохо представляли

² The Parliamentary Debates. House of Commons. 1871—1924. Parliamentary Debates (3rd Series). Vol. 1. (Oct 1830) to Vol. 356. (August 1891). P. 87—134. URL: <http://www.hansard-archive.parliament.uk> (accessed: 13.05.2016).

себе, что это за люди, а в борах видели подобных себе, и поэтому их страдания вызывали живое сочувствие. Повсюду осуждали Англию. Портреты бурских генералов — Жубера, Бюргера, Мейера, де Бета, де ла Рея, Боты, Смэтса, Герцога — появлялись во всех газетах.

Правительства большинства европейских стран заявляли о сочувствии бурам, но энергично выступить против Англии не решился даже кайзер Вильгельм II, неоднократно обещавший Трансваалу самую эффективную поддержку. Президент Крюгер в конце мая 1900 г. отправился в поездку по столицам крупнейших держав мира с просьбой о вмешательстве, но успеха не добился [Давидсон, Филатова 2000: 3—15]. На стороне боров сражались тысячи добровольцев из Голландии, Германии, Ирландии, Франции, Италии, России, Соединенных Штатов Америки, Черногории. Англо-бурская война стала частью биографии многих известнейших людей XX столетия: Уинстона Черчилля, Махатмы Ганди, фельдмаршалов Робертса, Китченера и Смэтса, писателей Конан Дойла и Киплинга и даже Александра Ивановича Гучкова.

ПОДДЕРЖКА БУРОВ В РОССИИ И УСТАНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С ТРАНСВААЛЕМ

Эта война оставила заметный след и в истории России. Правительство стремилось поддержать боров и извлечь выгоды из затруднений своего тогдашнего главного соперника на мировой арене. Российская общественность также горячо сочувствовала бурам. Война усилила антибританские настроения, сильные в российском обществе со времен Крымской войны. Эти настроения связаны с соперничеством в Средней Азии и той антироссийской позицией, которую Англия заняла в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Две крупнейшие империи в мире видели друг в друге не только соперников, но и потенциальных противников. На деньги, собранные российской общественностью, в Южную Африку были отправлены два госпиталя. На стороне боров сражались российские добровольцы. По обе стороны фронта за военными действиями наблюдали российские военные атташе. Царское правительство не пропускало болевых точек в глобальной британской политике [Давидсон, Филатова 2000: 3—15]. Одной из таких точек был Трансвааль.

Еще во время первой войны между Англией и Трансваалем русское посольство в Лондоне направляло в Петербург резко пробурские оценки событий. Но тогда представления официальной России о ситуации на юге Африки не были особенно четкими. В середине 90-х гг., особенно после английской попытки завоевать Трансвааль в 1895 г., обстановка изменилась. Положение в Трансваале и вообще на юге Африки освещалось в мировой и в русской печати. С начала 80-х гг. на юг Африки, прежде всего в Трансвааль, началась эмиграция из России. К 1914 г. она насчитывала уже около 40 тыс. человек. В правительственных кругах и в общественном мнении появились четкие предпосылки к установлению отношений с Трансваалем.

В середине 90-х в Петербурге обсуждался вопрос о назначении консула в Йоханнесбург. Речь шла о почетном консуле, как в Кейптауне, где русский

почетный консул был уже несколько десятилетий в связи с заходами российских кораблей в Кейптаун. По требованию из Петербурга консул в Кейптауне прислал в июле 1895 г. сведения об экономической ситуации в Трансваале и о россиянах, обосновавшихся там. По сведениям российского Министерства иностранных дел, их было тогда четыре тысячи. Министерство иностранных дел 10 августа 1895 г. препроводило этот отчет министру торговли и мануфактур³. В октябре и ноябре оба министерства рассматривали вопрос о консульстве в Трансваале и решили, что обстоятельства для этого еще не созрели. Но через четыре месяца произошла попытка захвата Трансвааля.

28 марта 1897 г. министр иностранных дел России М.Н. Муравьев обратился к министру финансов С.Ю. Витте с предложением рассмотреть возможность установления отношений с Трансваалем. Муравьев подчеркнул растущую роль Африки в мировой политике. В Трансваале, указывалось в его письме, находится от семи до восьми тысяч выходцев из России, каждый десятый житель Йоханнесбурга — российского происхождения, и общий размер капитала этих лиц составляет 500 тыс. фунтов стерлингов, по тому времени громадную сумму⁴. А трансваальское правительство перед лицом усилившейся угрозы со стороны Англии оказалось крайне заинтересовано в связях с другими европейскими государствами.

В апреле 1897 г. Трансвааль попросил министерство иностранных дел Франции о содействии в установлении официальных и торговых отношений с Россией⁵. Препятствием на пути установления отношений с Трансваалем была Лондонская конвенция, навязанная Трансваалу после их первой войны. Согласно этой конвенции, Трансвааль не мог устанавливать дипломатические отношения с другими государствами, если это затрагивало интересы Великобритании, которая в свою очередь стремилась ограничить суверенитет Трансвааля. Она отказывала ему даже в праве на официальное название. Страна называла себя «Южно-Африканская Республика», но стараниями англичан за ней повсюду закрепилось ее давнишнее название «Трансвааль».

Е.Е. Стааль, посол России в Лондоне, по поручению М.Н. Муравьева выяснял вопрос о юридической возможности установления отношений⁶, и дипломаты пришли к выводу, что на консульские отношения это давнее ограничение не распространяется, к тому же Франция и Германия уже установили отношения с Трансваалем и на более высоком уровне. В августе 1898 г. Россия провела переговоры с представителем Трансвааля в Европе уже напрямую, без посредничества французских дипломатов. Переговоры вел князь Урусов, посол России во Франции. События носили весьма стремительный характер, уже 16 сентября Френсис Вильям Рейтц, государственный секретарь Трансвааля, запросил у Петербурга согласие

³ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 7. ОП. 7. Д. 143. Л. 117.

⁴ ГАРФ. Ф. 565. ОП. 8. Д. 29362.

⁵ АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. II департамент. ОП. 929. Д. 2. Л. 32.

⁶ ГАРФ. Ф. 565. ОП. 8. Д. 29362. Л. 26.

на назначение д-ра Виллема Лейдса, посла Трансваала во Франции, Германии и Бельгии, послом в России. Николай II согласился на это предложение, и 28 сентября товарищ министра иностранных дел России В.Н. Ламздорф сообщил Рейтцу о согласии императора [Давидсон, Филатова 2000: 3—15].

Так были установлены дипломатические отношения с Россией. Однако российское посольство в Претории так и не появилось, через год началась война. В результате возник британский доминион Южно-Африканский Союз.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Англо-бурская война, широкой приток капиталов, вызванный открытием месторождений золота в Трансваале, расширение хозяйственных связей между различными районами, образование единого южноафриканского рынка, а также интенсификация торговли создавали благоприятные экономические условия для объединения британских колоний и бурских республик, к тому моменту уже не существовавших в рамках единого государства.

В 80—90-х гг. XIX в. закончилась эпоха колониальных войн в Южной Африке. Теперь противостояние было между британскими горнопромышленниками и бурскими фермерами, а борьба держав за влияние в регионе приобретала все большую значимость в развитии и внутривосточных аспектов южной оконечности континента.

Англичане стремились подчинить своему влиянию всю Южную Африку методом политической аннексии. Вместе с тем надо отметить, что Южная Африка, по сравнению с другими английскими колониальными владениями, находилась на более высокой ступени развития, приближаясь к уровню «белых» британских доминионов — Канады, Австралии, Новой Зеландии. Британские планы овладения всей Южной Африкой приобрели еще больший масштаб с появлением в середине 70-х гг. получившего впоследствии широкую известность плана «Кейптаун—Каир». Он предусматривал создание цепи подвластных короне территорий с трансконтинентальным телеграфом и трансконтинентальной железной дорогой, закрепляющими господство Великобритании над африканским континентом [Вяткина 1976: 14].

В короткий срок этот район Африки превратился в один из крупнейших мировых центров капиталовложений. Широкий приток иностранных инвестиций определил высокие темпы развития горнодобывающей промышленности, которая, в свою очередь, способствовала созданию других отраслей промышленности, транспорта и энергетики. Быстро росли города, в частности Йоханнесбург и Претория, бурными темпами шло развитие торговли и финансов, резко возросла иммиграция европейцев. Состояние экономики характеризуют данные внешней торговли: в 1910 г. общий объем южноафриканского экспорта составил 53,6 млн фунтов стерлингов, на долю золота и алмазов приходилось 40,3 млн (около 75%), на долю сельского хозяйства — шерсть, кукуруза, страусовые перья — 9,5 млн. Свыше 60% ввоза в Южную Африку (24 из 34 млн фунтов стерлингов) составляли европейские — прежде всего английские — промышленные изделия, а 17,5% (около 6 млн) расходовалось на закупку продуктов питания [Frankel 1938: 150].

Высокая степень зависимости Южной Африки от внешних сил выражалась и в том, что ее экономическое развитие с конца XIX в. происходило на базе иностранных, в основном английских, капиталовложений, которые были сконцентрированы в разработке минеральных богатств (золота, алмазов, угля, олова и т.п.), строительстве железных дорог, торговле, судоходстве, банковской и страховой сферах. Это имело прямое влияние на характер внешнеполитической деятельности в тот и последующий периоды. Также англичане владели значительной частью земельных угодий. К тому же практически все машины, станки и механизмы ввозились из Англии, Германии, США и других капиталистических держав.

Английское правительство и британская администрация в Южной Африке всемерно содействовали более широкому притоку инвестиций (с 1870 г. по 1913 г. общая сумма поступлений составила примерно 350 млн фунтов стерлингов), создавая благоприятную среду для развития предпринимательства и экономического роста, к тому же английское правительство предоставило заем в 35 млн фунтов стерлингов [Гук 1973: 18]. Рост однако оказался недолговременным явлением, в 1903 г. начали проявляться признаки депрессии, которая охватила, хотя и в разной степени, все отрасли хозяйства и обусловила значительное замедление экономического роста.

С идеей южноафриканской федерации помимо плана «Кейптаун—Каир» был связан и еще один проект, оказавшийся более реальным и выполненный уже в 90-х гг. XIX в. — овладение северными районами юга Африки, междуречьем Замбези-Лимпопо, где жили народы матебеле и машона, а также было обнаружено столь желанное золото. (Ходили слухи о том, что именно в тех местах, в библейской стране Офир когда-то находились копи царя Соломона. — *Прим. авт.*)

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ КОНКУРЕНЦИЯ

На пути осуществления британских экспансионистских планов стояли препятствия, и не только в лице местных африканских народов и бурских республик в междуречье, ведь борьба держав за земли африканского континента шла самая ожесточенная.

В последнее десятилетие XIX в. в регион активно начинают проникать германские и американские компании, которые пытаются вытеснить англичан [Brookes 1927: 819]. Все опаснее становилась для Великобритании политическая активность Германии в бурских республиках, особенно в Трансваале. Бурские республики поддерживались Германией во время англо-бурской войны, поставлявшей им вооружение, в частности магазинные винтовки «маузер», впервые примененные в широкомасштабном вооруженном конфликте, ставшие грозным оружием в руках прирожденных охотников. К тому же правительство Крюгера, пытаясь уменьшить давление Англии, охотно шло навстречу экономической экспансии Германии. В свою очередь, государственные деятели кайзеровской Германии поддерживали выдвинутый группой бурских политиков план создания Соединенных Штатов Южной Африки.

В Германии требования аннексий в Южной Африке раздавались со второй половины 70-х гг. XIX в. Некоторые историки считают, что толчком к аннексии

Трансваалю Англией послужили идеи о создании германской южноафриканской империи, о бурах как о «южнонемецких братьях», о второй Индии — под германским контролем [Дармштеттер 1926: 14].

За экономическое проникновение в Южную Африку в конце XIX в. кроме Германии с Англией соперничали еще нескольких держав и Соединенные Штаты Америки, хотя и в меньшей степени. США быстро увеличивали объем торговли с английскими колониями, но экономическое соперничество не пугало Англию, ведь британские позиции были почти незыблемыми.

Нельзя забывать о внешних факторах, во многом определивших длительность депрессии, которая была связана, в первую очередь, с политической нестабильностью в Южной Африке, особенно в 1905—1907 гг., когда развернулась борьба вокруг вопроса об изменении статуса бывших бурских республик. Выдвинутый бурскими лидерами и поддержанный некоторой частью британского населения в Южной Африке и либералами в Англии проект немедленного предоставления самоуправления двум новым британским колониям вызвал отрицательную реакцию горных магнатов и временное прекращение притока капиталов в Южную Африку. К тому же создание в 1884 г. «Германской Юго-Западной Африки», обширного владения по соседству с Капской колонией, создавало идеальную возможность трамплина в глубь континента.

Германия попыталась проникнуть в Южную Африку и с другой стороны континента — с берега Индийского океана. Когда же прошел пик политических осложнений, разразился экономический кризис 1907—1908 гг. Поскольку южноафриканская экономика через поставки золота и алмазов была тесно связана с мировым рынком, кризис серьезно воздействовал на местные экономические условия, снизив деловую активность до минимального за предыдущее десятилетие уровня.

Решением возрастающих проблем, связанных с нехваткой неквалифицированной и дешевой рабочей силы, мог стать «китайский эксперимент» — использование китайских рабочих на золотодобывающих шахтах Трансвааля в 1904—1910 гг. Первая партия законтрактованных китайских рабочих была доставлена в Южную Африку в июне 1904 г. К концу того же года на шахтах Трансвааля работало свыше 20 тыс., к концу 1905 г. — 47 тыс. китайцев, достигнув в 1907 г. максимального показателя в 54 тыс. Однако, к концу 1909 г. на шахтах оставалось около 2 тыс. китайцев, сроки трехлетних контрактов истекали, а новые не заключались [Campbell 1923: 265].

Использование китайских рабочих обострило социально-экономические противоречия в стране и изменило расстановку сил внутри правящих кругов. К тому же «китайский эксперимент» в известной степени способствовал росту политической активизации общественной деятельности африканцев и других небелых жителей Южной Африки. В итоге попытка преодолеть застой в горнодобывающей промышленности за счет ввоза китайских рабочих не дала нужного эффекта. Начавшаяся в 1903—1904 гг. борьба против использования китайского труда на шахтах в дальнейшем нашла свое выражение в мероприятиях, направленных на ограждение белых от конкуренции азиатов, в законах, воспрепятствующих индийскую иммиграцию в Трансвааль, Капскую колонию и Колонию Оранжевой Реки (КОР).

СОЗДАНИЕ ЮЖНО-АФРИКАНСКОГО СОЮЗА

Парламентскими выборами 1907 г. закончился период пребывания бурских республик в качестве коронных колоний Великобритании. Вводя этот статус в 1902 г., правящие круги Англии рассчитывали, что Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство будут находиться под непосредственным управлением из Лондона в течение длительного времени, до тех пор, пока не удастся создать условия для передачи власти местному англоязычному населению. Правительство, опирающееся на британское большинство в законодательном органе колонии и действующее в союзе с умеренными бурами, представлялось достаточной гарантией незыблемости позиций англичан на юге Африки. Реальность же оказалась иной — длительный застой в экономике привел к существенному ухудшению материального положения большей части населения колоний, активизации политической деятельности белых южноафриканцев, в особенности буров в бывших республиках, а также возрастающему недовольству небелого населения. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и обострение международной обстановки, где сталкивались интересы Великобритании и ее основного соперника — кайзеровской Германии. Таким образом, колониальная политика либерального правительства продолжала линию Чемберлена, хотя и осуществляла ее своими методами.

Сопrotивляться колониализму традиционное африканское общество стремилось всеми средствами, находившимися в его распоряжении, в частности, и методами, которые можно назвать дипломатическими. Правители и вожди вели переговоры, зачастую используя противоречия между своими противниками: англичанами, бурами, немцами, португальцами. Эта политика была настолько явной, что бросалась в глаза иностранным наблюдателям [Давидсон 1972: 66]. Англо-бурскую войну считали войной между белыми. Обе стороны заявляли, что не будут привлекать африканцев к участию в военных операциях. В действительности это было не совсем так. Главное же: если африканцы и не были активными участниками той войны, то на их жизнь и будущее она оказала огромное влияние.

Важным пунктом на пути практической реализации планов объединения Южной Африки явилась межколониальная конференция, созванная в мае 1908 г. в Претории с целью решения вопроса о новом таможенном союзе. Конференция представляла собой удобный момент для выступления с предложением о скорейшем объединении, которое являлось единственным средством для разрешения межколониальных экономических противоречий.

Утверждение британским парламентом «Акта о Южной Африке» ликвидировало последние препятствия на пути создания союза, 31 мая 1910 г. было официально провозглашено создание нового государства — Южно-Африканского Союза.

Правительство ЮАС отражало интересы южноафриканской элиты. До 1948 г. они характеризовались стремлением к территориальной экспансии, созданию «Великой Южной Африки» от Кейптауна до экватора за счет присоединения Родезии и других британских территорий на юге Африки, а также небританских — германской Юго-Западной Африки и части португальского Мозамбика. Несмотря

на ряд факторов, осложняющих отношения между Англией и Южной Африкой, они были очень прочными вплоть до 1961 г., когда ЮАС стал суверенным, при статусе доминиона, государством — Южно-Африканской Республикой. ЮАС оставалась членом содружества, в обеих мировых войнах выступала в качестве лояльного союзника [Ballinger 1969: 96].

Для южноафриканской элиты статус ЮАС в качестве доминиона означал возможность ускоренного развития Южной Африки и увеличение доходов от использования ресурсов, а также давал ей определенные гарантии сохранения существующего положения и правопорядка. В свою очередь, английская элита, создавая доминион ЮАС, преследовала цель изыскать новые возможности для сохранения Англии в качестве мировой державы в условиях возросшего соперничества других держав в борьбе за передел мира. Выход ЮАС из содружества не ознаменовал разрыва экономических, политических и военных связей с Англией или изоляции от крупнейших держав, а, напротив, в основном сохранил существующее положение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Брендон П.* Упадок и разрушение Британской империи 1781—1997. М.; 2010.
Вяткина Р.Р. Создание Южно-Африканского Союза (1902—1910). М.: Наука; 1976.
Гук Ю.И. Внешняя политика ЮАР. М.; 1973.
Давидсон А.Б. Южная Африка: становление сил протеста. 1870—1924. М.; 1972.
Давидсон А.Б., Филатова И.И. Англо-бурская война и Россия // Новая и Новейшая история. 2000. № 1. С. 31—50.
Дармитеттер П. История раздела Африки (1870—1919). М.; 1926.
Ястребова И.П. Южно-Африканский Союз после второй мировой войны. М.; 1952.
Attree E.M. The closer union movements between the Orange Free State, South African Republic and Cape Colony (1838—1863) // Archives Year Book for S.A. History. 1949. Vol. I.
Austin D. Britain and South Africa. Oxford; 1966.
Ballinger M. From Union to Apartheid: a trek to isolation. Cape Town; 1969.
Barrow J. An account of Travels into the interior of Southern Africa. 1806. Vol. 1.
Brookes E.H. The History of native policy in South Africa from 1830 to the present day. Pretoria; 1927.
Campbell P. Chinese Coolie Emigration to Countries within the British Empire. London; 1923.
Frankel S.H. Capital Investment in Africa. Its Course and Effects. Oxford; 1938.
Kilpin R. The old Cape House, being passages from the history of a legislative assembly. Cape Town; 1918.
Makinnon A. The Making of South Africa: Culture and politics. Upper Saddle River. NJ; 2003.
Newton A.P. Select documents relating to the unification of South Africa. In 2 Vols. London; 1924.
O'Collins R., Burns J.M. A History of Sub-Saharan Africa. Cambridge; 2008. P. 164—165, 283—285.
Pyrah G.B. Imperial Policy and South Africa, 1902—1910. Oxford; 1960.
Thompson L. A History of South Africa. Yale Nota Bene; 2001.
Walton E.H. The inner history of the National Convention. Cape Town; 1912.

Дата поступления статьи: 01.02.2017

Для цитирования: Архангельская А.А. Международные аспекты создания Южно-Африканского Союза в 1910 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 150—161.

Сведения об авторе: Архангельская Александра Александровна — канд. ист. наук, научный сотрудник Центра исследований Юга Африки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт Африки РАН», ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: aarkhangelskaya@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-150-161

INTERNATIONAL ASPECTS OF THE CREATION OF UNION OF SOUTH AFRICA IN 1910

A.A. Arkhangelskaya

Institute for African Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The history of South Africa as a unified state is intertwined with the events of international scale. The colonization of South of Africa is linked to the resettlement of the Dutch and the English, engaged in various entrepreneurial activities — trade, mining, agriculture, etc. The formation of South African Union was preceded by a long period when the idea of uniting the British colonial possessions in southern Africa was consistently formed and created by long-term plans. At the same time, several powers competed for economic penetration into South Africa, for instance, albeit to a lesser degree, the United States of America in addition to Germany and England.

From 1869 to 1886 the world's largest deposits of diamonds and gold were discovered, which produced a staggering effect on the whole world and radically changed the situation in the region. Conflict of interests in the struggle for control over the richest resources led to war (both campaigns are sometimes called the Boer War), which was the first one in the 20th century.

The Anglo-Boer War, the largest international event is of interest from a wide variety of points of view, had left a notable mark in the history of Russia. The Russian government sought to support the Boers and take advantage of the difficulties of their then main rival in the world arena at a time, and the Boers in turn needed the support of world powers in their struggle. Although diplomatic relations with Russia were established the Russian embassy in Pretoria never appeared, due to the fact that a year later the war began.

As a result of the war and the processes taking place in the southern part of Africa, emerged the British dominion — South African Union. The approval by the British Parliament of the “South Africa Act” liquidated the last obstacles to the establishment of the Union, and on May 31, 1910, the establishment of a new state, the South African Union, was officially proclaimed.

Therefore the socio-economic and political processes that took place in South Africa were reflected in the world politics of that time and had serious consequences of the global scale. They had an important influence in shaping the foreign policy strategy of a new state as yet the dominion of Great Britain.

Key words: History of international relations, South Africa, Africa, foreign policy, UK, Union of South Africa

REFERENCES

- Attree, E. M. (1949). *The closer union movements between the Orange Free State, South African Republic and Cape Colony (1838—1863)*. In: *Archives Year Book for S.A. History*. Vol. I.
- Austin, D. (1966). *Britain and South Africa*. Oxford.
- Ballinger, M. (1969). *From Union to Apartheid: a trek to isolation*. Cape Town.
- Barrow, J. (1806). *An account of Travels into the interior of Southern Africa*. Vol. 1.
- Brendon, P. (2010). *Decline and Fall of the British Empire 1781—1997*. Moscow. (In Russ.).
- Brookes, E. H. (1927). *The History of native policy in South Africa from 1830 to the present day*. Pretoria.

- Campbell, P. (1923). *Chinese Coolie Emigration to Countries within the British Empire*. London.
- Darmshtetter, P. (1926). *History of Africa Division (1870—1919)*. Moscow. (In Russ.).
- Davidson, A. B. (1972). *South Africa: formation protest forces. 1870—1924*. Moscow. (In Russ.).
- Davidson, A. B., & Filatova, I. I. (2000). Anglo-Boer War and Russia. *Novaya i Noveishaya istoriya*, 1, 31—50. (In Russ.).
- Frankel, S. H. (1938). *Capital Investment in Africa. Its Course and Effects*. Oxford.
- Guk, Yu. I. (1973). *South African Foreign Policy*. Moscow. (In Russ.).
- Kilpin, R. (1918). *The old Cape House, being passages from the history of a legislative assembly*. Cape Town.
- Makinnon, A. (2003). *The Making of South Africa: Culture and politics*. Upper Saddle River, NJ.
- Newton, A. P. (1924). *Select documents relating to the unification of South Africa*. In 2 Vols. London.
- O'Collins, R., & Burns, J. M. (2008). *A History of Sub-Saharan Africa*. Cambridge. P. 164—165, 283—285.
- Pyrah, G. B. (1960). *Imperial Policy and South Africa, 1902—1910*. Oxford.
- Thompson, L. (2001). *A History of South Africa*. Yale Nota Bene.
- Vyatkina, R. R. (1976). *Creating Union of South Africa (1902—1910)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Walton, E. H. (1912). *The inner history of the National Convention*. Cape Town.
- Yastrebova, I. P. (1952). *Union of South Africa after the Second World War*. Moscow. (In Russ.).

Received: 01.02.2017

For citations: Arkhangelskaya, A.A. (2017). International aspects of the creation of Union of South Africa in 1910. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 150—161.

About the author: *Arkhangelskaya Alexandra Alexandrovna* — PhD in History, Researcher of the Center of Sothern African Studies of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Higher School of Economics (e-mail: aarkhangelskaya@gmail.com).

© Архангельская А.А., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-162-174

DE-STALINISATION OF SOVIET FOREIGN POLICY TOWARDS INDONESIA: REVIEWING THE FEASIBILITY OF THE THEORY OF FOREIGN POLICY CHANGE

Radityo Dharmaputra

Universitas Airlangga, Surabaya, Indonesia

Abstract. This paper re-evaluates the changing policies of the Soviet Union towards Indonesia during the era of Joseph Stalin and Nikita Khrushchev, by applying the contemporary theory of foreign policy change. After discussing the debates revolving around the theory of foreign policy change from Gustavsson and Hermann, this paper contends that if there were any changes, then the causal factors would likely be the interplay between the domestic factors and international factors, as Putnam has argued. This finding enhances the understanding that the domestic de-Stalinisation process undergone during Khrushchev's era was not the only factor that might affect Soviet's foreign policy. By using the case of Indonesia as the representation of the developing countries, the author shows that both sets of factors affected the changing policy. However, author also found that the systemic condition of the Cold War, namely the contestation between the US and USSR, was more influential than the domestic condition. This paper contributes to the deeper understanding of Soviet-Indonesia relations, the effect of domestic de-Stalinisation to foreign policy, and the feasibility of applying current theory of foreign policy change to an historical case.

Key words: de-Stalinisation, Soviet foreign policy, theory of foreign policy change, Indonesia, domestic factors, international factors

The death of Stalin in 1953 brought an abrupt shift in USSR, particularly in the domestic realm. As Tucker had observed, this de-Stalinisation process had started immediately after Stalin's death, extending from the Beria's denunciation of the use of torture, the reorganisation of party's structure, to the contestation of leadership between Beria-Malenkov and Khrushchev-Bulganin faction [Tucker 1957]. According to Pospelovsky, there was a "law of accumulating hatred" which happened to every Soviet leader, except Lenin, and this "law" forced Khrushchev to distance himself from Stalin's name, as part of the de-Stalinisation [Pospelovsky 1968].

Accordingly, this domestic upheaval could affect the conduct of Soviet foreign policy. The debate had argued whether the domestic de-Stalinisation prompted the change in foreign policy. Armstrong argued that one of the main sources of Soviet foreign policy was their domestic politics and during the period of de-Stalinisation several foreign policies were shifted [Armstrong 1965]. On the other hand, Gati discussed that while several changes might be detected, the changes had never been part of a long strategy [Gati 1980]. Gati argued that the domestic de-Stalinisation had no effect in the conduct of Soviet foreign policy, as the Soviet leader apparently continued to depend on the Stalin's legacy of assertiveness and accommodation [Gati 1980: 663].

This paper seeks to clarify the relations between Soviet domestic politics and their foreign policy choices, especially during the period of de-Stalinisation. To comprehend

this relation, this paper focuses its analysis on the Soviet policy towards the developing countries, which was exemplified by the Non-Aligned Movement. The main case in this paper is Indonesia, because as Pauker said, Indonesia was one of the biggest recipient of the Soviet aid during the era of Khrushchev [Pauker 1962]. Boden also examined that Soviet had given Indonesia more resources than any developing countries in the world, with the exception of Egypt [Boden 2008: 110]. This paper contends that the Indonesian case could highlight the dilemmatic question of whether there was any change in the Soviet foreign policy, and whether the change was related only to the domestic restructuring or the other factors. By doing so, this paper also reviews the feasibility of the contemporary theory of foreign policy change in analysing some historical cases.

Elaborating this goal, this paper is divided into four parts. The first part elaborates the theoretical framework about change and stability in foreign policy. The second part compares Soviet foreign policy towards Indonesia during the era of Stalin and Khrushchev, and elaborate the question of whether there was stability or change. The third part elaborates the relations between the domestic restructuring during the de-Stalinisation, the international factors, and the changing/continuing Soviet foreign policy towards Indonesia.

CHANGE AND CONTINUITY IN FOREIGN POLICY: A THEORETICAL CONSIDERATION

The study of changes in foreign policy, especially during Cold War, was underdeveloped. According to Gustavsson, the study of foreign policy in the Cold War tended to marginalise studies regarding changes while focusing on stability [Gustavsson 1999]. This lack of study about foreign policy change during the Cold War could highlight the importance of this paper, which aims to elaborate the change in Soviet foreign policy.

After the Cold War, one of the most influential work on foreign policy change was Charles Hermann's work. Hermann identified several types of change, from the lowest level of adjustment to the highest level of international orientation change [Hermann 1990]. Based on this typology, Eidenfalk offered 7 levels of change, consists of (i) *stability*, in which there was no change; (ii) *intensification/reduction*, in which there was a quantitative change, exemplified by the addition or subtraction of foreign aid; (iii) *refinement*, in which there was a qualitative change of instrument, but the old instrument was still in use as in the use of technical assistance, but the foreign aid is still being done; (iv) *reform*, which is a change in the qualitative instrument, to replace the entire instrument previously used in foreign policy; (v) *redirection*, which is the change of purpose but with a combination of the long goal with a new purpose; (vi) *reorientation*, which changes the overall purpose by replacing the previous goal; and (vii) *restructuring*, which is a substantial change in almost all areas and issues involved and have an impact on many actors [Eidenfalk 2009].

Gustavsson has initiated the development of Hermann's theory [Gustavsson 1999]. He elaborated several theories, from Hermann to Rosati, but his theory was more connected to Hermann's [Gustavsson 1999]. As the figure from Gustavsson showed, his theory elaborated Hermann's typology while creating a clearer argument.

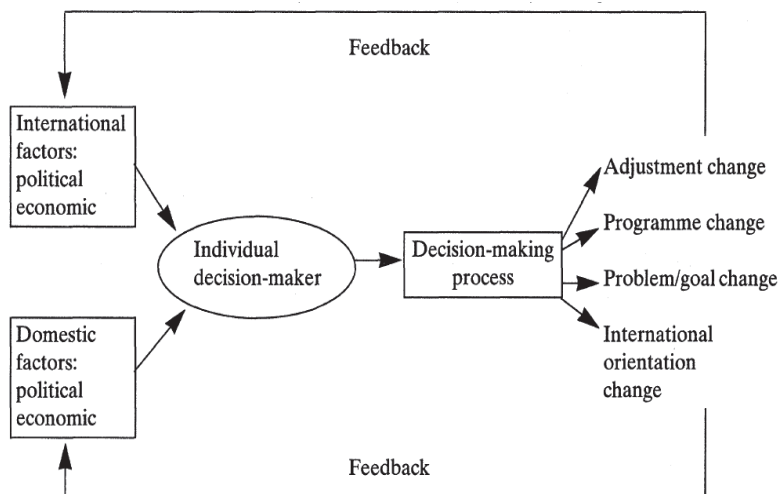

Fig. 1. The Causal Dynamics of Foreign Policy Change
Sources: [Gustavsson 1999: 85]

It can be seen that Gustavsson emphasised the existence of two major factors, namely the international and domestic factors [Gustavsson 1999]. International factors can be divided into political aspects, which include the power relations and military aspects, as well as economic aspects, which include cross-border transactions and institutional conditions. Domestic factors can also be divided into the political aspects, which include the support of voters, political parties, and societal actors who had views on foreign policy, and the economic aspects, which include the variable of Gross Domestic Products (GDP), the condition of inflation, unemployment, and institutional conditions (labour relations and market).

Using Gustavsson’s theory, this paper elaborates the domestic conditions of the USSR during the de-Stalinisation process, to investigate whether or not the domestic restructuring influenced the Soviet policy towards Indonesia. However, as the theory suggested, the international factors could have played considerable influence. The interplay between the domestic factors and the international factors, as suggested by the “two-level games” from Putnam also be observed in the proceeding part [Putnam 1988].

USSR FOREIGN POLICY TOWARDS INDONESIA: BEFORE AND AFTER 1953

Soviet-Indonesia Relation before 1953

The relations between USSR and Indonesia was understudied, even though, as Pauker and Boden stated, Indonesia was one of the biggest recipient of Soviet’s aid during 1945 to 1965 [Pauker 1962; Boden 2008]. Singh’s thesis (1986) was probably one of the most detailed account of the relation between USSR and Indonesia [Singh 1986]. Combined with Efimova’s works on the recently released archives regarding the initial relation between USSR and Indonesia, their works would be the main sources of this paper’s attempts to comprehend the nature of this relation [Efimova 1998; 2001].

As Singh argued, the development of Soviet-Indonesia relation could be divided into several timelines [Singh 1986]. In this paper, the timeline is divided into pre-1953, before the death of Stalin, and after 1953. After Indonesian independence of 1945 and towards the end of Stalin's era in 1953, Singh observed the dynamics of relationship. He argued that, fundamentally, Stalin and USSR did not have a major interest in the region [Singh 1986: 154]. Therefore, the relation was very vibrant, fluctuating from the Soviet ignorance towards the Indonesian nationalist movement in the early years of independence to the acceptance of the August Independence, after the telegram from Indonesian president's Soekarno to Stalin on the anniversary of the October Revolutions and the reciprocal message from Moscow supporting the Indonesian independence [Singh 1986: 88].

Singh argued that this change in Moscow's view was caused by the willingness to play a bigger role in Southeast Asia. Especially, since Moscow could not influence the event in Indo-China because of the presence of France (which had substantial number of communist in the government) [Singh 1986]. Therefore, Singh had considered that Moscow wanted to control the former Dutch colonies because of the considerable weaknesses of the Communist Party in Netherlands. However, as Efimova had observed during her archival research, the USSR apparently did not move quick enough to acknowledge Indonesian independence [Efimova 1998]. The initial request, albeit indirectly, for the recognition of Indonesian independence was made during the Interasian conference in New Delhi, in 1947. As Efimova had stated, Indonesian delegation, led by Prime Minister and Minister of Foreign Affairs Sutan Sjahrir, had unofficial meetings with the Soviet delegation [Efimova 1998: 186]. Nevertheless, Efimova suggested that the USSR had to consider the international law and the geopolitical realities in Europe and Asia before making a decision on the Indonesian request [Efimova 1998]. As the geopolitical event proceed and the Dutch had reoccupied Indonesia during 1945 to 1949, the archive suggested that the USSR had considered acknowledging Indonesian independence of 1945, even though it would provoke the US. Related to this argument, Singh stated that even though the USSR had raised the issue of "Indonesian question" in the United Nations, they did so because the British had questioned the reluctance of the Soviet to leave Iran [Singh 1986: 93].

The above conditions during the early years of Indonesian independence revealed the dilemma faced by the USSR. In one hand, the USSR wanted to expand the sphere of influence to Western Europe, had failed to do that, and instead tried to exercise their influence into the former Dutch colonies in Southeast Asia. On the other hand, the initial goals and concerns of the USSR was mainly in Europe, not in Asia. As Singh had observed, only the action of the British, which then prompted the USSR to raise the Indonesian issue in the UN. The willingness to portray themselves as the moral power of the anti-colonialism, compared to the US, was also considered by Singh as the main reason of USSR policy [Singh 1986: 93]. In this sense, the initial concerns regarding Indonesia during the Stalin's era was not about Indonesia or the Asia, but about the USSR's relations with Western Europe and United States.

During the later days of Stalin's era, from 1947 to 1953, there were some developments regarding the Soviet-Indonesian relations. As Singh argued, the emergence

of Zhdanov doctrine could be considered as the beginning of the good relationship between Indonesia and USSR, because Indonesia was considered a member of the Soviet-led camp [Singh 1986: 107]. Efimova observed that only the outbreak of Madiun Rebellion in 1948, in which the Communist Party of Indonesia (PKI) was deeply involved, have caused the worsening of the relation [Efimova 1998]. While the USSR had already preparing for the opening of consul in Indonesia and the Indonesian Republic had expressed its gratitude towards Soviet's acknowledgement, the event of communist rebellion in Madiun had left the Indonesian government with no choice but to cancel the ratification of the agreement with the USSR. Whether or not this rebellion instigated by the Soviet was unclear, even though, as Singh had presented, Moscow had expressed their support of the communist rebellion [Singh 1986: 125]. Nevertheless, it prompted the gradual chilling of relations between Moscow and Jakarta, which was complicated by the US support towards Indonesia following the failed communist rebellion in Madiun.

The following years from 1948 to 1952 was characterised by a duality of relationship between USSR and Indonesia. Drawing from Singh and Efimova, this paper suggests that the duality could be seen as suspiciousness towards Indonesian government on one hand, and the criticism to the Dutch's aggression to Indonesia in 1948—1949 on the other hand. This duality could be seen when the US acknowledged Indonesian independence in December 1949, just one day after the initial independence, while the USSR had just recognised Indonesia in January 1950. This delay could be seen as the reluctance to support the Soekarno-Hatta government, which was deemed as the liberal puppet. This duality, according to Singh, could be outlined from 1950 into 1952, in which the presence of the Federal Government of Indonesia (until August 1950), and the succession of pro-Western leader of the government of Indonesia, was seen by Moscow as the signs of Indonesian tendency towards the Western blocs.

As Singh had argued, only the change in Stalin's foreign policy after 1952 could change the condition of Soviet-Indonesia relation [Singh 1986: 147]. Indeed, as events proceed during 1952 to 1953, the gradual restoration of the Soviet-Indonesia relations had happened, began by the emergence of pro-communist leader in Indonesia, was further enhanced by the willingness of the USSR to provide aid to the former colonies countries, and was highlighted by the decision of Indonesian government under Prime Minister Wilopo to establish Indonesian embassy in Moscow. Even though this plan was cancelled due to the lack of funds, Singh argued that the friendly gesture was well received in Moscow [Singh 1986: 154].

It is sufficed to say that during the era of Stalin, even though the dynamics had been so volatile, in the later years the relation between Soviet and Indonesia was beginning to improve. Related to the theoretical framework of foreign policy change, this period had shown that the presence of international factors was more influential than the domestic factors. The Soviet foreign policy was influenced more by the action of other countries such as Netherlands, British, and the United States, rather than the domestic considerations. Obviously, the presence of Stalin and the absence of domestic turmoil in USSR should be taken into considerations. Between 1945 to 1952, the control of the Soviet government was in Stalin's hand, and the foreign policy of the USSR was mainly Eurocentric. However, it should be noted that the recuperation of the Soviet-

Indonesia relations had already under way during the later years of Stalin. Stalin had even changed his policy to recognise the Republic of the United States of Indonesia (RUSI) in January 25, 1950, while previously (until January 19) refused to recognise RUSI and criticise RUSI as the bargain between feudals and colonialists [Efimova 2001]. It is therefore quite possible that the Soviet policy towards Indonesia after 1953 was a continuation of the Stalin's policy, albeit in some different methods.

Soviet-Indonesia Relations after 1953

Stalin's death prompted another dynamic for the Soviet-Indonesia relations. Several scholars had argued that the changing policies of the USSR was in motion after the changing domestic circumstances. This part of the paper evaluates this claim, and analyses the change that happened and the possible cause of it.

After the emergence of Nikita Khrushchev as the new leader of the USSR, scholar had argued that there was some revision of Soviet foreign policy, especially regarding the developing countries in the Southeast Asia. Williams had argued that during the early years of Khrushchev, he tried to build stronger ties with the Third World country in Southeast Asia, by visiting Burma and Indonesian in 1960 [Williams 1991]. Horn had even claimed, the visiting tour by Khrushchev and Bulganin in 1955 (to Burma) and in 1960 (Burma and Indonesia) was designed to be the first stepping-stones towards closer relations [Horn 1975]. Certainly, the relations between Jakarta and Moscow was expanding. As Horn had observed, the USSR had given many resources to Indonesia, from economic aid to create steel mills and oceanographic research institutes to military assistance in the forms of aircraft (MIG-21s and TU-16s) and submarines [Horn 1975: 659]. Pauker confirmed the existence of this aid, when he explained how Indonesian president Soekarno visited Moscow in 1956, and the Indonesian Army General A.H. Nasution visited Moscow in 1961, to conclude an arms deal [Pauker 1961].

This arms deal, based on the communique regarding Nasution's visit, was related to the ongoing crisis in West Irian. This crisis marked another Soviet policy towards Indonesia. Derkach's research regarding Soviet policy towards Indonesian action in West Irian and Malaysia was important, in a sense that these two cases highlighted the dilemma faced by the USSR [Derkach 1965]. In the case of West Irian, Derkach reported that the USSR was fully supported of the Indonesian claim, because they saw the crisis as a conflict between the Dutch (the former colonial powers) and Indonesia (the newly independent states). On the other hand, Soekarno's policy of "Konfrontasi" with Malaysia was considered as a conflict between new states. The full support from the USSR for Indonesian claim in West Irian was nowhere near the hesitancy to support Indonesia in the Indo-Malaysian conflict. The case of West Irian was the most important turning point, related to the development of Soviet-Indonesia relations and the causal factors behind it. The endgame in West Irian, decided peacefully through the people's referendum in 1969 (regardless of the controversies surrounding this process) was considered the turning points in Soviet policy towards Indonesia. Singh even claimed that, had the Indonesian government acted in accordance with the Soviet's preference, it was highly possible that the relations between Soviet and Indonesia would continue to intensify [Singh 1986: 204].

Nevertheless, generally, Soviet policy towards Indonesia during the period after Stalin's death (since 1953 up until 1964) was considered the highest point in the history of relationship between the two countries. The amount of economic and military aid, combined with the political support towards the Indonesian government was unprecedented. However, the problem remains. Is this condition could be considered as foreign policy change? If so, what is the main causal factors? The domestic variables or the international aspects? The next section of this paper was dedicated to explore this problem.

CHANGE IN SOVIET FOREIGN POLICY TOWARDS INDONESIA: THE SUPERIORITY OF INTERNATIONAL FACTORS

The first issue that is clarified in this section is the concept of change. The previous section had shown differences between Stalin's foreign policy towards Indonesia and the foreign policy of the de-Stalinisation period. Using Eidenfalk's typology [Eidenfalk 2006: 10], this paper contends that the change had not reached the highest level of change (in terms of scope, domain, and effect of change). Nevertheless, the change was still happened, under a lower classification.

To support this argument, this paper examines the possibility of change from the lowest level to the highest level. The lowest level is, according to Eidenfalk, the stability, in which there was no change at all. This could be disproved by just exploring several things, such as the existence of Soviet economic aid under Khrushchev (which was absent during the era of Stalin) and the visit of Soviet leader under Khrushchev to Indonesia in 1960 (which was also do not exist under Stalin). The second level is the intensification or reduction, in which there was a quantitative change in the policy. Obviously, the increasing economic and military aid proved this argument. The diversification of Soviet policy, ranging from economic aid, military aid, and the political support to Soekarno's policy in West Irian and, albeit grudgingly, Malaysia, could be interpreted as the evidence of a refinement, which is the qualitative instrumental change by maintaining the previous policy instrument. Under Stalin, the foundation of the relations, such as the political support against Dutch during the military aggression of 1948—1949, was taken place.

Analysing the next level is more challenging, because the absence of such clear policies during the Stalin's era. The level of reformation (the fourth level) had the prerequisite of a different instrument, and the abolition of the previous policy instrument. Regrettably, the evidence of instruments used by Stalin (other than the normal diplomatic instruments) to accomplish his interests in Indonesia was quite rare. However, one of the recent study of the Soviet archive, conducted by Efimova, showed that Stalin had met with the PKI leader Musso before the event of Madiun rebellion in 1948, and the new leader D.N. Aidit just before Stalin's death. This revelation could be interpreted as the clandestine approach from Stalin to influence Indonesian politics by supporting the overthrow of the legitimate government. However, this claim was rejected by both Efimova's account on Musso [Efimova 2009] and Boden's account on the September 1965 coup, which argued that Moscow did not play any role in supporting the rebellion and the coup [Boden 2007]. Sidel had argued that even though Aidit had met Stalin,

he never mentioned Stalin's name during the period of Soviet's de-Stalinisation, undoubtedly because of the fear that the Soviet's support towards the PKI will be restrained if he showed his association with Stalin [Sidel 2007]. This lack of evidences can be understood as the elimination of a change in instrument. Therefore, as far as the theoretical framework could be considered, the change in the Soviet foreign policy towards Indonesia during the time of de-Stalinisation could be classified as the refinement. In this types, the new instruments (the military aid and economic aid) was added to the existing diplomatic relations, the political support to the government's policy, and the support towards the Indonesian communist party.

The next issue that is discussed in this paper is the causal factors behind the refinement. As I explain in the theoretical framework, this paper is based on Gustavsson's theory about the two causal factors, namely the domestic and international factors. Taking into account the domestic restructuring that happened in the USSR during the Khrushchev era, as Gehlen had argued, several domestic characteristics could be made [Gehlen 1967]. The first feature was the denunciation of Stalin and Stalinism. The effect of this first condition was, while the Soviet denounced Stalin, it was impossible for the leader of PKI such as Aidit and Njoto to proclaim their meeting with Stalin and that their strategy was derived from Stalin's suggestions. However, this effect was not directly related to the decision of Khrushchev administration to give more aid or political support to Indonesia.

The second feature was the re-emergence of the Party. While Gehlen argued that during the Cuban crisis, the Party played an important part, in the case of Indonesia, there was no evidence that the Party had played similar role [Gehlen 1967: 13]. Quite adversely, the bureaucracy, which had been absent during the later years of Stalin, had played more important role during Stalin's era, in which they managed to delay the recognition of Indonesian independence until 1950. During the Khrushchev era, no evidences had been found regarding the role of the party related to the case of Indonesia.

The third feature, according to Gehlen, was the increasing personal freedom and standard of living. However, even Gehlen himself seemed unable to relate this domestic development to the Soviet foreign policy. Plausibly, the increased wealth of the Soviet could prompt an increasing number of economic aid. Goldman's argument about the increasing economic aid of the USSR could be used as the evidences of this logic [Goldmann 1965]. However, Goldman failed to provide evidence about the sources of such amount of money. He focused his analysis more on the effect of the increasing aid towards Soviet's international posture. Nevertheless, the facts that during the stage of economic development in the USSR the amount of international aid was increasing should not be neglected.

The last feature of the domestic de-Stalinisation was the change in the acceptance of Communist theory. The emergence of the "peaceful coexistence" doctrine could be related to this development. However, even during the later years of Stalin, the change in this principle could be demonstrated. As Singh had observed, the changing principles of Soviet foreign policy was actually started during Stalin's era. He had argued that the stalemate condition of the Korean War, the lack of revolutions in the other part of the world (especially the Third World), the rise of China and the probabilities of competi-

tion between China and USSR, and the beginning of US containment policy in Asia had forced Stalin to rethink his foreign policy, especially regarding the Southeast Asia [Singh 1986: 148].

While the last feature of the domestic de-Stalinisation, namely the change in the acceptance of Communist theory, can be traced back into the era of Stalin, Singh's argument about the change could also be related to the international factors. Consequently, I argue that the international factors played more important role than the domestic de-Stalinisation. Several specific factors could be highlighted in this section.

The main factor was the contestation between USSR and the United States. This great power rivalry had been one of the most important feature of Cold War international politics, but in this case, the rivalry had set the stage for the changing Soviet policy. The emergence of US's containment policy had been one of the reasons, which forced Stalin to change his policy. The policy of containment, as proposed by George Kennan in 1947, was designed to halt the Soviet from controlling the "Heartland", thereby acknowledging the Heartland theory by Mackinder [Jones 1955]. The strategic areas that should be controlled by the US were called "the Rimland", the concept developed from Spykman's theory of Rimland. Rimland was all the areas encircling the USSR, and one of the most crucial areas, which was still contested after the Cold War, was Asia, particularly Southeast Asia. While Japan had been under the hegemony of the US, China was considered to be under the influence of USSR, the whole region of South Asia and Southeast Asia had just proclaimed their independence. Indonesia was one of the strategic countries in that regards. The increasing presence of the US, especially offering help towards several countries in Asia, including Indonesia, could be seen as the threat towards the USSR. The emergence of the Non-Aligned Movement, initiated by Indonesia during the Asia-Africa Conference in Bandung, 1955, was considered the significant turning points, which shifted the paradigm of the conflict between two-camps (The West and the Communist) towards the competition of the two camps to influence the non-aligned states.

Considered, for once, the Soviet policy to support Indonesian claim towards West Irian and the hesitancy to support the claim on Malaysia. The support in West Irian case could be explained by relating the case to US support to the Dutch. If the USSR supported Indonesia, and the US supported the Dutch, the conflict would turn into a contest between former colonial countries and the newly independence states of Indonesia, into a conflict between imperialist country and the anti-imperialist, in which the USSR would have gain more support from the non-aligned states and the higher international legitimacy. However, in the case of Malaysia, the presence of US and Great Britain was stronger, and instead of a conflict between imperialist and anti-imperialist countries, they would face a conflict between two independent countries (Malaysia and Indonesia) and the full-support of the US on the other side (compared to the hesitancy of US to support the Dutch). As Singh argued, the decision of the US to end the dispute of West Irian in a peaceful manner was differed with the initial goals of the USSR that urged Indonesia to take military action [Singh 1986]. Meanwhile, the hesitancy of the Soviet in supporting Indonesian claims towards Malaysia was proved disastrous, in which Indonesia began to build closer ties with China.

On another related case, the visit of Army General Nasution to Moscow in 1957 was scheduled after the failed visit to Washington. Washington rejected the Indonesian request of arms deal of \$ 650 mln, on the ground that they feared the weapon would be used in the West Irian. In 1957, the Soviet only gave Nasution \$ 25 mln. Several years later, in 1961, Nasution visited Moscow for the second time, to plea for another arms deal. Based on the condition, the USSR had been very welcome to Nasution's request. The arms deal was concluded and Khrushchev had promised the support if Indonesia went to war in the West Irian. The willingness of Khrushchev to help Indonesia over the arms deal, which would be used in the conflict against the Dutch in West Irian, worked as the evidence that the Soviet wanted the war in West Irian to disturb the US deal [Pauker 1961]. While on the other hand, the unwillingness to support Indonesian claims in Malaysia militarily and only offered several grudging support could be attributed to the détente in the US-USSR relations after the Cuban Missile Crisis in 1962.

The other international factors, which also influenced the Soviet policy, was the initial split between USSR and China. As Derkach had argued, the dilemma of the Soviet's policy in Indo-Malaysian dispute was caused by dual factors [Derkach 1965]. On the one hand, the Soviet hesitated because of the presence of the US and Great Britain supporting Malaysia. On the other hand, if the Soviet failed to support Indonesia, the Chinese government could increase their sphere of influence in the Southeast Asia. Indeed, after the West Irian crisis and during the confrontation with Malaysia, the Indonesian government was closer to the Chinese, rather than the Soviet. As Horn suggested, the ongoing economic and military aid from the Soviet to Indonesia had given Soekarno the ammunition to deepen the relations between Indonesia and China [Horn 1975].

The shift in USSR foreign policy towards Indonesia during the de-Stalinisation era could be seen as continuation from the Stalin's policy. This assumption was based on the initial change in Soviet's foreign policy towards Indonesia during the Stalin's era, extending from the support of Indonesian independence in 1945 towards the recognition of RUSI in 1950. Meanwhile, the Soviet policy towards Indonesia during the era of Khrushchev (1953—1964) were characterised by the increasing foreign aid in terms of economic and military aid, and the increasing political support during the West Irian crisis and even during the Malaysian crisis. Using the definition and typology of change from Eidenfalk, this paper concludes that the continuation was indeed a type of foreign policy change. To be more specific, the type of change in this case was the *refinement*, the third level of change, which was characterised by the combination of old instruments and the new instruments of policy while at the same time having the quantitative and qualitative changes.

Having conclude that the continuation could be classified as a refinement, this paper also concludes that the change was affected more by the international factors rather than the domestic restructuring during de-Stalinisation era. The contestation between USSR and the US was more influential than the political restructuring and domestic upheaval. However, it should be noted that the international condition had also related to the domestic de-Stalinisation, especially through the changes in the acceptance of Com-

munist theory. The changes in the acceptance, the shifting perception from two-camps contestation into two-camps influencing the neutral world, and the re-emergence of peaceful coexistence coincide with the commencement of US containment policy and the rise of China as the competitor of USSR. The interplay between these international factors and the domestic denunciation of Stalin's principles had prompted the changes in foreign policy. In this sense, even with a low domestic influence and a high international influence, the parallel influence could be interpreted as the two-level game, as promoted by Putnam [Putnam 1988]. Therefore, this paper argues that to understand the changes in foreign policy, the need to comprehend the interplay between these two factors was necessary.

Acknowledgements: The author wishes to thank Dr. Luca Anceschi and Prof. Rebecca Kay for their helpful and constructive feedbacks during the research process. Special thanks also goes to the Erasmus+ Scholarship for funding the author to conduct a study about Russia in their Action 1 program.

REFERENCES

- Armstrong, J. A. (1965). The Domestic Roots of Soviet Foreign Policy. *International Affairs (Royal Institute of International Affairs)*, 41(1), 37—47.
- Boden, R. (2007). The 'Gestapu' events of 1965 in Indonesia: New evidence from Russian and German archives. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*, 163 (4), 507—528.
- Boden, R. (2008). Cold War Economics: Soviet Aid to Indonesia. *Journal of Cold War Studies*, 10 (3), 110—128. DOI: 10.1162/jcws.2008.10.3.110.
- Derkach, N. (1965). The Soviet Policy towards Indonesia in the West Irian and the Malaysian Disputes. *Asian Survey*, 5 (1), 566—571.
- Efimova, L. M. (1998). Towards the establishment of diplomatic relations between the USSR and the republic of Indonesia, 1947—48. *Indonesia and the Malay World*, 26 (76), 184—194.
- Efimova, L. M. (2001). New evidence on the establishment of Soviet-Indonesian diplomatic relations (1949—1953). *Indonesia and the Malay World*, 29 (85), 215—233.
- Efimova, L. M. (2009). Did the Soviet Union Instruct Southeast Asian Communists to Revolt? New Russian Evidence on the Calcutta Youth Conference of February 1948. *Journal of Southeast Asian Studies*, 40 (3), 449—469.
- Eidenfalk, J. (2006). *Toward a New Model of Foreign Policy Change*. Paper presented at Australasian Political Studies Association conference, September, University of Newcastle.
- Eidenfalk, J. (2009). *A Window of Opportunity? Australian Foreign Policy Change towards East Timor 1998—1999 and Solomons Island 2003*. PhD Dissertation, School of History and Politics, Faculty of Arts, University of Wollongong.
- Gati, C. (1980). *The Stalinist legacy in Soviet foreign policy*. In: E. P. Hoffman & F. J. Fleron. editors. *The Conduct of Soviet Foreign Policy*. New York: Aldine. p. 644—663.
- Gehlen, M. P. (1967). *The Politics of Coexistence — Soviet Methods and Motives*. Westport, CT: Greenwood.
- Goldman, M. I. (1965). A Balance Sheet of Soviet Foreign Aid. *Foreign Affairs*, 43(2), 349—360.
- Gustavsson, J. (1999). How Should We Study Foreign Policy Change. *Cooperation and Conflict*, 34 (1), 73—95.
- Hermann, C. (1990). Changing course: When government choose to redirect foreign policy. *International Studies Quarterly*, 34 (1), 3—21.
- Horn, R. (1975). Soviet Influence in Southeast Asia: Opportunities and Obstacles. *Asian Survey*, 15 (8), 656—671.
- Jones, S. B. (1955). Global Strategic Views. *Geographical Review*, 45 (4), 492—508.
- Pauker, G. J. (1961). General Nasution's Mission to Moscow. *Asian Survey*, 1 (1), 13—22.

- Pauker, G. J. (1962). The Soviet Challenge in Indonesia. *Foreign Affairs*, 40 (4), 612—626.
- Pospelovsky, D. (1968). Restalinization or Destalinization? *Russian Review*, 27 (3), 307—320.
- Putnam, R. (1988). Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization*, 42 (3), 427—460.
- Sidel, J. T. (2007). From Russia with Love? A Book Review of Stalin i Indoneziya: Politika SSSR v otnoshenii Indonezii v 1945—1953 godakh: Nyeizvyestniye Stranitsiy [Stalin and Indonesia: Soviet Policy towards Indonesia, 1945—1953: Unknown Pages] by L.M. Efimova. *Indonesia*, 84, 161—172.
- Singh, B. (1986). *Soviet-Indonesian Relations, 1945—1968. PhD Dissertation*, Australian National University.
- Tucker, R. D. (1957). The Politics of Soviet De-Stalinization. *World Politics*, 9 (4), 550—578.
- Williams, M. C. (1991). New Soviet Policy toward Southeast Asia: Reorientation and Change. *Asian Survey*, 31(4), 364—377.

Received: 26.01.2017

For citations: Dharmaputra, Radityo (2017). De-Stalinisation of Soviet Foreign Policy towards Indonesia: Reviewing the Feasibility of the Theory of Foreign Policy Change. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 162—174.

About the author: Radityo Dharmaputra — Lecturer of the Department of International Relations, Universitas Airlangga, Indonesia (e-mail: radityo.dharmaputra@fisip.unair.ac.id).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-162-174

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНДОНЕЗИИ В РАМКАХ ТЕОРИИ ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Радитио Дармапутра

Университет Аирланга, Сурабая, Индонезия

В рамках данной статьи анализируются изменения политики Советского Союза по отношению к Индонезии в период правления Иосифа Сталина и Никиты Хрущева сквозь призму современной теории изменения внешней политики.

Автор статьи поддерживает точку зрения Патнэма, что в случае каких-либо изменений причины, вероятно, следует искать во взаимодействии внутренних и международных факторов. Данное исследование совершенствует понимание, что внутривнутриполитический процесс десталинизации в период Хрущева был не единственным фактором, который мог повлиять на внешнюю политику СССР. На примере Индонезии как развивающейся страны автор демонстрирует, что оба набора факторов влияли на изменение политики. Тем не менее, в работе утверждается, что системное состояние холодной войны, а именно борьба между США и СССР, оказывало большее влияние, чем внутренняя обстановка. Данная работа способствует более глубокому пониманию советско-индонезийских отношений, влияния десталинизации на внешнюю политику СССР, а также раскрывает возможность применения современной теории изменения внешней политики в рамках конкретного исторического примера.

Ключевые слова: десталинизация, советская внешняя политика, теория изменения внешней политики, Индонезия, внутренние факторы, международные факторы

Дата поступления статьи: 26.01.2017

Благодарность: Автор выражает благодарность доктору Луке Анчески и профессору Ребекке Кей за их полезные и конструктивные комментарии в процессе исследования. Отдельное спасибо Erasmus + Scholarship за предоставление финансирования проведения исследования о России в рамках своей программы Action 1.

Для цитирования: *Dharmaputra Radityo*. De-Stalinisation of Soviet Foreign Policy towards Indonesia: Reviewing the Feasibility of the Theory of Foreign Policy Change // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 1. С. 162—174.

Сведения об авторе: *Радитио Дармапутра* — лектор Департамента международных отношений, Университет Аирланга, Индонезия (e-mail: radityo.dharmaputra@fisip.unair.ac.id).

© Radityo Dharmaputra, 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-175-189

ОСТРОВ МАЙОТТА НА ПУТИ В МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО

И.В. Неженцев, Л.В. Пономаренко

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В статье рассматривается эволюция территориального статуса Майотты с момента подписания в 1841 г. договора о передаче Майотты под протекторат Франции до настоящего времени.

На основе изученных декретов, законов, постановлений, опубликованных в *le Journal officiel de la République française* — главном французском печатном издании, прослеживается эволюционный путь Майотты от простой колонии до департамента, выделяются основные этапы развития франко-майотских отношений, показана специфика французской колониальной политики в отношении не только Майотты, но и других ее территорий в Индийском океане, а также особенности административного управления. Особо подчеркивается роль Майотты как стратегически важной территории регионального контроля восточной Африки, а также как зоны экономического, научного и культурного сотрудничества. Рассматривается также статус Майотты после департаментализации, ее ускоренное экономическое и социальное развитие как следствие интеграции с ЕС.

В результате исследования делается вывод о том, что Майотта не имеет определенного статуса в международной системе. С одной стороны, Майотта законодательно является департаментом Франции, а также частью удаленных заморских территорий ЕС и международное сообщество считает это легитимным. С другой стороны, международные организации, такие как ООН, Африканский союз, Лига арабских государств не признают Майотту частью Франции.

Ключевые слова: Франция, Африка, Майотта, Коморские острова, колониальная система, протекторат, декрет, закон, референдум, заморская территория, департамент Франции

История французского колониализма имеет свои особенности. Ставшая достоянием истории, Французская колониальная империя была второй по величине после Британской. Она складывалась поэтапно, начиная с великих географических открытий. В настоящее время, спустя почти шесть десятков лет, которые отделяют нас от начала повсеместного крушения колониальной системы, можно дать взвешенные оценки французской модели колониального управления.

Как известно, большинство колоний Франции располагались на Африканском континенте. Среди всех колоний Франции по-настоящему особое место занимает небольшой остров Майотта, располагающийся северо-восточнее Мозамбикского пролива. В чем особенность этого острова? Почему, владея этим островом на протяжении более чем 150 лет, Франция уже никогда не отвернется от него?

Это история необычных и трудных взаимоотношений метрополии и колонии: с одной стороны, Франция, для которой остров является стратегически важным пунктом в Индийском океане; с другой, население Майотты, с упорством и упованием добывающееся уравнивания своего статуса с метрополией. Экономические, социальные, культурные изменения, которые привнесла Франция, способствовали постепенной трансформации острова, сделав его «французским». И несомненно, что после такого длительного взаимодействия Майотта стала частью Франции не только для жителей самого острова, но и для всех французов.

СТАНОВЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С IX по XIX в. Майотта служила перевалочным пунктом для работоторговли, в основном из стран Персидского залива. С начала XIX в. Франция сумела закрепить в Индийском океане. Остров Бурбон (ныне Реюньон) стал единственной колонией здесь, играющей роль опорного пункта. Однако он находился в стороне от основных торговых путей, которые контролировались по большей части Британской империей, и потому французское колониальное руководство решило предпринять попытку расширить свои владения, дабы усилить свое военное присутствие, а также укрепить торговые связи.

Отправной точкой начала франко-майотских отношений считается 13 апреля 1840 г., когда французский адмирал Пьер Пассо отправился с экспедицией на Майотту. Вскоре после установления дипломатических отношений между Францией и султаном Майотта султан острова Андриансули направил письмо губернатору Бурбона с просьбой о военной защите от посягательств соседних государств. 25 апреля 1841 г. между Французской империей и султаном Майотта был заключен договор о передаче Майотты под протекторат Франции¹. Как отмечает заслуженный профессор, член французской академии изучения заморских территорий Жан Мартен в своей монографии «Четыре острова пиратов и плантаторов»: «на такой шаг султан пошел не столько из-за угроз Пьера Пассо о набегах со стороны пиратов или соседних агрессоров, сколько из-за политической и экономической выгоды от этого соглашения» [Martin 1985: 32].

Первое время Майотта не имела никакого статуса, она находилась в непосредственном подчинении Реюньона. В том же году Нуси-Бе, первый из двух островов региона, ставших «французскими», получил статус административного центра новых колоний, и Майотта перешла под его юрисдикцию. Более 40 лет Майотта входила в состав колонии Нуси-Бе. За это время французское колониальное руководство наладило административное управление, учредило должность губернатора. Декретом от 5 сентября 1887 г. правительство в незначительной степени изменило статус административного управления колонии, подчинив ее напрямую министру Военно-морского флота и колоний².

В 1886 г. Майотта получила автономию и министерство учредило новое территориальное образование, состоявшее из островов Майотта, Нуси-Бе и Сент-Мари близ северо-восточного побережья Мадагаскара. В 1896 г. Мадагаскар после почти полувекового сопротивления стал колонией Франции. Для укрепления власти на острове колониальная администрация решила передать под управление Мадагаскара Майотту и Коморы.

Как пишет профессор университета Сорбонна-Париж IV, профессор новейшей истории, специалист по истории Майотты и колонизации островов Индийского океана Изабель Дени в своей статье, «новый министр колоний Андре Лебон,

¹ *Traité de cession de Mayotte à la France du 25 Avril 1841*. URL: http://www.mayotte-observer.com/documents/le_traite_de_1841.html (accessed: 05.10.2016).

² *Décret du 5 septembre 1887 instituant un gouverneur à Mayotte*. *Journal Officiel* du 9 septembre 1887. P. 769.

в ходе его встречи с президентом республики Феликсом Фором предложил внести поправки в декрет от 23 января 1896 [Denis 2004], ввиду неэффективного колониального управления и устаревшими методами». «Удаленность двух островов друг от друга, формирование местных военно-морских взаимоотношений в соответствии с требованиями каждого из них, неспособность реализовать и принять необходимые методы управления в колониях», — констатировал Лебон.

Однако в своем колониальном управлении Франция не преследовала долгосрочные цели, постоянно изменяя статус территорий. Это связано, в первую очередь с нежеланием вступать в конфронтацию с Великобританией и Португалией. Франция расширяла свои территории за счет сближения с местным правительством. К тому же, краткосрочная колониальная политика предусматривалась для сокращения издержек на содержание колониальной администрации, выхода из экономического застоя, включая ту или иную слабо развитую территорию в состав более процветающей. В 1912 г. Майотта и Коморы были переданы под управление колонии Мадагаскар. Однако французское руководство оставило в ведении острова самоуправление и финансовую сферу. «Сохранение за Майоттой полномочий было частью колониальной стратегии Франции, из-за опасений того, что неокрепшая колония Мадагаскар является все еще ненадежной опорой», — отмечает в своей книге заслуженный профессор университета Париж-Сорбонна Жан Мейер [Meyer 2016: 78—91].

В 1912—1945 гг. Майотта, как и Коморы, входила в состав колонии Мадагаскар. В этот период происходит первое отделение Майотты от архипелага. Ввиду экономической вялости Коморских островов, Франция создает внутрикониальное образование с административным центром в Дзаудзи. Майотта была уполномочена осуществлять административное и финансовое управление [Ninon 2007] при полной согласованности с властями Антананариву. Помимо этого архипелаг имел экономические и финансовые представительства на Мадагаскаре, в состав которых входили два французских представителя и один от коренного населения.

В БОРЬБЕ ЗА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

После Второй мировой войны Коморы стали стремиться к расширению автономии. После целой серии декретов и законодательных актов [Denis 2007] в 1946 г. в результате установления IV Республики Коморские острова наконец-то обрели статус заморской территории Франции.

Конфронтация Западного мира во главе с США и социалистического лагеря во главе с СССР, их идеологическое противостояние повлекли за собой трансформацию международной системы, превратив ее в биполярную. Кардинальные изменения в расстановке и балансе сил в мире привели к краху колониальной системы. Французское правительство понимало, что нарастающий колониальный кризис невозможно остановить, поэтому оно старалось как можно скорее законодательно изменить статус французских владений. Президент V Республики генерал Шарль де Голль, стоявший у истоков деколонизации, писал в своих мемуарах: «Для человека моего возраста и моего воспитания было воистину ужасно стать, по собст-

венному желанию, организатором подобных перемен. Каким тяжелым моральным испытанием для меня были передача там нашей власти, спуск наших знамен, закрытие там одной из великих книг истории!»³.

Республика поэтапно вносила изменения в территориальное законодательство своих заморских территорий, предоставляя им все большую автономию. Однако это только ускорило процесс деколонизации Африки и Мадагаскара. После 1960 г., который был провозглашен ООН Годом Африки, когда независимость получили 17 африканских колоний⁴, республика не хотела сдавать позиции в отношении оставшихся подконтрольных территорий. Ее усилий, направленных на сохранение протектората над архипелагом, оказалось недостаточно. В этой связи правительство решило пойти на уступки. Закон № 61-1412 от 22 сентября 1961 г. регламентировал учреждение органов государственного управления на Коморах⁵. В том же году, по решению Парижа, административный центр Комор был перенесен из Дзаудзи в Морони, в результате Майотта лишилась статуса основного центра по принятию решений [Denis 2010].

1960-е гг. явились решающими для Майотты. Власти острова отметили возрастающую осознанность населения в необходимости изменения своего статуса. В 1962 г. коренное население Майотты — махоре, побуждаемое идеями о расширении полномочий острова, образовали «Движение народа махоре», целью которого было предоставление острову статуса заморской территории Франции [Carayol 2008]. Однако не только выражение недовольства администрации послужило причиной создания движения. На острове главенствуют две основные религии: христианство и ислам. Несмотря на то что ислам является доминирующей религией — 97%, майотская элита составляла оставшиеся 3% христиан [Denis 2010a]. Это были в основном переселенцы из метрополии, госслужащие с семьями и местное зажиточное население, которые были обеспокоены тем, что присоединение Майотты к исламскому архипелагу приведет к столкновениям на религиозной основе.

1970-е гг. — это период наибольшей напряженности и нестабильности. Коморы стремились обрести независимость, что являлось логичным после длительного периода самоуправления, действовавшего с 1946 г. 22 декабря 1974 г. в результате проведения референдума по вопросу о самоопределении большинство жителей архипелага проголосовало за отделение от Франции, а именно, 96% населения Комор. Большинство же жителей Майотты, 64% голосов, проголосовало против отделения⁶ (табл. 1).

³ Шарль де Голль. Мемуары надежд: Обновление 1958—1962 гг. М., 2000. С. 39.

⁴ Résolution 1514 (XV) du 14 septembre 1960 l'octroi de l'indépendance aux pays et aux peuples coloniaux. P. 70.

⁵ Loi 61-1412 du 22 septembre 1961 portant réorganisation des Comores, et création d'un T.O.M. Journal Officiel du 23 décembre 1961. P. 1230.

⁶ Comoros Detailed Election Results of 22 december 1974. URL: www.africanelections.tripod.com/km_detail.html (accessed: 06.10.2016).

**Результаты референдума от 22 декабря 1974 г.
по вопросу о самоопределении Коморских островов**
The results of the referendum of 22 December 1974 on self-determination of the Comoros

22 December 1974 Independence Referendum									
Island	"Yes" Votes		"No" Votes		Total Valid Votes	Invalid / Blank Votes	Total Votes	Registered Voters	Voter Turnout
	Number of Votes	% of Votes	Number of Votes	% of Votes					
Anjouan	58,897	99,93%	44	0,07%	58,941	4	58,945	61,406	96,0%
Grande Comore	84,123	99,98%	21	0,02%	84,144	39	84,183	892,15	94,4%
Mayotte	5,110	36,78%	8,783	63,22%	13,893	84	13,977	17,946	77,9%
Mohéli	6,054	99,92%	5	0,08%	6,059	3	6,062	6,351	95,5%
National Total	154,184	94,57%	8,853	5,43%	163,037	130	163,167	174,918	93,3%

Источник: African Elections Database

6 июля 1975 г. глава коморского правительства Ахмед Абдаллах в одностороннем порядке провозгласил независимость Коморского государства, состоявшего из трех островов. Произошло упразднение правительственного совета, был сформирован парламент, принята конституция, а островам возвращены их первоначальные арабские названия. Как отмечает доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, историк, специалист в области истории Франции и российско-французских отношений XVIII—XX вв. П.П. Черкасов: «В ответ на эти действия профранцузские круги на Майотте потребовали от Парижа «защиты» [Черкасов 1983: 161].

Французское руководство признало результаты референдума, однако не было согласно с тем, что сформированное правительство проигнорировало результаты голосования на Майотте, включив остров в состав нового государства. Законом от 3 июля 1975 г. Франция официально подтвердила независимость Комор, при этом в статьях закона указывалось на то, что Майотта, в случае отказа от принятия закона конституции островов имела законное право остаться в составе Франции⁷. Эти действия привели к демонстрациям на Гранд-Коморе, Анжуане и Мохели в ноябре 1975 г., протестующие были не согласны с навязанной политикой французского правительства по отношению к Майотте.

Для урегулирования ситуации и восстановления порядка французское руководство вынуждено было произвести развертывание военных сил на архипелаге. С тем чтобы не допустить новых беспорядков и манифестаций с законом от 31 декабря 1975 г. Париж заявил о проведении в течение двух месяцев повторного опроса населения Майотты для определения своего будущего⁸. Вопрос был вполне оче-

⁷ Loi 75-560 du 3 juillet 1975 relative à l'indépendance du territoire des Comores. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000521949> (accessed: 16.10.2016).

⁸ Loi 75-1337 du 31 décembre 1975 relative aux conséquences de l'autodétermination des îles des Comores. Mayotte est appelée à se prononcer dans les deux mois suivant la promulgation de la présente loi. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000700228> (accessed: 16.10.2016).

виден и гласил: «Согласны ли вы стать частью государства Коморы или остаться в составе Французской Республики?». Абсолютное большинство населения Майотты проголосовало за сохранение острова в составе Франции.

Годом позже, для закрепления своей власти Париж издал указ о том, что Майотта является административно-территориальным образованием Французской Республики с возможностью изменения своего статуса в течение трех лет⁹. Текст закона предусматривал наличие представительства Майотты во французском парламенте — один депутат и один сенатор. На острове был учрежден Генеральный совет, члены которого избираются путем всеобщего голосования и принимают решения, предварительно рассмотренные префектом¹⁰. За Парижем остается право принятия решения в отношении любого действия, которое ему кажется целесообразным.

Со стороны международного сообщества оказывалось постоянное давление. Видя, что французское руководство закрепило за собой остров, тем самым нарушив решения ООН, Организация африканского единства (ОАЕ), Мадагаскар потребовали передать Майотту под управление Исламской Республики Коморские острова. Франция, в свою очередь, для того чтобы доказать законность своих действий ссылалась на результаты референдумов.

К 1979 г. ООН приняла 4 резолюции относительно Майотты, две из которых являются основополагающими. Они предписывали передать остров под управление Комор, призывая французское правительство начать немедленный диалог с Коморами по передаче им всех полномочий по Майотте¹¹, а также соблюдение всех соответствующих резолюций ООН по этому вопросу¹². Однако французское правительство открыто проигнорировало решения ООН и вскоре приняло новый закон в отношении Майотты. Статья 1 Закона № 79-1113 от 22 декабря 1979 г. определяла, что Майотта является частью Французской Республики, и что она может изменить свой статус только лишь в случае волеизъявления народа на это¹³.

В 1980-х гг., несмотря на все изменения в своем территориальном статусе, Майотта оставалась практически такой же периферийной зоной метрополии, какой была в начале XX в. Коммуникации практически полностью отсутствовали, на острове имелись лишь две автомагистрали. В течение 90-х гг. XX в. проводят-

⁹ Loi 76-1212 du 24 décembre 1976 relative à l'organisation de Mayotte en une collectivité territoriale avec un statut évolutif dans les trois années à venir. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?jsessionid=AF1A315FF9250860286ECE64BED8CC86.tpdjo16v_3?cidTexte=JORFTEXT000000522252&dateTexte=19761229 (accessed: 16.10.2016).

¹⁰ Décret 77-510 du 18 mai 1977 portant sur la convocation du collège électoral pour procéder à l'élection du conseil général de Mayotte. Journal Officiel du 19 mai 1977. P. 2836.

¹¹ Résolution de l'ONU 31/4 du 21 octobre 1976 «Question de l'île comorienne de Mayotte». 31ème session de l'Assemblée générale de l'ONU. P. 12.

¹² Résolution de l'ONU 34/69 du 6 décembre 1979 «Question de l'île comorienne de Mayotte». 34ème session de l'Assemblée générale de l'ONU. P. 24.

¹³ Décret 79-1113 du 22 décembre 1979: l'île de Mayotte fait partie de la République française et ne peut cesser d'y appartenir sans le consentement de sa population. Journal Officiel du 23 décembre 1979. P. 3254.

ся реформы, направленные на ликвидацию законодательной отсталости острова от метрополии. Постепенно вводили в действие законы в таких областях, как здравоохранение, образование и жилищная сфера. Лишь в 1986 г. парламент включил Майотту в плановую повестку на следующий год.

НА ПУТИ К ДЕПАРТАМЕНТАЛИЗАЦИИ

С приходом нового тысячелетия начался новый этап преобразований. И снова депутаты местного собрания совместно с представителями Национального собрания обратились с заявлением к французскому правительству провести референдум, предусмотренный положениями нескольких ранее принятых законов. 27 января текст соглашения, предварительно составленный Министерством заморских территорий, был подан на рассмотрение в парламент [Carayol 2008a]. В июле население повторно обратилось к парламенту рассмотреть вопрос об изменении статуса Майотты. Закон № 2001-616 от 11 июля 2001 г., принятый парламентом и утвержденный президентом республики, учредил присвоение Майотте статуса Сообщества с департаментским значением¹⁴ (исключительный случай в истории французских заморских территорий). Вопрос рассмотрения следующей заявки на изменение статуса не мог быть рассмотрен до истечения пятилетнего срока [Carayol 2009], т.е. до 2009 г. К этому времени Генеральный совет должен был переизбрать не менее $\frac{2}{3}$ своих членов. Население Майотты также должно было принять решение об изменении статуса путем голосования на референдуме.

Новый статус позволил Майотте улучшить свое экономическое и социальное положение. Среди новых компетенций Майотта получила право пользоваться законами о разделении полномочий между коммунарами, департаментами и регионами республики¹⁵. Муниципальные обязанности и компетенции Генерального совета были расширены в области школьного образования, здравоохранения, культуры, транспортной структуры, градостроительства и благоустройства городов, а также развития сельского хозяйства, туризма. Местные депутаты получили более широкие полномочия.

Закон предусматривал два типа финансовой помощи в период между 2002 и 2006 гг.: выделение средств для модификации уже существующих видов производств и для обеспечения необходимыми услугами и средствами для всех муниципалитетов. Это финансирование предусматривало некоторую деятельность местных публичных учреждений в форме проектов [Descoux 2008], постановлений, а также частное инвестирование. Прежде всего, деятельность правительства была направлена на решение проблем, связанных с транспортной инфраструктурой, уличным освещением, капитальным ремонтом школ, снабжением питьевой во-

¹⁴ Loi 2001-616 du 11 juillet 2001 relative à Mayotte: l'île prend le nom de "collectivité départementale de Mayotte". Journal Officiel du 13 juillet 2001. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000407771> (accessed: 16.10.2016).

¹⁵ Loi n° 83-663 du 22 juillet 1983 complétant la loi n° 83-8 du 7 janvier 1983 relative à la répartition de compétences entre les communes, les départements, les régions et l'Etat. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000320195> (accessed: 16.10.2016).

дой, сбором и утилизацией отходов, проведением канализации и необходимых технических средств в культурные, спортивные и административные учреждения [Math 2012a].

Политические и территориальные особенности острова вновь были отмечены законодательно при внесении поправок в конституцию от 28 марта 2003 г., в статьях 72, 72-3, 74, устанавливающих права административно-территориальных образований Франции^{16, 17}. В июне 2004 г. на межправительственной конференции, тогда еще 25 государств — членов ЕС одобрили принцип присоединения острова к ультрапериферийным зонам Европейского союза. Министерство заморских территорий усилило свое внимание к Майотте и в рекордно короткие сроки реализовало многочисленные экономические и социальные проекты. Конвенция по развитию, принятая 9 декабря 2002 г., определяющая приоритетные направления развития и устанавливающая конкретные задачи, среди которых: создание прямого воздушного сообщения между Европой и Майоттой, борьба с усиливающейся незаконной миграцией, сокращение неформальных секторов экономики, включая теньевую¹⁸.

Выступление министра заморских территорий Бриджит Жирарден перед Генеральным советом в Мамудзу в марте 2005 г. было посвящено дальнейшим перспективам изменения территориального статуса Майотты в рамках новых «ультрапериферийных» территорий ЕС, выделению средств из основных фондов для стимулирования развития экономики острова, налаживанию инфраструктуры. Была создана специальная комиссия фондов регионального развития для регулирования финансовых поступлений для развития всех островных территорий Франции в Индийском океане¹⁹. Таким образом, Майотта была включена в процесс интеграции не только с Францией, но и с ЕС.

Особое внимание государства привело к тому, что на острове начал реализовываться второй этап программ, направленных на выравнивание французского законодательства. Несмотря на то что Майотта уже долгое время была территорией Франции, главная проблема заключалась в том, что некоторые законы республики не действовали на Майотте. Поэтому происходило поэтапное реформирование законодательной системы острова [Vaude 2012] в сферах, касающихся социального развития, института семьи, потребления населения, занятости, торговли, страхования, градостроительства и благоустройства городов, туризма, гражданской авиации и правовой сферы [Math 2012b].

¹⁶ Constitution française du 4 octobre 1958, Vième République. Titre XII — Des collectivités territoriales. Article 72-3. Publiée par le Conseil constitutionnel de la France, 19 août 2009. P. 41—42.

¹⁷ Constitution française du 4 octobre 1958, Vième République. Titre XII — Des collectivités territoriales. Article 74. Publiée par le Conseil constitutionnel de la France, 19 août 2009. P. 45—47.

¹⁸ Décret n° 2002-1452 du 9 décembre 2002 du fonds mahorais de développement. Journal Officiel de la République française n°291 du 14 décembre 2002. P. 20724. Texte n° 57.

¹⁹ Déclarations de Mme Brigitte Girardin, ministre de l'Outre-Mer, sur la mise en oeuvre des Fonds de coopération régionale (FCR) dans les îles françaises de l'océan indien et sur les perspectives d'évolution du statut de Mayotte au sein des nouvelles "régions ultra-périphériques" (RUP) de l'Europe, Mayotte le 4 mars 2005. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/053000777.html> (accessed: 05.11.2016).

Несмотря на то что первоначально население Майотты имело право подать заявку на проведение референдума относительно изменения своего статуса только начиная с 2009 г., закон № 2007-233 от 21 февраля 2007 г., устанавливающий уставные и институциональные положения относительно заморских территорий, привел к ускорению процесса рассмотрения заявки²⁰. Местные депутаты нашли лазейку в статье закона, в соответствии с которой Генеральный совет Майотты после возобновления своей работы в 2008 г. мог бы абсолютным большинством голосов своих членов принять решение и подать заявку на изменение своего статуса. Это постановление, принятое единогласно 18 апреля 2008 г., было передано в Париж. Переговоры между депутатами Майотты и центральными органами власти привели к созданию пакта о департаментализации, представленного 16 декабря 2008 г. президенту Николя Саркози. 14 января 2009 г. правительство начало процедуру изменения статуса, и декрет от 20 января 2009 г. провозгласил начало осуществления консультации населения Майотты относительно референдума²¹. Избирателям предстояло ответить «да» или «нет» на вопрос: «Согласны ли вы на изменение статуса Майотты на форму заморского сообщества, называемую департаментом?».

Референдум состоялся 29 марта 2009 г. Большинство жителей Майотты проголосовали за департаментализацию острова — 95,3% из 62% жителей, принявших участие в голосовании²² (табл. 2).

Таблица 2

Результаты референдума от 29 марта 2009 г. о присвоении Майотте статуса департамента
The results of the referendum of 29 March 2009 on the assignment
of the status of Department to Mayotte

	Число / Number	Процент / Зарегистрировано Percentage / Registered
Зарегистрировано / Registered	71 420	100%
Воздержались / Abstention	27 589	38,63%
Проголосовавшие / Voters	43 831	61,37%
		Проголосовавшие / Voters
Пустой или испорченный бюллетень / Blank or spoiled	616	1,41%
Заполненный бюллетень / Expressed	43 215	98,59%
		Заполненный бюллетень / Expressed
Да / Yes	41 160	95,24%
Нет / No	2 055	4,76%
		Зарегистрировано / Registered
Да / Yes	41 160	57,63%
Нет / No	2055	2,88%

Источник: Résultat du référendum selon la préfecture de Mayotte

²⁰ Loi organique 2007-223 du 21 février 2007 portant dispositions statutaires et institutionnelles relatives à l'outre-mer. Journal Officiel du 22 février 2007 N°45. P. 22—23. URL: http://www.cesc-saintmartin.org/images/cesc/pdf/loi_21_02_2007.pdf (accessed: 16.10.2016)

²¹ Décret n° 2009-67 du 20 janvier 2009 décidant de consulter les électeurs de Mayotte en application des articles 72-4 et 73 de la Constitution. Journal Officiel du 21 janvier 2009. P. 1313.

²² Résultat du référendum selon la préfecture de Mayotte. Le site officiel de la préfecture de Mayotte. URL: www.mayotte.pref.gouv.fr/depot/departementalisation/res-consul-may.pdf (accessed: 20.10.2016).

101-Й ДЕПАРТАМЕНТ ФРАНЦИИ

31 марта 2011 г. вошло в историю Майотты — именно в этот день остров получил статус департамента Франции. Начался процесс сращивания экономической, налоговой, финансовой и социальной систем острова и метрополии, создания кадастрового законодательства, коррекции гражданского кодекса, увеличения депутатских мандатов в парламенте. Департаментализация также повлекла за собой кардинальные изменения в образе жизни коренного населения: уравнивание прав женщин с мужчинами, отказ от полигамии, увеличение возраста для вступления в брак у девушек с 15 до 18 лет, уменьшение полномочий мусульманских судей «кади» и открытие гражданских судов и многое другое.

Международная реакция на референдум была неоднозначна и парадоксальна: с одной стороны, страны Евросоюза, а также большая часть международного сообщества проигнорировали сам факт проведения референдума, не считая Майотту спорной территорией, ввиду того что с 2004 г. остров входил в состав ультрапериферийных территорий ЕС и имел оформленный юридический статус. С другой — Коморы и Африканский союз выступили с критикой, снова обвинив Францию в незаконности своих действий [Ali Amir 2009], а также в продолжении курса проведения колониальной политики. Правительство Морони крайне негативно высказалось о результатах референдума, называя их противозаконными. Референдум фактически лишил Коморы какой-либо возможности на создание единого государства, состоящего из четырех островов архипелага.

Департаментализация позволила полностью интегрировать Майотту в метрополию. Интеграция всех административных структур будет происходить постепенно. Майотта, начиная с этого момента, является одновременно и департаментом, и заморской территорией республики, расширяя свои права на внешнее административное управление как самостоятельная территориальная единица. Совет Европы принял решение, что, начиная с 1 января 2014 г., она становится девятым регионом ультрапериферийных территорий ЕС в официально оформленном статусе²³. Фактически Майотта стала членом ЕС. Необходимо отметить, что благодаря этому увеличилось финансирование острова.

Желание Европы как можно скорее интегрировать новую территорию привело к появлению большого количества экономических и социальных проектов, направленных на рост торговли путем снятия экономических торговых барьеров между ЕС и Майоттой, развитие сельского хозяйства, развитие туристической сферы, улучшение медицинской сферы обслуживания, строительство больниц, расширение доступа к образованию, строительство школ, строительство детских площадок и детских садов. Часть из этих проектов планируется реализовать до 2020 г. Для этого Европейский союз готов выделить 16 млн евро из фондов регионального развития. Все эти преимущества, несомненно, должны позволить Майотте стать важной экономической зоной Франции в Индийском океане. Помимо

²³ La directive 2013/64/UE du 17 décembre 2013, modifiant notamment la directive 91/271/CEE du Conseil, suite à la modification du statut de Mayotte à l'égard de l'Union européenne. URL: http://www.ineris.fr/aida/consultation_document/30861 (accessed: 25.10.2016).

всего прочего Майотта должна стать центром научной, образовательной и культурной сфер.

Как и прежде, Майотта является стратегически важным французским пунктом в Индийском океане. На острове расположены военно-морская и радиолокационная базы. Несмотря на изменения статуса, до достижения конечного результата еще далеко. Уровень жизни населения сильно отстает от метрополии. С 2008 по 2013 г. Майотта получила от государства 23 млн евро на улучшение социальных условий [Sourisseau, Bonnal, Burnod 2008], модернизацию транспортной системы, развитие медицинского обслуживания. По словам Ива Жего, бывшего госсекретаря по вопросам заморских территорий, выступившего с ежегодным докладом перед сенатом, полная интеграция Майотты займет 20—25 лет и обойдется в 200 млн евро²⁴.

Одним из важнейших мер, предпринятых французским руководством, явилось введение французской системы Вэлфера — пособия, обеспечивающего прожиточный минимум. Однако наряду с этим жители обязаны были платить те же налоги, что и жители регионов метрополии [Duflo, Ghaem 2014].

Вместе с тем, такая ускоренная интеграция приводит к возникновению социальных проблем. Несмотря на законодательную защиту традиционной культуры, местные языки, в частности язык махоре, являются менее защищенными перед господством языка Мольера. В этом отношении Франция проводит свою обычную политику лингвистической монополии французского языка. Молодое поколение, повернувшись в сторону Парижа, не заинтересовано в факультативном изучении местных языков.

Модернизация экономической и финансовой сфер привела к росту социального неравенства, большой разнице в заработной плате. Саид Боинали, директор фонда социального обеспечения, выразил озабоченность, что местное население, еще не успевшее окончательно адаптироваться к новым условиям жизни, может распасться на два фронта: сторонников и противников модернизации.

Экономический и социальный уровень Майотты намного выше, чем на Коморах. Отсюда вытекает одна из главных проблем департамента на сегодня — нелегальная миграция [Wickel 2008]. Потоки нелегальных мигрантов прибывают в основном с соседних неблагополучных островов — Анжуана и Мохели. Еще одним государством, откуда идет поток мигрантов, является Мадагаскар. По состоянию на 2012 г., около 65 тыс. мигрантов прибыло с Мадагаскара. В ответ Франция ужесточила миграционное законодательство, только за 2013 г. было депортировано около 24 тыс. нелегальных мигрантов.

Таким образом, департаментализация, с одной стороны, привела к существенному развитию региона, его модернизации и вхождению как юридического субъекта в международное общество. С другой — создала массу проблем внутреннего и внешнего характера. В этой связи необходимо постепенное развитие и интеграция департамента с метрополией.

²⁴ Остров Майотта стал 101-м департаментом Франции. Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2009/03/30/mayotte/> (accessed: 16.10.2016).

За те 175 лет, что Майотта находится под управлением Франции, она претерпела существенные изменения. Поначалу, колония Реюньона, она не имела никакого автономного колониального статуса в период с 1844 по 1896 г. Затем следует короткий период относительной автономии. С 1908 по 1946 г. Майотта входила в состав колонии Мадагаскар вместе с остальными Коморами, однако сумела сохранить привилегии административного центра всего Коморского архипелага, вплоть до падения колониальной системы. В период 1946—1961 гг., оставаясь зависимой территорией, Майотта получила широкие полномочия. 1960—70-е гг. наконец-то подтолкнули население к организации референдума с целью получить статус заморского сообщества Франции. Несмотря на то что метрополия с нежеланием шла на уступки, не стоит забывать о сильном желании населения добиться полного равноправия с метрополией.

В 1970-х гг. действия «Движения народа махоре» вынудили центральное правительство пойти на уступки и вскоре Майотта получила статус заморского сообщества. Последующие действия были направлены на интеграцию острова с республикой, улучшение социального и экономического положения, а также последующее изменение статуса.

Для Франции Майотта не просто остров, это стратегически важный пункт в Индийском океане, в частности в Мозамбикском проливе. Начиная с 1841 г. метрополия включила остров в сферу своего влияния для возможности контролировать торговые пути и налаживать отношения с соседними государствами региона [Denis 2012]. На протяжении почти ста лет Франция укрепляла позиции в регионе, устанавливая протекторат над соседними территориями. Помимо всего прочего Майотта обладает важными природными ресурсами, один из которых — это наличие больших запасов пресной воды.

После Второй мировой войны и распада колониальной системы, Франции, лишенной большинства своих колоний, нужно было удержаться в регионе, находящимся в зоне ее влияния. Ко всему прочему Франция также стремилась не допустить в регион СССР, активно устанавливающий дипломатические и экономические отношения с молодыми государствами, продолжать контролировать Мозамбикский пролив, являющийся важным стратегическим и экономическим пунктом в области разработки, добычи и перевозки нефти. Регион также является важной экологической зоной — острова Глорьез, Тромелан служат базами для научных и метеорологических станций.

В наши дни остров продолжает развиваться в тени своего более мощного соседа — Реюньона, также являющегося департаментом Франции, однако, не обладающего исключительным статусом, в отличие от Майотты, имеющей экономические и социальные преимущества. И сегодня Большая земля смотрит на метрополию как на равную, относясь к ней с большим уважением, отдавая дань их совместному историческому прошлому. В свою очередь Париж уже не удивляется тому, что эта небольшая территория смогла не только продемонстрировать определенный демократический прагматизм, но и показать исключительную способность к политическому балансированию между своими интересами и интересами Французской Республики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Черкасов П.П.* Судьба Империи: Очерк колониальной экспансии Франции в XVI—XX вв. М.: Наука; 1983.
- Ali Amir A.* Le référendum sur la départementalisation de Mayotte remet la question de la décolonisation inachevée des Comores à l'ordre du jour de l'Union africaine // *La Revue Historique de l'océan Indien*. 2009. № 11. P. 54—61.
- Baude J.* Les effets des politiques sociale et fiscale sur les écarts de revenu entre ménages ultramarins et métropolitains // *La Revue Politiques sociales et familiales*. 2012. № 106. P. 65—81.
- Carayol R.* L'histoire de Mayotte de 1946 à 2000 // *La Revue Le Monde diplomatique*. 2008a. № 6 (693). P. 12—26.
- Carayol R.* L'histoire de Mayotte depuis 2000 // *La Revue Le Monde diplomatique*. 2008b. № 11 (698). P. 3—14.
- Carayol R.* Mayotte: la campagne est lancée // *La Revue Plein droit*. 2009. № 82. P. 43—51.
- Decroux J-F.* Mayotte: où est donc la République? // *La Revue Direction*. 2008. № 156. P. 45—47.
- Denis I.* L'évolution du statut de Mayotte de 1841 à nos jours: Image d'une relation particulière avec la métropole // *La Revue Ultramarine*. 2004. № 24. P. 49—54.
- Denis I.* Le double choix de l'archipel des Comores // *La Revue Historique de l'Océan Indien*. 2007. № 3. P. 75—84.
- Denis I.* Les religieuses de Saint-Joseph de Cluny a Mayotte, 1846—1904 // *La Revue Histoire et Missions Chrétiennes*. 2010a. № 16. P. 53—71.
- Denis I.* Gendarmes dans l'océan Indien : la brigade de Mayotte au XXème siècle // *La Revue LUC J-N, Soldats de la Loi, la gendarmerie au XXème siècle*. 2010b. Pups. P. 211—222.
- Denis I.* Intérêts de la France dans l'océan Indien : présence militaire à Mayotte, 1841—1945. The Dissertation of the Doctor of Historical sciences. Paris; 2012.
- Duflo M., Ghaem M.* Mayotte, une zone de non-droit // *La Revue Plein droit*. 2014. № 100. P. 68—78.
- Martin J.* Comores, quatre îles entre planteurs et pirates. T. 1. Paris: L'Harmattan; 1985.
- Math A.* Mayotte: La situation économique et sociale // *La Revue Chronique internationale de l'IRES*. 2012a. № 134. P. 41—54.
- Math A.* Mayotte — Nouveau département, conflit social majeur — la révolte contre la vie chère // *La Revue Chronique internationale de l'IRES*. 2012b. № 134. P. 178—189.
- Meyer J.* Histoire de la France coloniale: Des origines à 1914. 2016.
- Ninon J.* La dynamique urbaine à Mayotte: l'étalement de Mamoudzou et la "périphérisation" des centres petits-terriens // *La Revue Cahiers d'Outre-Mer*. 2007. № 240. P. 305—318.
- Sourisseau J-M., Bonnal P., Burnod P.* Changement institutionnel et agriculture à Mayotte. Les impacts d'une intégration renforcée à la République française sur l'activité agricole des ménages // *La Revue Economie rurale*. 2008. № 303—304—305. P. 60—74.
- Wickel A.* Crise du territoire à Mayotte: l'exemple de la pêche artisanale // *Revue Espace Politique*. 2008. № 3. P. 23—30.

Дата поступления статьи: 18.12.2016

Для цитирования: *Неженцев И.В., Пономаренко Л.В.* Остров Майотта на пути в международное сообщество // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 1. С. 175—189.

Сведения об авторах:

Неженцев Иван Викторович — магистрант 2-го курса кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: nezhentsev94@mail.ru).

Пономаренко Людмила Васильевна — д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук по международной деятельности Российского университета дружбы народов (e-mail: ponomarenko_lv@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-175-189

ISLAND OF MAYOTTE ON ITS WAY TO THE INTERNATIONAL COMMUNITY

I.V. Nezhentsev, L.V. Ponomarenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The article devoted to the analysis of change of status of Mayotte with signing of the Treaty on the possession of Mayotte to France in 1841 continuing until Mayotte's departmentalization in 2011.

Relations between France and Mayotte are essentially different from traditional cooperation "Metropolitan-colony", due the fact that Mayotte was an important strategic territory of France in the Indian Ocean since 19th century. The article contains the detail analysis of specifics features of French colonial administration. The legislative changes of territorial status of Mayotte traced on the basis of researched decrees, laws, resolutions.

The status of Mayotte had changed with the expansion of the colonial Empire: from autonomy up until 1912, to the dependant and controlled up until 1946. In the next 20 years Mayotte crosses swords for the expansion of autonomy from France. Besides it, in this chapter of the article considers the processes of formation of various people's movements, such as "Mouvement du peuple mahorais", which purposed to get from metropolitan France the status of the French Overseas territory. After the fall of the colonial system, France tried to prevent the final breakdown of the Empire, for that French Republic takes root into their colonies in a structure of France by legislation. In 1975 Comoros gained independence, and entered immediately into a confrontation with France with regard to Mayotte. The international community headed by the UN required return the island to the Comoros, despite it France referred to a popular referendum during which the residents of Mayotte had expressed a desire to be a part of France. Hurriedly, France granted to Mayotte the status of the Overseas community of France. Despite the new status, Mayotte continued to be a backward region of France up until 1990s. In the 21st century starts a new period of changes. There is an active development of the island in such spheres as administration management, economy, culture and social integration with metropolitan France which ultimately will lead to the departmentalization in 2011.

The conclusion examines the processes of integration of Mayotte with France and the EU after departmentalization, prospects of development and reinforcement of role of the island as a political and economic zone of France in East Africa.

Key words: Republic of France, Africa, Mayotte, Comoros, colonial system, protectorate, decree, act, referendum, overseas territory, French department

REFERENCES

- Ali Amir, A. (2009). Le référendum sur la départementalisation de Mayotte remet la question de la décolonisation inachevée des Comores à l'ordre du jour de l'Union africaine. *La Revue Historique de l'océan Indien*, 11, 54—61.
- Baude, J. (2012). Les effets des politiques sociale et fiscale sur les écarts de revenu entre ménages ultramarins et métropolitains. *La Revue Politiques sociales et familiales*, 106, 65—81.
- Carayol, R. (2008a). L'histoire de Mayotte de 1946 à 2000. *La Revue Le Monde diplomatique*, 6 (693), 12—26.
- Carayol, R. (2008b). L'histoire de Mayotte depuis 2000. *La Revue Le Monde diplomatique*, 11 (698), 3—14.
- Carayol, R. (2009). Mayotte: la campagne est lancée. *La Revue Plein droit*, 82, 43—51.
- Cherkasov, P. P. (1983). The fate of the Empire: Outline of French colonial expansion in the XVI—XX centuries. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Decroux, J.-F. (2008). Mayotte: où est donc la République? *La Revue Direction*, 156, 45—47.

- Denis, I. (2004). L'évolution du statut de Mayotte de 1841 à nos jours: Image d'une relation particulière avec la métropole. *La Revue Ultramarine*, 24, 49—54.
- Denis, I. (2007). Le double choix de l'archipel des Comores. *La Revue Historique de l'Océan Indien*, 3, 75—84.
- Denis, I. (2010a). Les religieuses de Saint-Joseph de Cluny a Mayotte, 1846—1904. *La Revue Histoire et Missions Chrétiennes*, 16, 53—71.
- Denis, I. (2010b). Gendarmes dans l'océan Indien : la brigade de Mayotte au XXème siècle. *La Revue LUC J-N, Soldats de la Loi, la gendarmerie au XXème siècle*, Pups, 211—222.
- Denis, I. (2012). *Intérêts de la France dans l'océan Indien: présence militaire à Mayotte, 1841—1945*. The Dissertation of the Doctor of Historical sciences. Paris.
- Duflo, M., & Ghaem M. (2014). Mayotte, une zone de non-droit. *La Revue Plein droit*, 100, 68—78.
- Martin, J. (1985). *Comores, quatre îles entre planteurs et pirates*. T. 1. Paris: L'Harmattan.
- Math, A. (2012a). Mayotte: La situation économique et sociale. *La Revue Chronique internationale de l'IRES*, 134, 41—54.
- Math, A. (2012b). Mayotte — Nouveau département, conflit social majeur — la révolte contre la vie chère. *La Revue Chronique internationale de l'IRES*, 134, 178—189.
- Meyer, J. (2016). *Histoire de la France coloniale: Des origines à 1914*.
- Ninon, J. (2007). La dynamique urbaine à Mayotte: l'étalement de Mamoudzou et la "périphérisation" des centres petits-terriens. *La Revue Cahiers d'Outre-Mer*, 240, 305—318.
- Sourisseau, J.-M., Bonnal, P., & Burnod, P. (2008). Changement institutionnel et agriculture à Mayotte. Les impacts d'une intégration renforcée à la République française sur l'activité agricole des ménages. *La Revue Economie rurale*, 303—304—305, 60—74.
- Wickel, A. (2008). Crise du territoire à Mayotte : l'exemple de la pêche artisanale. *Revue Espace Politique*, 3, 23—30.

Received: 18.12.2016

For citations: Nezhentsev, I.V., Ponomarenko, L.V. (2017). Island of Mayotte on its way to the international community. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 175—189.

About the authors:

Nezhentsev Ivan Victorovich — graduate student of the second year of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: nezhentsev94@mail.ru).

Ponomarenko Lyudmila Vasil'evna — Doctor of History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University, Deputy dean for international activities of Faculty of Humanitarian And Social Sciences. (e-mail: ponomarenko_lv@rudn.university).

© Неженцев И.В., Пономаренко Л.В., 2017

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-190-200

ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В СТРАНАХ АЗИИ В ОЦЕНКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕЙТИНГОВЫХ СТРУКТУР

Е.В. Колдунова, С.И. Лунев

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ, Москва, Россия

В статье содержится историографический обзор оценок развития высшего образования и науки в Азии, которая, по-видимому, уже превратилась в ключевой экономической район в мире. Особую актуальность исследованию придает господствующий в последнее время тезис, что базовым фактором качественного экономического развития является уровень образования, науки и инноваций, что абсолютно необходимо для создания «экономики, основанной на знаниях». Анализ, представленный в статье, вносит вклад в более корректное понимание процессов развития такой экономики в Азии.

В работе дается анализ научной литературы по проблематике развития образования и науки в Азии, которая делится на четыре кластера. Международные организации (например, ООН и ОЭСР) и транснациональные рейтинговые структуры (в частности, QS), основываясь на количественных показателях, отмечают, что Большая Восточная Азия (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Индия) стала одним из мировых лидеров с точки зрения уровня высшего образования и инноваций. Так, в сфере высоких технологий мегарегион по существу отстает только от Соединенных Штатов, причем отставание постоянно сокращается. Иная картина наблюдается на Большом Ближнем Востоке (Ближний и Средний Восток, Центральная Азия). Можно предположить, что возможности арабских стран построить «экономику, основанную на знаниях», весьма незначительны, а возможности государств Центральной Азии и Среднего Востока — неамного лучше.

С точки зрения качественного уровня, Большая Восточная Азия еще уступает Западу (за исключением отдельных самых передовых держав), а в сфере фундаментальной науки — очень серьезно. Вместе с тем проходит процесс и постоянного качественного роста. Особое внимание обращается на то, что азиатские университеты в последнее время прежде всего делают акцент на укреплении преподавания инженерных и точных дисциплин.

Ключевые слова: высшее образование, наука, международные организации, транснациональные рейтинговые структуры, Большая Восточная Азия, Большой Ближний Восток

Экономические успехи в странах Большой Восточной Азии во второй половине XX в. и в начале этого (географически сначала в Японии и затем в новых индустриальных странах первой и второй волны, а далее в Китае и Индии) привели к тому, что роль этих стран в решении региональных и глобальных проблем стала гораздо более значимой, нежели несколько десятилетий назад. Начиная с 1980-х гг. и до настоящего времени доля Азии в мировой экономической активности выросла с 20% до 32%, в то время как доля Европы существенно снизилась (при подсчете валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности доля Азия уже больше, чем всего Запада, и среди мировых лидеров Ки-

тай вышел на первое место, Индия — на третье, Япония оказалась на четвертом, а их совокупный ВВП в 2016 г. почти сравнялся с показателями Европейского Союза и США вместе взятых)¹. По мере того как росло благосостояние этих стран, усиливались голоса тех сегментов в их политических элитах, которые выступали за более видимую роль незападных стран в структурах глобального управления и более справедливое содержательное участие в системе принятия решений ключевых международных организаций и форумов.

Существенный рост экономической активности в Азии спровоцировал волну дискуссий о смещении мирового центра экономической, а в перспективе — политической динамики именно в Азию. При этом, однако, позиции азиатских стран в мире, с точки зрения их научных, инновационных и образовательных достижений, оказывались далеко не столь однозначными.

В современных условиях научно-техническое лидерство во многом является определяющим для характера современного развития. В ведущих странах мира создана экономика, основанная на знаниях, позволяющая им сохранять структурное лидерство. В 1998—1999 гг. Всемирным банком был подготовлен специальный доклад, в котором отмечалось, что устойчивое экономическое развитие обеспечивается знанием, а не капиталом. При этом в докладе выделялось два типа знания: технологическое (знание о производстве технологий) и процедурное (знание о том, как должны быть организованы социальные процессы и институты). И тот и другой тип знаний, отмечалось в докладе, неравномерно распределены в мире и внутри отдельных стран².

Ключевыми для перехода к экономике, основанной на знаниях, являются четыре фактора: соответствующий экономический и институциональный режим, достаточный уровень человеческого капитала, информационная инфраструктура и наличие национальной инновационной системы. Статистические исследования показывают, что повышение качества человеческого капитала на 10% в среднем приводит к увеличению ВВП на 9%. Именно поэтому в большинстве перечисленных выше стран Большой Восточной Азии в 1980—1990-е гг. на государственном уровне была поставлена задача по развитию науки и национальных систем образования, в особенности такого компонента этих систем, как высшее образование. В результате в период жизни всего лишь одного поколения многим из них удалось реализовать задачу по созданию университетов и исследовательских центров мирового уровня. Опыт этих стран представляется крайне востребованным для России, где также была поставлена задача повышения международной конкурентоспособности отечественных вузов и вхождение не менее пяти из них в число 100 ведущих мировых высших учебных заведений к 2020 г.

Задача данной статьи — показать высокую степень диверсификации экономически успешных стран Азии с точки зрения развития процессов образования

¹ Официальный сайт ЦРУ США. CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2001rank.html#av=-> (accessed 24.02.2017).

² World Bank web-site. URL: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTRESEARCH/EXTWDRS/0,,contentMDK:22293493~pagePK:478093~piPK:477627~theSitePK:477624,00.html#fulltext> (accessed 11.01.2016).

и науки и, кроме того, внутреннюю сегментацию этих стран с точки зрения развития в их обществе процессов образования и науки. Методологически статья основывается на анализе публикаций отечественных и зарубежных авторов, а также на наукометрических и статистических материалах международных организаций и транснациональных рейтинговых структур. Если первые показывают общие особенности стратегий стран Азии по развитию своих национальных систем образования и науки, то вторые представляют более детализированную картину этого процесса.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ОЦЕНКИ ПРОЦЕССОВ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В СТРАНАХ АЗИИ

Необходимо отметить, что опыт азиатских стран в данной области привлекает внимание многих исследователей. Исследовательская и экспертная литература по данному направлению может быть объединена в несколько кластеров.

К первому кластеру относятся исследования тенденций в области высшего образования в целом, а также изменений в роли и функциях университетов в связи с современными экономическими и социальными трансформациями. К этому кластеру относится, в частности, коллективная монография под редакцией Бо Гюрансона и Клэс Брунденьюс [Universities in Transition 2011], в которой авторы рассматривают процесс трансформаций современных университетов, их переход от существования в качестве исключительно образовательных центров к мультифункциональности, подразумевающей трансляцию знаний, производство ноу-хау/инноваций и генерирование новых технологий. Авторы комплексно анализируют образовательные системы двенадцати стран с учетом политических, экономических и социальных факторов, отмечая, в частности, что в ряде стран университеты приобрели характер многофункциональных социальных институтов, обеспечивая создание новых технологий, в то время как в России после распада Советского Союза, наоборот, вузы перестали быть двигателями технологического развития.

Общим вопросам развития высшего образования, тенденциям его интернационализации и управления посвящено фундаментальное исследование под редакцией Малькольма Тайта, Ка Хо Мок, Джерона Хусмана и Кристофера Морфью [The Routledge International Handbook 2009].

Ко второму кластеру относится исследовательская литература, анализирующая процесс становления и развития исследовательских университетов мирового уровня в Азии, а также трансформацию роли университетов в национальных экономических системах под влиянием процессов экономического развития и глобализации. В частности, процесс создания азиатских университетов мирового уровня рассматривается в коллективной монографии под редакцией зарубежных исследователей Нян Цайлю, Ци Ван и Ин Ченя [Paths to a World-Class University 2011]. В исследовании рассматриваются качественные и количественные характеристики такого понятия, как «университет мирового уровня», различные стратегии создания такого рода университетов или развития существующих до такого уровня и конкретно-страновые и региональные кейсы.

Основываясь на международном опыте, авторы в целом выделяют три стратегии продвижения к статусу университета мирового уровня: 1) государство может отобрать небольшую группу университетов, уже имеющих достаточно высокий уровень преподавания и исследований, и предпринять специальные действия по поддержке этих университетов; 2) государство может стимулировать ряд университетов к объединению для того, чтобы за счет синергетического эффекта мог быть осуществлен переход к более высокому уровню; и, наконец, 3) возможна стратегия создания университета мирового уровня с нуля. Каждая из трех перечисленных стратегий имеет как свои плюсы, так и минусы, однако ни одна из них не может реализовываться в отрыве от долгосрочной национальной стратегии социально-экономического развития. При создании университетов мирового уровня во внимание должен также приниматься тот факт, что такого рода университеты не являются ни исключительно образовательными, ни исключительно исследовательскими центрами.

В данном кластере следует также отдельно отметить группу работ, анализирующих процессы взаимосвязи университетского образования, исследований и развития экономической системы Китая, одной из крупнейших стран Азии, экономический подъем которой стал важным структурным фактором современных международных политических и экономических отношений. Среди таких работ, в частности, необходимо указать два коллективных исследования. Первое анализирует перспективы подготовки научных и инженерных кадров в Китае [Simon & Cao 2009]. Второе фокусируется на анализе вопроса о том, существуют ли в Китае структурные предпосылки для перехода к инновационной экономике [Greater China's Quest... 2008].

К четвертому кластеру можно отнести работы, которые рассматривают процесс регионализации в сфере высшего образования и исследований в странах Азии, а также влияние процессов глобализации на развитие университетов. Это, в частности, работы Роджера Чао, рассматривающие в сравнительной перспективе процессы регионализации высшего образования в Европе и Азии [Chao 2014: 559—575] и Е.В. Колдуновой, анализирующей возможности для регионального сотрудничества в сфере образования в рамках АТЭС, отчасти используя европейский опыт [Колдунова 2012: 127—134]. В 2010 г. под эгидой Ассоциации университетов Азиатско-Тихоокеанского региона (Association of Pacific Rim Universities) была подготовлена коллективная монография под редакцией Кристофера Финдли и Уильяма Тирни, анализирующая влияние глобализации на образовательный рынок стран АТР, бизнес-модели, разрабатываемые университетами АТР, характер и направления студенческой мобильности в регионе [Globalization and Tertiary Education... 2010].

В качестве отдельного кластера следует также отметить работы отечественных и зарубежных авторов, связанные с переосмыслением роли Азии в мировых процессах производства нового знания, связи модернизации и развития науки в Азии на современном этапе. К этому блоку относятся работы таких авторов, как Чэнь Гуансин [Chen 2010], Ван Хуэй [Wang 2007: 1—33], Кишор Махбубани [Mahbubani 2009; 2013], Ши Чиюй [Shih 2013], Амартя Сен [Sen 1998: 40—43],

Ашис Нанди [Nandy 1998: 142—149], Зульфикар Амир [Amir 2013], С.И. Лунев и Ю.В. Любимов [Лунев, Любимов 2011], С.И. Лунев и Е.В. Колдунова [Лунев, Колдунова 2015]. Особое внимание отмеченным проблемам уделяется также в коллективных исследованиях под редакцией профессора МГИМО А.Д. Воскресенского «Практика зарубежного регионоведения и мировой политики» и «Мировое комплексное регионоведение» [Практика зарубежного регионоведения... 2016; Мировое комплексное регионоведение 2014]. Важным источником для анализа процессов взаимосвязи модернизации, развития науки и высокотехнологической сферы является также мемуарная литература, в частности мемуары первого премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю [Ли Куан 2016] и мемуары четвертого премьер-министра Малайзии Махатхира Мохаммада [Доктор своей страны 2015].

НАУКОМЕТРИЧЕСКИЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В СТРАНАХ АЗИИ

Наукометрические и количественные показатели уровня развития образования являются сравнительно недавним явлением. Исторически уровень университетов определялся в основном их репутацией. Так, например, известностью благодаря своей репутации высококачественных учебных заведений всегда пользовались университеты Лиги плюща, объединяющей восемь американских университетов (Брауновский университет, Гарвардский университет, Дартмутский колледж, Йельский университет, Колумбийский университет, Корнелльский университет, Пенсильванский университет, Принстонский университет). Некоторое время назад для определения позиций университетов и фабрик мысли в мировой таблице о рангах стали использоваться также и количественные инструменты — международные рейтинги университетов мира. К ним, в частности, относятся такие рейтинги, как QS, «Таймс» и так называемый Шанхайский рейтинг (Academic Ranking of World Universities, ARWU). Данные рейтинги обновляются ежегодно и различаются методологическими подходами к определению лучших университетов мира, однако их данные являются основными референтными показателями для определения репутации высших учебных заведений. Следует отметить, что положение в перечисленных рейтингах существенным образом влияет на возможность университетов привлекать студенческий корпус и во многом определяет масштабы и параметры международного сотрудничества и интернационализации.

Страны Азии демонстрируют существенные достижения в завоевании ведущих позиций в международных рейтингах. В частности, в 2016 г., в соответствии с мировым университетским рейтингом QS, который признан самым достоверным, почти пятая часть элитных вузов мира расположилась в Большой Восточной Азии. В список 500 лучших университетов вошли 30 вузов из Китая (включая 6 гонконгских), 17 — из Японии, 16 — из Южной Кореи, 11 — из Тайваня, 8 — из Индии, 5 — из Малайзии, 3 — из Сингапура по 2 — из Индонезии и Таиланда, 1 — из Филиппин (20 вузов оказались в списке 100 лучших университетов). Гораздо слабее показатели Большого Ближнего Востока, где выделяются Турция (5 вузов), Саудовская Аравия, Казахстан и ОАЭ (по 3 вуза), причем лучший

из них — Университет нефти и полезных ископаемых имени короля Фахда — занял лишь 189-е место³.

На Большом Ближнем Востоке достаточно высок охват молодежи обучением в высшей школе, в которой в 2013 г. обучались 33% молодежи⁴. Однако существуют очень значительные недостатки в сфере преподавания точных и естественных дисциплин, особенно в арабских университетах. Более того, страны региона часто показывают результаты ниже среднемировых уже на уровне базового образования. В арабских странах число ученых и инженеров, занятых в научно-исследовательской и опытно-конструкторской работе почти в 3 раза уступает среднему мировому показателю. Подобная же ситуация существует и в отношении доли расходов на научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую работу в ВВП арабских стран.

Напротив, в Большой Восточной Азии особое внимание уделяется развитию технического образования. По последнему американскому рейтингу 2016 г. в список 10 лучших технических университетов мира вошли 4 китайских, 4 американских и 2 сингапурских университета⁵. При этом только в Лаосе, Камбодже и Мьянме число студентов, выбравших естественные и инженерные дисциплины, составляет менее 20% учащихся⁶. Япония и Южная Корея являются лидерами стран ОЭСР по данным показателям⁷. Показатели Китая еще выше. В 2011 г. более 90% китайских университетов готовили инженеров⁸. Если в 1999 г. количество выпускников-инженеров составило менее 200 тыс., то в 2014 г. было выпущено почти 1,2 млн⁹.

Одним из основных рейтингов фабрик мысли в последние годы стал рейтинг, публикуемый Пенсильванским университетом под названием «Global Go to Think Tank Report». К числу наиболее влиятельных фабрик мысли в Азии в 2014 г. рейтинг относит следующие аналитические центры: Корейский институт развития (Korea Development Institute), Японский институт международных отношений (Japan Institute of International Affairs), Китайская академия международных исследований (China Institute of International Studies), Корейский институт международной экономической политики (Korea Institute for International Economic Policy), Китайский институт современных международных исследований (China Institute

³ QS World University Rankings 2016—2017. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2016> (accessed 24.02.2017).

⁴ Сайт Мирового банка — World Development Indicators: Participation in education. URL: <http://wdi.worldbank.org/table/2.11> (accessed 28.01.2016).

⁵ U.S. News and World Report. URL: <http://www.usnews.com/education/best-global-universities/engineering> (accessed 04.01.2017).

⁶ Putting Higher Education to Work Skills and Research for Growth in East Asia. World Bank East Asia and Pacific Regional Report. Washington: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2016. P. 50.

⁷ Education at a Glance 2016: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing; 2016. P. 72.

⁸ Zhu Gaofeng. The Status and Prospects of Engineering Education in China, CAETS/HAE Symposium, Budapest, June 2013. URL: <http://www.caets.org/File.aspx?id=11529> (accessed 04.01.2017).

⁹ Ministry of Education of the People's Republic of China. URL: <http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s3409/index.html>, Education Statistics (accessed 04.03.2016).

for Contemporary International Relations), Институт политических исследований Асан (Asan Institute for Policy Studies), Азиатский форум (Asia Forum Japan), Наблюдательно-исследовательский фонд (Observer Research Foundation, India), Карнеги-Цинхуа (Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy), Институт оборонных исследований и анализа (Institute for Defence Studies and Analysis, India).

В качестве дополнительных количественных показателей уровня развития науки, образования и инноваций можно также использовать данные об уровне развития человека (индекс развития человеческого потенциала), рассчитываемые Программой развития Организации Объединенных Наций, и индекс глобальной конкурентоспособности, содержащийся в докладах Всемирного экономического форума (Global Competitiveness Report).

Очень много количественных показателей по образованию и науке содержится в базе статистических данных таких международных организаций, как ЮНЕСКО, Международный валютный фонд, Мировой банк, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Следует особо отметить и значимость исследований, осуществляемых под эгидой международных организаций, и их докладов, в которых содержится масса интересных выводов. Так, в докладе ОЭСР 2015, подготовленном на основе Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment, PISA), в частности, отмечается, что за прошедшие 10 лет со времени проведения ОЭСР аналогичного исследования, несмотря на то, что расходы на начальное и среднее образование в мире в среднем увеличились на 20%, научная грамотность школьников существенно повысилась лишь в нескольких странах¹⁰. Среди них — Сингапур и Макао (Китай). В докладе также отмечается, что последние статистические данные показывают размывание границ между традиционными категориями богатых и бедных стран. Сравнивая положение 10% наиболее малоимущих школьников во Вьетнаме с аналогичными категориями в развитых странах, авторы доклада приходят к выводу о том, что положение страны в категории богатых не обуславливает комплексных усилий государства по обеспечению образования для всех категорий населения.

Авторы также проанализировали различные стратегии азиатских стран по развитию университетов, которые тем не менее ориентировались на общие международно признанные критерии и показатели, в том числе квантифицируемые перечисленными выше международными рейтингами. Сингапур в силу объективных территориально-географических и экономических ограничений концентрировался на подъеме двух ключевых университетов — Национального университета Сингапура и Наньянского технологического университета. В Южной Корее в отличие от Сингапура акцент был сделан сразу же на всем секторе высшего образования и массовом подъеме уровня университетов через активное развитие исследований и интернационализацию высшего образования.

¹⁰ OECD (2016), PISA 2015 Results (Volume I): Excellence and Equity in Education, PISA, OECD Publishing, Paris. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264266490-en> (accessed 04.03.2016).

В КНР в середине 1990-х гг. вслед за другими странами Восточной Азии началась реализация поэтапного плана создания исследовательских университетов и университетов мирового уровня. В 1995 г. правительством была поставлена задача доведения 100 университетов до уровня лучших в стране с точки зрения их роли в социально-экономическом развитии КНР и участия в международном сотрудничестве. Этим университетам были выделены средства на развитие дисциплинарных и междисциплинарных программ и инфраструктуры кампусов.

Отдельный кластер высшего образования должны были составить еще 39 университетов. Предполагалось, что 9 из них должны войти в топ мировых университетских рейтингов (Фуданьский университет, Харбинский политехнический университет, Нанкинский университет, Пекинский университет, Шанхайский университет Цзяо Тун, университет Цинхуа, Научно-технический университет Китая, Сианьский университет Цзяо Тун и Чжэцзяньский университет), а остальные 30 — составить группу университетов с высоким уровнем преподавания и хорошей международной репутацией.

На базе историографического обзора авторы пришли к выводу о том, что по мере экономического роста стран Азии и сокращения разрыва с ведущими странами мирового экономического ядра в ряде азиатских стран (в частности, относящихся к Большой Восточной Азии) стали предприниматься усилия по сокращению отставания и в плане развития науки и образования.

При этом, однако, усилилась дифференциация стран Азии. Она, в частности, выразилась в появлении группы стран, которые всячески стремятся сократить разрыв с Западом в высокотехнологической и образовательной сферах и, по-видимому, будут продолжать это делать, и стран, где такие попытки не предпринимаются. Государства Большого Ближнего Востока, добившись существенного прогресса в плане базового образования, являются аутсайдерами в сферах науки и высшего образования и опережают только тропическую Африку. К числу стран, лидирующих в данной сфере, следует отнести Японию, новые индустриальные страны первой и второй волн, Китай и Индию. При этом в плане развития фундаментальной науки даже страны Большой Восточной Азии очень серьезно отстают от Запада.

За прошедшие полвека в Азии сформировались также целые группы фабрик мысли, различающиеся своей специализацией. Из представленного ранее перечня наиболее влиятельных фабрик мысли, согласно Пенсильванскому рейтингу, также можно сделать вывод о том, что в этой области лидируют такие страны, как Китай, Япония, Южная Корея и Индия.

Благодарность: Данная статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 15-03-00438.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Доктор своей страны: Мемуары четвертого премьер-министра Малайзии. В 2 томах. М.: МГИМО-Университет; 2015.

Колдунова Е.В. Университет создает социальный и человеческий капитал // *Международная жизнь.* 2012. Специальный выпуск «АТЭС Россия 2012». С. 127—134.

- Ли Куан Ю. Из третьего мира — в первый. История Сингапура 1965—2000. М.: Манн, Иванов и Фарбер; 2016.
- Лунев С.И., Колдунова Е.В. Развитие социально-политической мысли, высоких технологий и науки в крупнейших странах Азии. М.: Academia; 2015.
- Лунев С.И., Любимов Ю.В. Может ли Восток догнать Запад. Развитие науки в крупнейших странах Азии. М.: МГИМО-Университет; 2011.
- Мировое комплексное регионоведение* / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр, НИЦ ИНФРА-М; 2014.
- Практика зарубежного регионоведения и мировой политики* / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр, НИЦ ИНФРА-М; 2016.
- Amir S. The Technological State in Indonesia: The Co-constitution of High Technology and Authoritarian Politics. Abingron: Routledge; 2013.
- Chao R. Paths to an East Asian Higher Education Area: a Comparative Analysis of East Asian and European Regionalization Processes // Higher Education. 2014. Vol. 68. N 4. P. 559—575.
- Chen K. Asia as a Method: Towards Deimperialization. Durham and London: Duke University Press; 2010.
- Globalization and Tertiary Education in the Asia-Pacific: The Changing Nature of a Dynamic Market*. Ed. by C. Findlay, W. Tierney. Singapore: World Scientific; 2010.
- Greater China's Quest for Innovation*. Ed. by H.S. Rowen, M.G. Hancock, W.F. Miller. Stanford: Stanford University; 2008.
- Mahbubani K. Can Asians Think? Singapore: Marshall Cavendish Editions; 2009.
- Mahbubani K. The Great Convergence: Asia, the West and the Logic of One World. N.Y.: Public Affairs; 2013.
- Nandy A. Defining a New Cosmopolitanism: Towards a Dialogue of Asian Civilizations. In: Chen K.-H., editor. Trajectories: Inter-Asia Cultural Studies. London: Routledge; 1998. p. 142—149.
- Paths to a World-Class University: Lessons from Practices and Experiences*. Ed. by N.C. Liu, Q. Wang, Y. Cheng. Rotterdam: Sense Publishers; 2011.
- Sen A. Universal Truths: Human Rights and the Westernizing Illusion // Harvard International Review. 1998. Vol. 20. N 3. P. 40—43.
- Shih Ch. Sinicizing International Relations: Self, Civilization, and Intellectual Politics in Subaltern East Asia. NY: Palgrave Macmillan; 2013.
- Simon D., Cao C. China's Emerging Technological Edge: Assessing the Role of High-End Talent. NY: Cambridge University Press; 2009.
- The Routledge International Handbook of Higher Education*. Ed. by M. Tight, K.H. Mok, J. Huisman, C.C. Morphew. Abington: Routledge; 2009.
- Universities in Transition: The Changing Role and Challenges for Academic Institutions*. Ed. by B. Görensson, C. Brundenius. NY, Dordrecht, Heidelberg, London: Springer; 2011.
- Wang H. The Politics of Imagining Asia: A Geneological Analysis // Inter-Asia Cultural Studies. 2007. Vol. 8. N 1. P. 1—33.

Дата поступления статьи: 26.02.2017

Для цитирования: Колдунова Е.В., Лунев С.И. Процессы трансформации системы образования и науки в странах Азии в оценках международных организаций и транснациональных рейтинговых структур // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 190—200.

Сведения об авторе:

Колдунова Екатерина Валерьевна — канд. полит. наук, заместитель декана факультета политологии, доцент кафедры востоковедения факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru).

Лунев Сергей Иванович — д-р ист. наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, профессор НИУ ВШЭ (e-mail: silounev@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-190-200

THE PROCESSES OF TRANSFORMATION OF THE EDUCATION SYSTEM AND SCIENCE IN ASIA IN THE ESTIMATES OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS AND TRANSNATIONAL RATING AGENCIES

E.V. Koldunova, S.I. Lounev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article presents a historiographical review of assessments of higher education and science development in Asia, which has now become the key economic region of the world. It is a common knowledge that education, science and innovations represent a driving force of economic development and indispensable for building a knowledge-based economy. The analysis presented in this article adds to a better understanding of knowledge-based economy development in Greater Eastern Asia. The article presents the research literature and science metrics analysis on science and education development in Asia dividing it into four clusters. International organizations (e.g., the UN and OECD) and transnational ranking agencies (like QS) judging by the quantitative indicators point out that Greater Eastern Asia (Northeast Asia, Southeast Asia and India) has become one of the world leaders in terms of higher education development and innovations. In high technologies, the region is second only to the USA and is constantly bridging this gap. Greater Middle East (the Middle East and Central Asia) looks differently in this respect. Arab countries' opportunities to build knowledge-based economy are very limited as well as those of Central Asia. In terms of quality of science and education Greater Eastern Asia (with the exception of the most advanced countries of the region) is still lagging behind the West and in terms of fundamental science this gap looks very serious. However, there are efforts in place to make the rise of science and education in Asia more quality-oriented, for instance focusing more on strengthening engineering and hard science in the Asian universities.

Key words: higher education, science, international organizations, transnational rating structures, Greater Eastern Asia, Greater Middle East

Acknowledgments: This article was prepared within the framework of the project of RFBR № 15-03-00438.

REFERENCES

- Amir, S. (2013). *The Technological State in Indonesia: The Co-constitution of High Technology and Authoritarian Politics*. Abingron: Routledge.
- Chao, R. (2014). Paths to an East Asian Higher Education Area: A Comparative Analysis of East Asian and European Regionalization Processes. *Higher Education*. 68 (4), 559—575.
- Chen, K. (2010). *Asia as a Method: Towards Deimperialization*. Durham and London: Duke University Press.
- A Doctor in the House: the Memoir of the Fourth Prime Minister of Malaysia*. (2015). Vol. 1—2. Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russ.).
- Findlay, C., & Tierney, W. (eds). (2010). *Globalization and Tertiary Education in the Asia-Pacific: The Changing Nature of a Dynamic Market*. Singapore: World Scientific.

- Greater China's Quest for Innovation*. (2008). Rowen, H. S., Hancock, M. G., & Miller, W.F. (eds). Stanford: Stanford University.
- Koldunova, E. V. (2012). An University creates social and human capital. *Mezhdunarodnaya zhizn. Spetsialnyiy vyipusk ATES Rossiya 2012*, 127—134. (In Russ.).
- Lee, Kuan Yew. (2016). *From Third World to First. The Singapore Story 1965—2000*. Moscow: Mann, Ivanov i Farber. (In Russ.).
- Lounev, S. I., & Koldunova, E. V. (2015). *The Development of Social and Political Thought, Technology and Science in the Largest Countries of Asia*. Moscow: Academia. (In Russ.).
- Lounev, S. I., & Lyubimov, Yu. V. (2011). *Can the East Catch up with the West (the Development of Science and Education in the Largest Countries of Asia)?* Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russ.).
- Mahbubani, K. (2009). *Can Asians Think?* Singapore: Marshall Cavendish Editions.
- Mahbubani, K. (2013). *The Great Convergence: Asia, the West and the Logic of One World*. N.Y.: Public Affairs.
- Nandy, A. (1998). *Defining a New Cosmopolitanism: Towards a Dialogue of Asian Civilizations*. In: Chen K.-H., editor. *Trajectories: Inter-Asia Cultural Studies*. London: Routledge; p. 142—149.
- Paths to a World-Class University: Lessons from Practices and Experiences*. (2011). Liu, N. C., Wang, Q., & Cheng, Y. (eds.) Rotterdam: Sense Publishers.
- Sen, A. (1998). Universal Truths: Human Rights and the Westernizing Illusion // *Harvard International Review*, 20 (3), 40—43.
- Shih, Ch. (2013). *Sinicizing International Relations: Self, Civilization, and Intellectual Politics in Subaltern East Asia*. NY: Palgrave Macmillan.
- Simon, D., & Cao, C. (2009). *China's Emerging Technological Edge: Assessing the Role of High-End Talent*. NY: Cambridge University Press.
- The Routledge International Handbook of Higher Education*. (2009). Tight, M., Mok, K. H., Huisman, J., & Morphew, C. C. (eds). Abington: Routledge.
- Universities in Transition: The Changing Role and Challenges for Academic Institutions*. (2011). Görensson, B., & Brundenius, C. (eds). NY, Dordrecht, Heidelberg, London: Springer.
- World Complex Regional Studies*. Voskresenskii A. D. (ed). (2014). Moscow: Magistr Infra-M Publ. (In Russ.).
- Doing International Regional Studies and World Politics*. Voskresenskii A. D. (ed). (2016). Moscow: Magistr Infra-M Publ. (In Russ.).
- Wang, H. (2007). The Politics of Imagining Asia: A Geneological Analysis // *Inter-Asia Cultural Studies*. 8(1), 1—33.

Received: 26.02.2017

For citations: Koldunova, E.V., Lounev, S.I. (2017). The Processes of Transformation of the Education System and Science in Asia in the Estimates of International Organizations and Transnational Rating Agencies. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 190—200.

About the authors:

Koldunova Ekaterina Valer'evna — PhD in Political Science, Vice-Dean of the School of Political Affairs, Associate Professor of the Department of Asian and African Studies of the School of International Relations of the Moscow State Institute (University) of International Relations, MFA of Russia (e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru).

Lunev Sergei Ivanovich — Doctor of History, Professor of the Moscow State Institute (University) of International Relations, MFA of Russia, Professor of Higher School of Economics (e-mail: silounev@gmail.com).

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-201-207

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
Ситуационные анализы: Выпуск 5: Международные институты
в современной мировой политике: Кол. монография /
[Э. Я. Баталов и др.]; Под ред. Т.А. Шаклеиной.
М.: МГИМО МИД России; 2017. — 481 с.

С.А. Бокерия, А.В. Шабага

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Международные организации и международные институты являются уникальным явлением в сфере международных отношений, где их количественный рост, активность, углубление их интеграционных усилий являются формальным выражением степени «институализации» мировой политики. Анализ сложных явлений институционального взаимодействия, функционирования и последствий, которые международные институты оказывают на мировую политику, представляет собой важную проблему для исследования. Одним из примеров таких работ является коллективная монография «Ситуационные анализы: Вып. 5: Международные институты в современной мировой политике», опубликованная в Московском государственном институте международных отношений (Университет) МИД России под редакцией Т.А. Шаклеиной в 2017 г., которая достойно продолжает традицию школы структурного анализа МГИМО.

Данный выпуск серии ситуационных анализов по международной проблематике стал квинтэссенцией научных наработок ученых, последователей школы прикладного анализа МГИМО, посвященных основным трендам в области трансформации международного измерения, переформатирования взаимоотношений международных институтов в условиях современных вызовов и угроз, а также политических игр отдельных государств и их последствий для миростроительства.

Объектом значительной части институциональных исследований в Российской Федерации были отдельно взятые конкретные институты или проблема глобального управления. Несмотря на немногочисленный ряд работ, посвященных глобальным режимам, попытки ситуационного анализа международных институтов носят единичный характер, что, безусловно, актуализирует данную оригинальную работу коллектива авторов.

Монография «Международные институты» является продолжением научной работы коллектива в рамках регулярно проводимых ситуационных анализов, которые посвящены проблемам международных отношений и мировой политики, акцентируя важность исследования данного феномена, обусловленную их влиянием на внешнеполитический курс РФ. Работа продолжает серию из 4 выпусков ситуационных анализов МГИМО, вышедших в 2011—2014 гг. [Ситуационные анализы 2011; 2012; 2013; 2014].

Стоит отметить, что формат ситуационных анализов нашел свое яркое продолжение и в рамках деятельности кафедры теории и истории международных отношений РУДН, где уже в течение ряда лет проводятся экспертные семинары по теории и практике ситуационных анализов международных конфликтов. В частности, в 2015 г. в ходе экспертного семинара сделана попытка рассмотреть как количественные, так и качественные подходы к анализу одной из проблем международных отношений (нелинейные процессы и динамический хаос) [Дегтерев, Савичева, Матева 2015]. Выводы и рекомендации по итогам ситуационных анализов нашли свое воплощение в пособии, посвященном комплексной междисциплинарной методике РУДН ситуационного анализа международных конфликтов [Комплексная... 2014].

В рамках драматического роста числа как формальных, так и неформальных международных институтов в рамках современных мировых исследований обретают актуальность вопросы об их роли в мировой политике и проблеме взаимодействия, тем самым популяризируя важность исследований, оценок и рекомендаций научного коллектива рецензируемой монографии. Монография посвящена теме, научная актуальность и практическая значимость которой не вызывают сомнения.

В работе авторы предприняли анализ доминирующих моделей взаимодействия, продемонстрировав доскональное знание материала, их выводы аргументированы и вытекают из проведенного исследования.

Рецензируемая монография привлекает внимание читателя уже самим названием, в котором практически и ставится главная проблема, связанная с таким феноменом, как международные институты, их природой и содержанием, которое в силу альтернативности трактовок остается предметным полем для дискуссий.

Коллектив авторов монографии предлагает свое видение проблемы функционирования международных институтов в мировой политике сквозь призму процессов структурного и контентного усложнения и обобщает выводы, к которым пришли участники ситуационного анализа. Международные институты играют важную роль в мировой политике, учитывая различные форматы взаимодействия, предлагаемые государствам, усугубляющиеся существенным диссонансом в политической сфере и усиливающие соперничество в экономической сфере они выступают той площадкой, которая предлагает различные варианты. Каков же реальный диапазон взаимозависимости и сотрудничества государств и международных институтов? Чего ожидают государства от сотрудничества? Как могут в дальнейшем развиваться отношения взаимодействия и какая из допустимых моделей сотрудничества наиболее выгодна для Российской Федерации? На эти и многие другие узловые вопросы авторы дают обоснованные, фактологически подкрепленные ответы, основанные на анализе широкой источниковой базы.

В работе обосновывается необходимость налаживания интеграционных процессов в целях ответа на новые вызовы и угрозы современного мира, реформирования и реформирования глобальной структуры ООН, включая Совет Безопасности, исследования моделей сотрудничества и взаимодействия суверенных наций-государств и международных институтов, пересмотра понятия личностной безопасности в условиях глобализации и политизации мира.

Сочетание данных составляющих компонентов является безусловно достоинством рецензируемой монографии. Над ситуационным анализом работали известные российские эксперты в области международных отношений, молодые дипломаты, ученые.

Заявленная в монографии тематика затрагивает широкий круг проблем функционирования международных институтов в области международных отношений и мировой политики.

Для работы свойственно сложное, многослойное композиционное построение исследования, основывающееся на серьезной источниковой базе. Данная монография состоит из двух разделов в соответствии с логикой изложения материала. Структура работы нацелена на раскрытие центральной проблематики исследования.

В первой части («Полицентричность XXI века», главы 1—4) излагается сделанная участниками ситуационного анализа краткая оценка международных институтов в мировой политике, формирования мирового порядка и роли США в этом процессе, современного развития ООН, а также международной финансовой системы и реформирования глобальных институтов. Выделяются ключевые проблемы и болевые точки: взаимодействие международных институтов на фоне структурного и содержательного усложнения мира, глобализации, дезинтеграции и реинтеграции, в условиях полицентричности и тенденции к ориентализации; форматы сотрудничества государств и международных институтов в настоящее время приобретают особую значимость; проблемы современности (незаконное производство и оборот наркотиков, международный терроризм, изменения климата) оказывают влияние как на деятельность существующих международных объединений и институтов, так и на появление новых.

Принимая во внимание подвижность и постоянную трансформацию глобального миропорядка, расширяется классификация международных институтов. С ростом влияния глобального Юга на международные процессы, возрастанием миграции и обострением небезопасности человека и человечества, а также стремлением США отстаивать свои интересы в ущерб позиции ООН и других государств, возникает необходимость усовершенствования деятельности ООН как универсальной и самой представительной площадки для проведения дискуссий, и эффективного инструмента решения мировых проблем.

Большой интерес представляет исследование ключевых проблем, вызванных функционированием международных объединений в рамках внешней политики США. Авторы, подробно исследовав эволюцию американской политики со времен войны во Вьетнаме и до наших дней, выделяют основные политические стратегии Вашингтона (кредитование на политических условиях, демократизация мира по американскому образцу, гуманитарные интервенции в обход ООН и др.), которые повлияли на международные процессы, а также важны для понимания сложившейся нынешней ситуации в российско-американских отношениях.

В монографии детально и глубоко изучены реалии глобального финансового управления, проанализированы сети международных институтов, дана оценка системе управления международными финансами посредством сетевого анализа.

Представленная тема является особенно актуальной, поскольку финансовые институты оказывают большое влияние на формирование и функционирование системы международного взаимодействия как между государствами, так и с международными институтами. В этой связи интересен опыт построения альтернативной финансовой архитектуры на примере Банка развития БРИКС, а также создание рабочей группы по формированию международного финансового центра в Москве. Наряду с полицентричностью в международных отношениях нарастает и конкуренция глобальных и региональных институтов, последние набирают силу, и порой, оказываются наиболее эффективными в решении текущих проблем.

Во второй части книги («Проблемы мирорегулирования и международные организации», главы 5—12) рассмотрено современное состояние и перспективы развития американской сети военно-политических союзов, отражены уязвимые стороны ООН, представлен анализ раскладки сил ЕС в международном измерении, исследована роль американо-японского сотрудничества в деле стабилизации ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, отмечены аспекты евразийской интеграции.

На примере американо-японского альянса показано то, как две страны, пытаясь защитить свои национальные интересы, сталкиваются с рядом противоречий как внутренних (в частности, большие военные издержки), так и внешних (рост активности КНР), и в этом, безусловно, заключается особенность их взаимодействия. Но в то же время подобные противоречия свойственны любым союзам государств.

Описание деятельности ОЭСР в глобальном управлении заслуживает отдельного внимания, так как это яркое свидетельство того, как, на первый взгляд, организация, находящаяся в тени, может на самом деле выполнять роль законодателя двусторонних связей, устанавливая глобальную сеть взаимодействия с рядом быстроразвивающихся стран, «Группой двадцати», МОТ, ЮНКТАД, а также различными неправительственными организациями. ОЭСР подготавливает большую часть решений, внедряемых далее в МВФ, ВБ, ВТО и других организациях, тем самым влияя на расстановку сил в институциональном пространстве мира.

Палестинский вопрос является сложнейшим вызовом для ООН в новых реалиях XXI в., поскольку его невозможно решить в обход Израиля. В процесс урегулирования ситуации вовлечены не только международные организации, но и внерегиональные страны, преследующие свои амбициозные цели. Данная проблематика очередной раз актуализирует необходимость реформирования ООН, так как резолюции Генассамблеи до сих пор носят рекомендательный характер, а конфликтное разрешение ограничивается лишь гуманитарной помощью и консультациями. Неоспорим тот факт, что реформы ООН должны повышать «коэффициент полезного действия» организации, а не подрывать ее устои.

В условиях структурной организации евразийского пространства особое значение принадлежит РФ, которая выполняет роль ядра евроазиатской интеграции. Однако объединительная деятельность, результатом которой стало создание ЕАЭС, ослабляется активными политическими притязаниями других держав на постсоветской территории.

Представлены заключения, касающиеся основных направлений внешней политики ведущих стран в сфере взаимодействия с международными институтами, выделены стратегии и обозначены правила политических игр на примере мировых держав, стремящихся защищать свои геополитические интересы в обход ООН, представлена позиция России по ключевым проблемным вопросам современной институциональной картины мира.

В монографии прописаны рекомендации, касающиеся: выработки стратегии России по отношению к внешним кибератакам (о необходимости разработки и принятия государствами — членами ООН Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности (МИБ), закреплению российских инициатив в области формирования системы глобальной инфобезопасности, проведению на регулярной основе двусторонних и многосторонних экспертных консультаций по данному направлению; налаживанию интеграционных процессов на постсоветском пространстве и др.

Помимо этого вносятся предложения относительно улучшения качества знаний о функционировании глобальной финансовой системы и подготовки высококвалифицированных кадров в данной области.

Очевидно, что формат ситуационного анализа не позволил осуществить всесторонний анализ международных институтов, но представленный срез научных работ по институциональному миростроительству вносит весомый вклад в исследовательскую дискуссию по данной проблематике, помогая лучше понять современную международную расстановку политических и экономических сил.

В монографии рассматриваются такие организации, как ООН, международные финансовые институты (МВФ, группа ВБ, СФС), НАТО, ОЭС, БРИКС, ВТО, ОБСЕ, СЕ, СНГ, ЕврАзЭС и другие.

Авторы монографии затронули широкий спектр узловых проблем во взаимодействии национальных государств и международных институтов, вопросы эффективности современных международных институтов, их способность отвечать на текущие вызовы и угрозы, последствия гегемонистского подхода в мировой политике и экономике на примере США, факторы европейской и евроатлантической безопасности. Эта проблематика является системообразующей основой современных международных отношений.

Что еще привлекает внимание в данной монографии, — это исследование с позиции интересов РФ и ее участия в международных многосторонних институтах.

Анализируемая в монографии деятельность многосторонних институтов показывает, что увеличивающееся внимание международных межправительственных, региональных организаций и институтов к проблеме поддержания международного мира и безопасности поставила их перед насущной необходимостью функционировать в быстро меняющихся условиях с упором на старые механизмы и инструменты, в связи с этим вопросы адаптации международных институтов и оперативного реагирования занимают центральное место в повестке дня, требуя дальнейшей научно-теоретической проработки и переосмысления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дегтерев Д.А., Савичева Е.М., Матева И.М. Динамический хаос, конфликты на Большом Ближнем Востоке и механизмы глобального управления в XXI в. (материалы экспертного семинара и ситуационного анализа РУДН) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15, № 3. С. 9—23.
- Комплексная междисциплинарная методика РУДН ситуационного анализа международных конфликтов: учебно-методическое пособие* / Под ред. Д.А. Дегтерева, В.Г. Джангириана, В.А. Цвыка. М.: РУДН; 2014.
- Ситуационные анализы. Выпуск 1* / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет; 2011.
- Ситуационные анализы. Выпуск 2* / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет; 2012.
- Ситуационные анализы. Выпуск 3* / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет; 2013.
- Ситуационные анализы. Выпуск 4: Америка в фокусе российских исследователей: история и современность* / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет; 2014.
- Ситуационные анализы. Выпуск 5: Международные институты в современной мировой политике* / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет; 2017.

Дата поступления статьи: 23.02.2017

Для цитирования: Бокерия С.А., Шаблага А.В. Рецензия на монографию: Ситуационные анализы: Выпуск 5: Международные институты в современной мировой политике: Кол. монография / [Э.Я. Баталов и др.]; под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО МИД России; 2017. — 481 с. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 201—207.

Сведения об авторах:

Бокерия Светлана Александровна — канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: bokeriya_sa@rudn.university).

Шаблага Андрей Владимирович — д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, главный редактор журнала *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения* (e-mail: shabaga_av@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-201-207

REVIEW OF THE BOOK:

Situational Analysis: Issue 5: International institutions in the contemporary world's politics: collective monography / [E. Y. Batalov and others.]; edited by T. A. Shakleina. — Moscow: MGIMO-University, MFA of Russia, 2017. — 481 p. (in Russian)

S.A. Bokeriya, A.V. Shabaga

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

REFERENCES

- Degterev, D. A., Savicheva, E. M., & Mateva, I. M. (2015). Dynamic chaos, conflict in the Greater Middle East and the mechanisms of global governance in the XXI century. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (3), 9—23. (In Russ.)

- Integrated interdisciplinary RUDN methodology of situation analysis of international conflicts.* (2014). Ed. by D.A. Degterev, V.G. Dzhangirjan, V.A. Cvyk. Moscow: RUDN. (In Russ.)
- Situational Analysis: Issue 1.* (2011). Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University). (In Russ.)
- Situational Analysis: Issue 2.* (2012). Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University). (In Russ.)
- Situational Analysis: Issue 3.* (2013). Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University). (In Russ.)
- Situational Analysis: Issue 4: America in the focus of Russian researchers: history and modernity.* (2014). Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University). (In Russ.)
- Situational Analysis: Issue 5: International institutions in the contemporary world's politics.* (2017). Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University). (In Russ.)

Received: 23.02.2017

For citations: Bokeriya, S.A., Shabaga, A.V. (2017). Review of the book: *Situational Analysis: Issue 5: International institutions in the contemporary world's politics.* *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 201—207.

About the authors:

Bokeriya Svetlana Aleksandrovna — PhD in Law, Assistant Professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: bokeriya_sa@rudn.university).

Shabaga Andrei Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University, Editor-in-Chief of *Vestnik RUDN. International Relations* (e-mail: shabaga_av@rudn.university).

© Шабара А.В., Бокерия С.А., 2017

ЭКСПЕРТНЫЙ ПОРТАЛ РУДН ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

<http://ir.rudn.ru/>

Научные монографии, периодика и конференции РУДН по приоритетным темам:

- ◆ региональные аспекты МО — СНГ, Азия (в том числе Афганистан), Африка, Латинская Америка;
- ◆ история международных отношений;
- ◆ прикладной анализ МО;
- ◆ международная помощь.

Новое в отечественной международно-политической науке — **Базы данных по международным отношениям.**

На сегодняшний день на экспертном портале РУДН размещена база данных «Внешняя политика стран СНГ».

Структура базы данных

№	Название	Описание
1	Базовые документы СНГ	Полнотекстовые версии основных соглашений СНГ и даты их подписания странами — членами содружества
2	Базовые документы ОДКБ	Полнотекстовые версии основных соглашений ОДКБ даты их подписания странами — членами организации
3	Базовые документы ЕврАзЭС, ТС, ЕЭП и ЕАЭС	Полнотекстовые версии основных соглашений и даты их подписания странами-членами
4	Вузы — участники СУ СНГ	Перечень вузов участников Сетевого университета СНГ и полнотекстовые версии соглашений о совместной подготовке магистров
5	Доктринальные документы стран СНГ	Полнотекстовые версии основных концептуальных документов (концепции внешней политики, стратегии национальной безопасности, национальные доктрины и др.) стран СНГ, включая действующие и предыдущие версии
6	Участие стран СНГ в международных организациях и форумах	Статус членства стран СНГ в 20 международных организациях, основная хронология и полнотекстовые версии документов о сотрудничестве с данными организациями
7	Голосование стран СНГ на ГА ООН	Сравнение голосования стран СНГ в ходе 47—70 сессий ГА ООН друг с другом, а также со странами «Группы двадцати»
8	Выступления представителей стран СНГ на общих дебатах ГА ООН	Полнотекстовые версии выступлений (на русском и английском языке) представителей стран СНГ на открытии 64—71 сессий ГА ООН
9	Сеть дипломатических представительств стран СНГ за рубежом	Сеть посольств стран СНГ в зарубежных странах с разбивкой по регионам
10	Двустороннее сотрудничество стран СНГ и сопредельных государств	Основные документы двустороннего сотрудничества стран СНГ между собой, а также с Грузией, США, КНР, Японией, Турцией, Ираном и Афганистаном. Анализ приведен по 115 парам двусторонних отношений
11	Торгово-экономические связи стран СНГ	Указаны основные партнеры по экспорту и импорту стран СНГ в 1997—2016 гг.

*Экспертный портал РУДН — полезный ресурс
для исследователей-международников!*